МИРЫ БИМА ПАЙПЕРА

МАЛЕНЬКИЙ ПУШИСТИК

Пушистик разумный (Fuzzy Sapiens)

Бим Пайпер

Аннотация
Бим Пайпер. ПУШИСТИК РАЗУМНЫЙ
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19

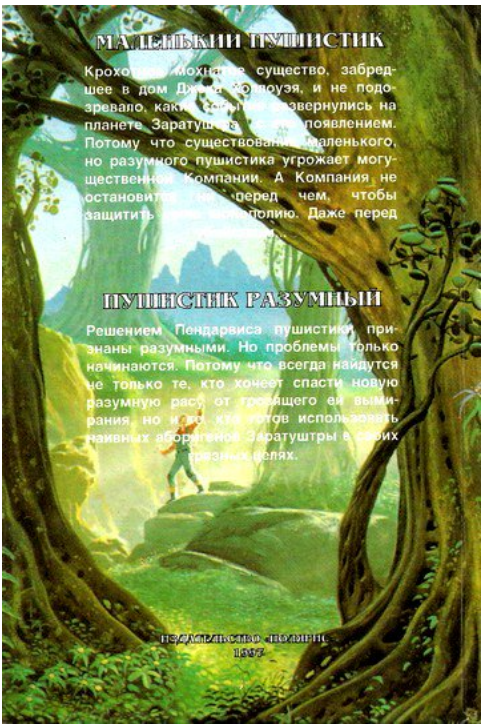
20
21
22

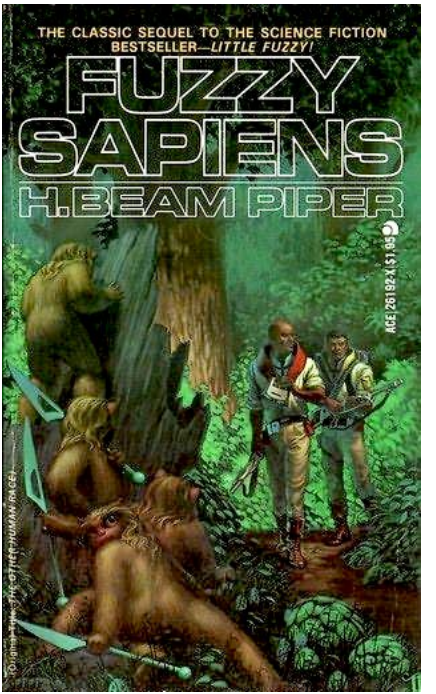
Аннотация

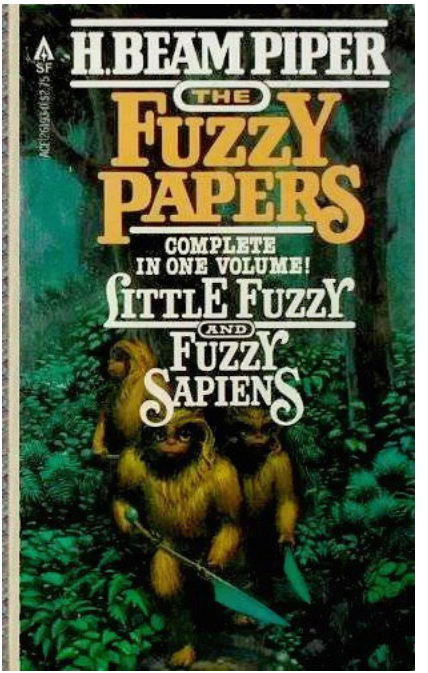
H. Beam Piper. Fuzzy Sapiens (1964). («The Little Fuzzy» № 2).

По решению судьи Пэндервиса Пушистики были объявлены разумными существами, что гарантировало им защиту и безопасность. Но чего стоили эти заверения? Пушистики собирались это выяснить… Кое-кто надеялся извлечь большие доходы, эксплуатируя их. И дело даже шло к тому, что они могли стать еще одним видом, вымирающим по вине человека Земли…

Бим Пайпер
ПУШИСТИК РАЗУМНЫЙ




THE CLASSIC SEQUEL TO THE SCIENCE FICTION BESTSELLER—LITTLE FUZZY!
FUZZY SAPIENS
H. BEAM PIPER
ACE 26192-X $1.95
Original Title: THE OTHER HUMAN RACE!


SF
H. BEAM PIPER
THE
FUZZY
PAPERS
COMPLETE
IN ONE VOLUME!
LITTLE FUZZY
AND
FUZZY
SAPIENS

1

Виктор Грего отпил охлажденного фруктового сока и отодвинул стакан в сторону, затем закурил сигарету и долил в чашку горячий кофе взамен остывшего. Еще один проклятый день; за ночь он едва отдохнул от предыдущего и тех дней, которые были еще раньше. Он отхлебнул маленький глоточек кофе и почувствовал, что снова принадлежит роду человеческому.

Все дни конференции проходили во взаимных обвинениях и ссорах, но он надеялся, что сегодня наступит конец всему этому. Завтра вечером весь дивизион начальников узнает, что было сделано. Они или побегут к нему с вопросами, которые вполне могут решить сами, или станут надоедать ему, давая советы. Великий Боже, только бы они сами не начали управлять делами!

Вся неприятность была в том, что за последние пятнадцать, ну может, двадцать лет все решения были приняты заранее и персонал работал по шаблону. Но это было, когда Заратуштра была необитаемой планетой класса Четыре и Компания открыто владела ею. Привилегированная

Компания Заратуштры могла просто не допустить этого. Так было до тех пор, пока старый Джек Хеллоуэй не встретил маленького пушистого человечка, которого он назвал Маленьким Пушистиком.

В то время все потеряли голову. И он тоже, он сделал такие вещи, о которых ему не хотелось даже вспоминать. Большинство его подчиненных так и не смогли больше прийти в себя, однако не привилегированная Компания Заратуштры действовала, если, конечно, так можно выразиться, постоянно находясь в критическом положении.

Чашка снова наполовину опустела; он долил ее до краев и, прежде чем затушить сигарету, прикурил от нее новую. Возможно, лучше все начать сначала. Он потянулся через стол и включил экран связи.

На нем тут же появилась Мирра Фаллада. У нее были тщательно завитые белые волосы, слегка желтоватое круглое лицо и выпуклые голубые глаза. Оттопыренная нижняя губа говорила о ее принадлежности к древнему Габсбургскому роду. Она была его секретаршей с тех пор, как он появился на Заратуштре, и все, что произошло неделю назад в суде Пэндервиса, было по ее представлению концом света.

— Доброе утро, мистер Грего, — она осмотрела его одежду и сосчитала окурки в пепельнице, пытаясь определить, когда он спустился в свой кабинет. — Ужасная участь постигла нашу фирму сегодня утром.

— Доброе утро, Мирра. Какая это такая участь?

— Ну, дело касается рогатою скота планеты… Пастухи степняков бросили работу, улетели и оставили стада…

— Они улетели на аэрокарах Компании? Вызовите Гарри Стифера, и пусть он привлечет их к ответственности за угон транспортных средств.

— И комиссия по злоупотреблениям служебным положением; она вылетает из Дариуса сегодня, — Мирра начала говорить, что она думает об этом.

— Я знаю. Это было решено еще вчера. Пусть продолжают работать. Есть там что-нибудь, что я должен решить лично? Если есть, отправьте это в конференц-зал, я разберу это с компетентными людьми. Печать, которая лежит на моем столе, отправьте туда, где ей надлежит быть. Скажите слуге, что через полчаса он может прийти и убрать здесь. И передайте шефу, что меня здесь не будет. Я где-нибудь перекушу за ленчем, а обедать буду с мистером Кумбесом в исполни-

тельном зале.

Прежде чем отключиться, он мысленно сосчитал до ста. Как он и ожидал, Мирра возбужденно перебила его на середине:

— Мистер Грего, я совсем забыла! — она имела обыкновение забывать. — Мистер Эванс хотел спуститься с вами в хранилище драгоценностей. Он сейчас там, внизу.

— Да, я просил его сделать опись и оценку камней именно сегодня, а сам забыл об этом. Ну, мы не можем заставлять его ждать. Я спускаюсь вниз.

Он отключил экран, допил кофе и пошел в спальню переодеваться. Нет, он ничего не забыл. Проблема, возникшая с солнечными камнями, которые находились в хранилище драгоценностей, была невероятно важной, хотя и не требовала такой спешки, как в случае с рогатым скотом.

Неделю назад, прежде чем главный судья Пэндервис отобрал их у Компании несколькими ударами своего молотка, солнечные камни были монополией Компании. Для любого, кроме Компании, скупка и продажа солнечных камней была незаконной. Это было законом, а Пэндервис решил уничтожить всю силу законов Компании. Залежи солнечных камней были так рассеяны по

планете, что не было возможности начать прибыльные горные разработки большого масштаба. Добычей камней занимались действующие на свой страх и риск старатели, которые продавали их Компании. Джек Хеллоуэй, с которого начались все неприятности, был одним из них.

Теперь солнечные камни появились на открытом конкурирующем рынке Заратуштры, и что-то надо было предпринять, чтобы выработать новую тактику скупки драгоценных камней. Прежде чем сделать это, Грего хотел точно знать, сколько камней было у Компании в резерве.

Конрад Эванс, шеф скупщиков драгоценностей, не мог попасть в подвал. Только Грего знал комбинацию. В случае, если с ним что-нибудь произойдет, комбинацию мог набрать Лесли Кумбес, глава законодательного отделения, а если они оба будут убиты или недееспособны, в банке Мэллори-Порта была копия шифра, напечатанная на узкой полоске бумаги и хранившаяся в специальном безопасном сейфе, который мог открыть только начальник колониальной полиции, имеющий при себе судебный ордер. Это было хлопотно, но они не могли доверить комбинацию большому количеству людей.

Хранилище драгоценностей находилось на пят-

надцатом подземном уровне. Оно было окружено постами полиции Компании, и в него был только один путь — через стальную дверь, за которой находилась тяжелая опускающаяся решетка. Стражники, наблюдавшие за дверью, сидели в маленькой кубической комнате, в стену которой было вмонтировано двухдюймовое бронированное стекло. Несколько других охранников с пулеметами сидели или стояли за низкой бронированной стенкой. Там же находились Гарри Стифер, шеф полиции Компании и Конрад Эванс, маленький человек с коричневыми волосами, выпуклым лбом в узким подбородком. С ним были два его ассистента в серых комбинезонах.

— Прошу извинить меня за опоздание, джентльмены, — сказал Грего. — Вы готовы, мистер Эванс?

Он был готов. Стифер кивнул людям за бронированным стеклом, и опускающаяся решетка плавно поднялась. Они вступили в пустой коридор, в дальнем конце которого висела передающая телекамера, а в потолке зияли отверстия сопел-распылителей усыпляющего газа. В конце коридора открылась дверь, и они прошли в маленькую комнатку, где Эванс, два его ассистента, сопровождающий их сержант с двумя охранника-

ми, Грего и даже Стифер показали часовому свои удостоверения личности. Часовой что-то сказал в микрофон. Кто-то вне поля их зрения и досягаемости нахал кнопку или щелкнул выключателем, и открылась следующая дверь. Грего прошел туда один. Он спустился по короткой лестнице и подошел к еще одной двери, ярко сверкающей бронированными накладками, словно корпус космического корабля или ядерный реактор.

На ней была клавиатура, подобная клавиатуре линотипа. Он отстучал текст короткого предложения и выждал десять секунд. Огромная дверь медленно отошла, а затем скользнула в сторону.

Он прошел в помещение. В середине его стоял круглый стол, крышка которого была покрыта черным бархатом. Над столом висела широкая круглая ширма затемнения. В стену был встроен сейф, стальной, с многочисленными выдвижными ящиками. Вслед за Грего в помещение вошли Стифер, сержант с пулеметом, Эванс и два его ассистента. Грего закурил сигарету и стал смотреть, как дым, обтекая ширму затемнения, исчезает в вентиляционном канале. Ассистенты Эванса достали инструменты и разложили их на столе. Шеф скупщиков драгоценностей пощупал черный бархат и кивнул. Грего тоже положил

руку на стол. Стол был теплый, почти горячий.

Один из ассистентов вынул из сейфа ящичек и высыпал его содержимое на стол. Там было несколько сот гладких, полупрозрачных камешков. Какое-то время они выглядели, как кучка гравия. Затем постепенно они начали светиться и через пару минут превратились в пылающие угли.

Пятьдесят миллионов лет назад, когда Заратуштра была почти полностью покрыта морями, здесь существовала морская форма жизни, похожая на большую медузу. Моря кишели этими медузами. Умирая, они опускались на дно, в ил, а затем их засыпало песком. Время и давление превращали их в маленькие камешки, а ил — в серый камень. Большинство из них было обычными твердыми камешками, но благодаря каким-то древним биохимическим причудам некоторые из них стали термофлюоресцировать. Их носили как драгоценности, и они пылали от тепла тела, носившего их, так же, как пылали сейчас на разогретой электричеством крышке стола. Кроме Заратуштры, их не было нигде во всей Галактике, и даже один скромный камешек стоил небольшое состояние.

— Скажите округленно, какова приблизитель-

ная стоимость содержимого этого помещения? — спросил Грего у Эванса.

Эванс сморщился, как от зубной боли. Он ненавидел такие выражения как «округленно» и приблизительно».

— Ну, конечно, шесть месяцев назад по рыночным расценкам Земли давали тысячу сто двадцать пять солей за карат, но это средняя цена. Существуют также наценки на камни…

Он увидел один из камней и поднял его — почти совершенный шар около дюйма в диаметре, темного, кроваво-красного оттенка. Он пылал в его ладони, это было прекрасно. Он и сам был не против завладеть им, но ничто здесь не принадлежало ему. Все это принадлежало абстракции, называемой привилегированной, а теперь уже не привилегированной Компанией Заратуштры, представляющей тысячи акционеров, включенных в число других абстракций, которые назывались Космическая линия Земля — Бальдур — Мердок, Банковская Картель, Межзвездные исследования с ограниченной ответственностью. Хотел бы он знать, что чувствует Конрад Эванс, когда работает с этими очаровательными вещичками, зная, сколько стоит каждая, и не владея ни одной из них.

— Я могу назвать вам минимальную стоимость этого, — сказал Эванс, закончив лекцию об оценке драгоценностей на рынке Земли. — Камни, находящиеся в этом подвале, стоят не менее чем сто миллионов солей.

Это прозвучало как «куча денег», когда вы говорите это быстро, не задумываясь. Привилегированная и даже ставшая не привилегированной Компания Заратуштры была величайшей Компанией, и все ее действия были фантастически дорогостоящими. Они не могут позволить, чтобы бизнес на солнечных камнях прекратился или остался бы на этом уровне.

— Этот камень из новых? — спросил он, положив красный светящийся шар на горячий стол.

— Да, мистер Грего. Мы купили его полтора месяца назад, незадолго до суда. — Грего поморщился; день, когда Пэндервис своим молотком разбил Компанию, мог стать первым днем Нового года на Заратуштре. — Он был куплен, — добавил Эванс, — у Джека Хеллоуэя.

2

Включив новый блестящий стеномнемофон, Джек Хеллоуэй раскурил трубку и откинулся на спинку кресла. Он смотрел то, что было его гостиной, прежде чем стало конторой Специального уполномоченного по местным делам на Колониальной планете класса Четыре, Заратуштре. Раньше это была хорошая комната. Здесь было место, где человек мог отдохнуть или развлечь редких гостей, которые приходили из далекой пустыни. Деревянный пол был застлан ковром, сшитым из шкур животных, которых застрелил Джек, глубокие кресла и диван тоже были покрыты шкурами. Большой рабочий стол он сделал себе сам. На нем стоял информационный экран и металлический ящик с библиотекой микрокниг. Оружейная пирамида отбрасывала мягкие отблески от полированных стволов и затворов стоявшего на ней оружия.

И во что это теперь превратилось!

Два дополнительных видеоэкрана и экран связи, телетайп — все это приютилось в углу. Импровизированный стол, который был завален

планами, бланками и синими штемпелями, а также всевозможными другими предметами, эти вращающиеся красные стулья — он ненавидел больше всего.

Сорок лет назад он оставил Землю, страстно желая больше не сидеть на подобных стульях, а здесь, на закате жизни — назовем это временем второго коктейля — он снова попал в ловушку.

Теперь это не было его комнатой. Через открытую дверь он мог слышать, что происходит снаружи. Стук топоров, завывание электропил — он решил убрать все большие деревья с перистыми листьями вокруг дома. Хлопнул карабин центрального боя, гремел и хрюкал бульдозер. Послышался крик предупреждения, за которым последовал грохот падающего дерева и многоголосый поток богохульства. Он надеялся, что никого из Пушистиков не было поблизости и никто из них не пострадал.

Кто-то осторожно потянул его за брючину, и тоненький голосок сказал:

— Уиик?

Джек поднял руку, включил ультразвуковой слуховой аппарат и одел наушники. Он сразу же услышал звуки, которые раньше ему были не слышны, и голос сказал:

— Паппи Джек?

Он взглянул на аборигена Заратуштры, чьими делами он был уполномочен управлять. Это было двуногое, двух футов росту существо с широко расставленными глазами. Его тело покрывал мягкий золотистый мех. На плече у него висел зеленый парусиновый мешочек, а на шее двухдюймовый серебристый диск с надписью «Маленький Пушистик». Ниже, более мелкими буквами, было написано: «Джек Хеллоуэй, долина «Холодный залив», континент Бета». И номер — 1. Это был первый абориген Заратуштры, которого увидел человек Земли.

Джек протянул руку и погладил голову своего маленького друга.

— Привет, Маленький Пушистик. Ты решил навестить папочку Джека?

Маленький Пушистик показал на открытую дверь. Пять Пушистиков робко заглядывали в комнату и переговаривались между собой.

— Пушистики не бояца Ду-Биззо, Ду-Митто затхакко, — проинформировал его Маленький Пушистик. — Хиива со си Ду-митто.

Пушистики, которые еще никогда не были здесь раньше, вошли; они хотели остаться. По крайней мере, он думал, что именно это хотел ему сказать

Маленький Пушистик. Прошло всего десять дней с тех пор, как он узнал, что Пушистики могут говорить. Он нажал кнопку видеомагнитофона — он был подготовлен для преобразования их ультразвуковых голосов в частоты слышимого диапазона.

— Скажи им, — Джек с трудом обходился сотней слов словаря Пушистиков, которые были ему известны. — Папочка Джек — друг. Не обидит. Он хороший для них, дает хорошие вещи.

— Джоссо мисок? — спросил Маленький Пушистик. — Джоссо лубил-копай? Джоссо игуски? Лаци тли?

— Да. Дам мешочки, рубило-копатели и игрушки, — сказал он. — Дам Рацион-три.

Дружественные аборигены, раздача подарков — функция Специального уполномоченного по местным делам. Маленький Пушистик стал рассказывать — это папочка Джек, величайший и мудрейший из всех Больших Существ — Хагга, друг всех людей Гашта, только Большие существа называют Гашта Пушистиками. Он может дать прекрасные вещи. Мисок, в котором можно носить предметы, а руки при этом останутся свободными. Он продемонстрировал свой собственный мешочек. И оружие, такое твердое, что

никогда не изнашивается. Он побежал к груде постельных принадлежностей под оружейной пирамидой и вернулся с шестидюймовым лезвием, прикрепленным к двенадцати-дюймовому древку. Папочка Джек может дать «хукси-фуссо», прекрасную пищу, «лаци-тли».

Поднявшись, он пошел туда, где прежде была кухня, пока не превратилась в кладовку. Там было множество рубило-копателей — он сделал пару сотен, прежде чем покинуть Мэллори-Порт. Мешков было мало. Это были инструментальные сумки и сумки под магазины с патронами для карабинов и автоматических винтовок. Они были либо черные, военного флота, либо зеленые — десантного корпуса. Все они были снабжены заплечными ремнями. Он повесил на руку пять штук, открыл шкаф и достал две прямоугольных консервных банки, на которых было написано: «Неприкосновенный запас, полевой рацион, внеземное обслуживание, тип три». Все Пушистики были помешаны на Рационе-три. Это доказывало, что хотя они и разумные существа, но не люди. Только совсем умирающий от голода человек может есть эту проклятую смесь.

Вернувшись, он увидел, что вновь прибывшие окружили Маленького Пушистика и рассмат-

ривали его стальное оружие, сравнивая с весло-образными деревянными палками, которые они сделали для себя. Несколько раз он разобрал слово «затки».

Это было важное слово в жизни Пушистиков. Так они называли больших псевдо-ракообразных, которых земляне окрестили сухопутными креветками, Пушистики жадно охотились на затки и до тех пор, пока не попробовали Рацион-три, предпочитали их любой другой пище. Если бы затки не заполнили эту местность, Пушистики остались бы в не изученной части континента Бета, и могли пройти годы, прежде чем какой-нибудь землянин натолкнулся бы на них.

Некоторые земляне, особенно Виктор Грего, руководитель Компании Заратуштра, хотели бы, чтобы Пушистиков вообще не открыли. Заратуштра была зарегистрирована как необитаемая планета класса Четыре. Кроме землян, на планете больше не было ни одной разумной расы. Благодаря этому недоразумению Компания Заратуштры получила привилегии на ее колонизацию и эксплуатацию и стала единолично владеть планетой и одной из ее лун — Дариусом. Другая луна, Ксеркс, была оставлена для Федеративной военной базы. Это было благоразумно,

потому что Заратуштра после открытия Пушистиков превратилась в населенную планету класса четыре.

Присутствующие здесь представители местного населения выжидающе смотрели, как Джек открыл одну из банок и роздал кекс цвета имбирного пряника, разрезав его на шесть равных частей. Вновь прибывшая пятерка обнюхивала свои порции и ждала, когда Маленький Пушистик начнет есть. Затем, предварительно попробовав несколько крошек, они с жадностью набросились на еду, издавая звуки восторга битком набитыми ртами.

Сначала Джек только подозревал, что это не просто умные маленькие животные, а люди, разумные существа, подобные ему самому и другим разумным расам, открытым землянами с тех пор, как они вышли на звездные пути. Затем их увидел Беннет Рейнсфорд, тогда еще простой натуралист из института Ксенобиологии, и согласился с Джеком, назвав этот вид «Пушистик Пушистый Хеллоуэя». Оба они были возбуждены и гордились своим открытием. Им даже в голову не приходило, что Пушистики лишат Компанию Заратуштры всех ее прав до тех пор, пока это не стало очевидным.

Виктор Грего думал об этом. Используя все возможности Компании, он отчаянно сражался, предотвращая признание Пушистиков разумными существами. Сражение закончилось в суде. Джек Хеллоуэй обвинялся в убийстве вооруженного бандита Компании, а против должностного лица Компании Леонарда Келлога было выдвинуто подобное же обвинение за избиение до смерти Пушистика, называемого Златовлаской. Оба случая разбирались в суде как один, и решение зависело от вопроса разумности Пушистиков. Дело было озаглавлено: «Колонисты Заратуштры против Хеллоуэя и Келлога». Гус Бранхард, адвокат Джека, хотел назвать от: «Друзья Маленького Пушистика против Привилегированной Компании Заратуштры».

Маленький Пушистик и его друзья победили. Когда Пушистиков признали разумными, права Компании вылетели в трубу. То же самое произошло со старым колониальным правительством. Заратуштра осталась без законного правительства. Космический командор Напьер, комендант базы на Ксерксе, был вынужден объявить военное положение и учредить новое правительство. Губернатором был назначен Беннет Рейнсфорд.

Как вы полагаете, кого Бен Рейнсфорд мог

назначить Специальным уполномоченным по местным делам? Конечно, того, кто заварил эту кашу с Пушистиками.

Вновь прибывшие доели Рацион-три и разобрали свои заплечные мешки и стальные рубила-копатели. Они уравновесили оружие и стали размахивать им, как бы обезглавливая воображаемых сухопутных креветок. Джек открыл вторую банку Рациона-три и разделил ее. Теперь Пушистики, словно оценивая пищу, откусывали маленькие кусочки. Маленький Пушистик подобрал пустые банки и бросил их в мусорную корзину.

— Как вы попали в это место? — спросил Джек, когда Маленький Пушистик снова присоединился к ним.

Все они заговорили одновременно, и с помощью Маленького Пушистика он получил представление об этом. Они услышали странный шум, подошли к опушке леса и увидели странные вещи. Но Пушистики были людьми, они исследовали все, даже если это было страшным. Затем они увидели других людей: хагга-гашта, больших людей, и шимош-гашта, людей, подобных им.

По ходу дела Маленький Пушистик корректировал разговор. Хагга-гашта то же, что просто

хагга, Большое существо, а шимош-гашта — это Пушистики. Почему гашта называют Пушистиками? Потому что так сказал папочка Джек, вот почему. Это, казалось, разрешило вопрос.

— Но зачем вы пришли в это место? Вы пришли из другого места, издалека. Почему вы пришли сюда?

Маленький Пушистик объяснил то, что он имел в виду, и вновь пришедшие сказали:

— Скажи, что здесь есть много-много затки. Мы шли много света и тьмы. Много-много.

Пользуясь пальцами одной руки, Пушистики могли считать до пяти. Другая рука использовалась для того, чтобы считать пальцы на правой. Они могли считать и в составных частях — рука и рука. Затем шло число «много», а в завершение «много-много». В процессе изучения Пушистиков кто-нибудь, возможно, предложит посмотреть, что будут делать Пушистики, если им дать счеты.

Вероятно, три месяца назад эта группа услышала, что местность к югу изобилует затки, и они решили проверить это. Маленький Пушистик и его семья были в авангарде; натиск прибывающих был еще большим. Джек попытался выяснить, откуда они узнали об этом. Пушистики

сказали, что это было так же, как об этом узнал он сам.

Во всяком случае, они прошли через северный проход, спустились в Долину холодного ручья и оказались здесь. Они подошли к опушке леса, заметили деятельность в лагере и, заметив других Пушистиков, решили, что здесь им опасаться нечего.

— Много вещей вредит! — незамедлительно и неистово опроверг их заявление Маленький Пушистик. — Нужно все время смотреть. Не ходить впереди вещей, что двигаются. Не ходить под вещами, что идут над землей. Не касаться чужих вещей. Спросите Большое существо, что может быть опасным. Хагга стараются не причинять вреда Пушистикам, Пушистики должны помогать.

Он продолжал подробный инструктаж. Вновь прибывшие обменивались боязливыми взглядами и тихими замечаниями. В конце концов Маленький Пушистик взял свой рубило-копатель и поднялся.

— Биззо, — сказал он. — Аки-покоссо.

«Идемте, я покажу вам». Джек понял это довольно легко.

— Во-первых, покажи им место полицейских, —

посоветовал он. — Сделайте отпечатки пальцев и получите яркие вещи на шею.

— Холосо, — согласился Маленький Пушистик. — Идем полис, сделаем петятки пацев, полуцим или-диско.

Вновь прибывшие пропустили вперед Маленького Пушистика и, словно туристы, следующие за гидом, толпой вышли вслед за ним. Джек проследил, как они пересекли открытое место перед домом и свернули влево, к мосту через маленький ручей. Затем он вернулся к столу и, набрав комбинацию, вызвал мастерскую на Красном Холме, чтобы заказать заплечные мешки.

— Может быть, завтра, мистер Хеллоуэй. Мы делаем все, что можем, — был ответ.

Сделав видео-звуковую запись о приобретении Рациона-три, он стал что-то зарисовывать и небрежно записывать в схеме действия Специального уполномоченного по местным делам.

— Привет, Джек. Появилась еще одна банда?

Он поднял голову. В дверь вошел приземистый человек с квадратным лицом. С его берета было что-то удалено, и остался светлый овал. По воротнику кителя было видно, что единственная майорская звездочка была прикреплена недавно, совсем недавно, вместо шпалер лейтенанта. На

его левой руке была повязка с буквами ТЗСЗ. Другими словами, на нем был голубой мундир Колониального полицейского.

— Привет, Джордж. Входи, отдыхай. По тебе видно, что ты здорово устал.

Майор Джордж Лант, комендант туземных защитных сил Заратуштры, устало согласился, снял берет, портупею с пистолетом и положил все это на стол. Оглядевшись вокруг, он подошел к стулу, убрал с него раскрытые книги и смахнул на пол какие-то бумаги.

Расстегнув куртку, он сел и достал сигарету.

— В служебке сейчас все вверх дном, — доложил он. — Они ждут грузовую шаланду, чтобы настлать полы.

— Я интересовался этим час назад. Они прибудут сегодня вечером. Завтра к этому времени, когда вывезут весь хлам, это место снова превратится в нормальное жилище. Сколько человек прибыли на боте после полудня?

— Три. Они только сегодня завербовались на службу, и никто больше к вербовщикам не идет. Капитан Насагара сказал, что временно одолжит нам пятьдесят десантников и немного транспорта. Сколько у нас сейчас Пушистиков, если считать и новую группу?

Джек подсчитал в уме. Его собственная семья: Маленький Пушистик, Мамочка, Малыш, Майк, Майзи, Ко-Ко, Золушка; Пушистики Джорджа Ланта: Живодер, Заморыш, Поедающий Капусту, Колымага Бордена и Бедовая Бабенка; десять, которых они обнаружили в лагере, вернувшись из Мэллори-Порта после суда; шесть пришли позавчера, вчера — тоже шесть — четыре утром и два вечером. И теперь эта банда.

— Если считать Малыша, тридцать восемь. Уже довольно много, — заметил он.

— Это еще немного, — возразил Лант. — Патрули, которых мы посылали к северу, видели многих идущих сюда. Через неделю их здесь будет пара сотен.

— Если Пушистики, которые появились здесь первыми, почувствуют угрозу перенаселения, хорошие новые рубило-копатели могут обагриться кровью, — проговорил Джек и спросил: — У вас есть тактический план действий на случай восстания аборигенов?

— Я подумаю об этом. Знаете, мы можем избавиться от большинства из них, — сказал Лант. — Надо объявить в одной из телепередач, что у нас больше Пушистиков, чем нам надо, и мы можем раздать их.

Во всяком случае, они могут так сделать. Судебное разбирательство сделало такую рекламу, что все прямо помешались на Пушистиках. Каждый хотел иметь собственного Пушистика, а где имеется спрос, там появляются люди, удовлетворяющие этот спрос, безразлично каким путем, законным или нет. Пока эти удивительные леса еще не были заполнены людьми, отлавливающими Пушистиков на продажу. А может, уже были?

Но многим людям нельзя разрешать держать Пушистиков. Садистам и извращенцам, тем, кто хотел иметь Пушистиков только потому, что у Джонсов они были. Тем, кто может через некоторое время попасть под суд. Тем, кто слишком глуп или слабоумен, что не может понять, что Пушистики тоже люди, а не просто домашние «животные». Они должны установить квалифицированную систему усыновления Пушистиков.

Он думал пригласить для этого Рут Ортерис, но теперь она стала Рут ван Рибик и вместе с мужем хотела здесь, в лагере, разработать программу изучения Пушистиков. В Пушистиках было еще очень много неизвестного, а Джек хотел точно знать, что для них полезно и хорошо, а что — нет.

Он взглянул на часы — девять тридцать пять. В

Мэллори-Порте было шесть тридцать пять. После ленча он вызовет ее и узнает, когда она сможет сюда прибыть.

3

Рут ван Рибик следовало бы быть возбужденной и счастливой, говорила она себе. Пять дней назад она одновременно ушла в отставку из Военного флота и из девичества. Она освободилась от Разведки Военного флота, которая являлась сосредоточением обмана и подозрений. Она вышла замуж за Герда, и теперь ей предстояло заняться новой наукой: изучением новой расы разумных существ. Да, ведь за пять столетий, которые прошли с тех пор, как первые межзвездные корабли землян покинули Солнечную Систему, это случалось только девять раз. Крошечное пятнышко того, что они знали о Пушистиках, было окружено спорами, сумерками предположений, которые в большинстве своем были ошибочными. А за всем этим тьма неведения, полная странностей и неожиданностей. Она была в самом начале изучения и должна была победить. Это был великолепный случай.

Но, черт побери, стоит ли тратить на это медовый месяц?

Когда они с Гердом поженились, все было так

прекрасно! Они могли провести в городе целую неделю: счастливо жить вместе, строить планы и приобретать вещи для их нового дома. Затем они могли бы вернуться на континент Бета. Горд вместе с Джеком Хеллоуэем работал бы на прииске солнечных камней, а она следила бы за домом. Они могли бы быть счастливы, живя в лесу со своими четырьмя Пушистиками — Идеей, Комплексом, Синдромом и Супер-эгоистом.

Медовый месяц как таковой продолжался всего одну ночь. На следующее утро, прежде чем они успели позавтракать, Джек Хеллоуэй вызвал ее по экрану связи. Космический коммодор Напьер назначил Бена Рейнсфорда губернатором. Бек немедленно назначил Джека Специальным уполномоченным по местным делам. Теперь Джек назначил Герда главой Бюро научных исследований, не сомневаясь, что Герд примет это предложение. Герд принял его, не сомневаясь, что Рут согласится с ним. И после небольшою сопротивления она согласилась.

Кто же виноват в том, что случилось? Пушистики, конечно, не виноваты. Они не требовали суда, чтобы причислить себя к разумным. Пушистики просто хотели иметь всякие забавные вещи. А вот они отвечают перед Пушистиками за все, что

может случиться в будущем. Они все: Бен Рейнсфорд, Джек Хеллоуэй, она, Герд и Панчо Убарра. А теперь еще и Лина Эндрюс. Через открытую дверь на балкон она услышала полушутливый, полу-серьезный голос Лины:

— Ах вы, маленькие черти! Отдайте назад! Ду биззо, соджоссо-ки!

Суперэгоист влетел в комнату с зажженной сигаретой. Идея и Синдром преследовали его. Рут вложила в ухо капсюль и включила слуховой аппарат, в миллионный раз жалея, что Пушистики не говорят по-человечески. Идея шумно требовала вернуть сигарету и пыталась отнять ее у Суперэгоиста. Тот оттолкнул ее свободной рукой, быстро затянулся и передал сигарету Синдрому, который тоже начал поспешно затягиваться. Идея схватилась с Синдромом, затем увидела, что Рут курит, и взобралась к ней на колени.

— Мамми Вууф! Джоссо-аки-кулить, — умоляющим голоском сказала она.

Лина Эндрюс, стройная блондинка, вошла в комнату. Провод от слухового аппарата болтался из-под зеленой ленты, опоясывающей ее голову. На ее руках извивался Комплекс, который жаловался, что тетушка Лина не дает ему «кулить».

— Это единственное земное слово, которое они

подхватили без всяких затруднений, — прокомментировала она.

— Дайте ему сигарету! — с научной осторожностью добавила она. Кажется, это им не вредит.

Рут знала, что скажет Лина. Она перешла, вернее, вынуждена была перейти из общей больницы Мэллори-Порта, потому что считали, что у доктора медицины меньше дел, чем у нее или у Панчо Убарры. Лина была педиатром. Ее выбрали потому, что Пушистики были размером с годовалого ребенка-землянина, и, кроме того, педиатр, как и ветеринар, способен добиться успеха при минимуме помощи от пациента. Она не совсем удачно провела эту аналогию и приравняла Пушистиков к человеческим детям. Годовалому ребенку нельзя курить, значит, Пушистикам тоже, хотя в противоположность ребенку-землянину, Пушистику могло быть все пятьдесят.

Рут дала Идее свою сигарету.

Лина, отбросив все свои лучшие побуждения, села на диван и прикурила еще одну сигарету для Комплекса, другую для себя, а затем третью для Суперэгоиста. Теперь все Пушистики «кулили». Синдром подбежал к низкому журнальному столику и вернулся с пепельницей, которую поставил на пол. Остальные, кроме Идеи, остав-

шейся на коленях «мамми Вууф», уселись вокруг нее.

— Лина, они не сделают того, что может повредить им, — доказывала Рут. — Например, алкоголь.

Лина согласилась. Пушистики могли взять выпивку и сделать то, что делали Большие существа. Малейшее количество алкоголя действовало на Пушистиков, а потом было чудовищное похмелье, и никто из них не решался выпить во второй раз. Это она обнаружила, работая с Эрнстом Мейлином, психологом Компании. Она тогда перехитрила его и Компанию в пользу Военной разведки.

— Ну, некоторые из них не «кулят».

— Некоторые люди тоже не курят. У некоторых людей на это аллергия. А какого рода аллергия может быть у Пушистиков? Вот это вы и должны обнаружить.

Рут посадила Идею на стол, взяла карандаш, открыла блокнот и написала какое-то слово в верхней части чистой страницы. Идея взяла другой карандаш и начала рисовать в блокноте цепочку маленьких кружочков.

В передней открылась дверь, послышался голос Панчо Убарры и смех ее мужа. Тройка, сидевшая

на полу, бросила свои сигареты в пепельницу, вскочила на ноги и, крича: «Паппи Геед! Паппи Панко!», бросилась им навстречу. Идея положила карандаш, спрыгнула с колен Рут и побежала с ними. Через несколько мгновений они вернулись. На голове Синдрома была фуражка офицера Военного флота. Он придерживал ее обеими руками и выглядывал из-под козырька. Следом за ним шла Идея в большом сером сомбреро. Комплекс и Суперэгоист вместе тащили объемистый портфель. Герд и Панчо вошли последними. Костюм Герда, только утром отутюженный, уже был мятым, но психолог Военного флота был сверхъестественно опрятен. Рут поднялась, поприветствовала их и поцеловала Герда. Панчо подошел к дивану и сел рядом с Линой.

— Ну, что новенького? — спросил Герд.

— Час назад меня вызвал Джек. Они установили лабораторию и завезли для нее все оборудование. А еще они поставили для нас маленький одноэтажный домик. Джек показал мне его вид — довольно мило. Нам осталось только собрать вещи. Когда мы начнем собираться?

— Вечером, если хотим к ночи выбраться отсюда, — сказал Герд. — Или завтра после ленча, если хотим приятно провести время. Бен Рейнсфорд

пригласил нас сегодня вечером.

Лина проголосовала за завтра.

— А как дела с госпиталем? — спросила она.

— Они без возражений дадут нам все, что мы попросим, — сказал Герд. — Удивительно, но Научный Центр тоже.

— А я не удивляюсь, — сказал Панчо. — О новом правительстве ходит много сплетен. Но через пару недель мы станем их хозяевами. Как насчет ленча: пойдем сами или пошлем за ним?

— Давайте пошлем, — сказала Рут. — Мы составили список необходимого оборудования, а вы подскажете, если мы что-то упустили.

Панчо достал пачку сигарет, которая оказалась пустой.

— Эй, Лина! Со-джоссо-аки-кулить, — сказал он.

Ладно, это может быть медовым месяцем, правда, сумбурным, но забавным. К тому же Панчо и Лина начали интересоваться друг другом. Рут была довольна этим.

Главный судья Фредерик Пэндервис оперся локтями на стол и рассматривал троих облаченных в черное адвокатов, занятых в деле «Джон Доу, Ричард Роу и прочие, не объединенное добровольное общество против колониального

правительства Заратуштры».

Первый, со стороны обвиняемого, был великаном. В нем было более шести футов роста и более двухсот фунтов веса. Его лицо с огромным носом скрывалось под пушистой бородой. Непокорная копна рыжих с проседью волос наводила на неуместную мысль о нимбе. Это был Густавус Адольфус Бранхард. До суда над Пушистиками он был известен главным образом способностью оправдывать явно виновных клиентов, удалью в большой игре и умением без видимого эффекта поглощать огромное количество виски. Пять дней назад он был назначен главным прокурором колонии Заратуштры.

Человек, стоящий возле него, мог бы показаться высоким, если бы он стоял рядом с кем-нибудь другим. Он был строен и элегантен. Тонкие аристократические черты его лица имели обычное полу-серьезное, полу-насмешливое выражение, словно жизнь для него была надоевшей шуткой, которую он слышал уже много раз. Это был Лесли Кумбес, главный адвокат Компании Заратуштры. Встав возле Бранхарда, он как бы давал понять, что поддерживает своего бывшего противника в деле «Люди против Хеллоуэя и Келлога».

Со стороны истцов был Хьюго Ингерманн. Су-

дья Пэндервис пытался решительно подавить предубеждение против этого клиента. По его сведениям, по крайней мере семь раз за последние шесть лет Ингерманн представлял не совсем честных и порядочных людей. Возможно, это было восьмым случаем. Конечно, он являлся членом Адвокатуры только потому, что не было достаточных доказательств, дающих возможность лишить его прав адвоката, но тем не менее, он имел право стоять здесь и слушать.

— Вы требуете, чтобы колониальное правительство предоставило земли в общественное владение для поселения и использования их, а также учредило бы ведомство для регистрации исков на землю? — спросил он.

— Да, ваша честь. Я представляю истцов, — сказал Ингерманн. Он был ниже двух других адвокатов, полный с гладким розовощеким лицом и начинающей лысеть головой. В его круглых голубых глазах, которые могли обмануть любого, кто не слышал о нем, было выражение полной и абсолютной искренности. Не считая нужным поворачиваться к Бранхарду, он не сводил глаз с Пэндервиса.

— Я представляю Колониальное правительство, ваша честь. Мы оспариваем действия истцов.

— И вы, мистер Кумбес?

— Я представляю не привилегированную Компанию Заратуштры, — ответил Кумбес. — Мы не сторонники подобных действий. А здесь я просто как наблюдатель.

— Вы говорите — не привилегированную, мистер Кумбес?.. Что ж, Компания Заратуштры имеет право прислать сюда своего представителя, у нее существенный интерес к этому делу. Интересно, чья это идея назвать Компанию не привилегированной. Это звучит именно в стиле висельного юмора Виктора Грего. Мистер Ингерманн?

— Ваша честь, истцы, которых я представляю, считают, что в силу недавнего постановления почтенного Верховного суда примерно восемьдесят процентов земли этой планеты стали общественными владениями. Колониальное правительство обязано отдать эту землю в распоряжение народа. Это, ваша честь, явно констатировано в Федеральном законе…

Он начал цитировать законы, параграфы, части и прецеденты с решениями Федеративного суда на других планетах. Он говорил только для протокола; все это вкратце было внесено в иск.

— Мистер Ингерманн, суд знает закон и не

делает из него никаких исключений, — сказал Пэндервис. — Правительство оспаривает это, мистер Бранхард?

— Не совсем, ваша честь. Губернатор Рейнсфорд сам хочет перевести не заселенные земли в частную собственность…

— Да, но когда? — спросил Ингерманн. — Сколько еще губернатор Рейнсфорд будет тянуть время?

— Я прошу мистера Ингерманна справедливо охарактеризовать ситуацию, — запротестовал Бранхард. — Хочу напомнить, что неделю назад на этой планете вообще не было никаких общественных земель.

— И клиенты мистера Ингерманна сразу же возбудили соответствующее дело, — добавил Кумбес. — И я могу предположить, кто эти господа Доу и Роу. Имена не существенны, но…

— Ваша честь, моим клиентом является ассоциация личностей, заинтересованных в получении земли, — сказал Ингерманн. — Старатели, лесорубы, фермеры, несколько скотоводов…

— Акулы займа, ростовщики, спекулянты, может быть, даже маклеры, — продолжил Бранхард.

— Это обыкновенные люди планеты! — воз-

разил Ингерманн. — Рабочие, честные фермеры, — все, кого Компания Заратуштры держала в кабале, пока они не освободились благодаря великому историческому решению, которое носит имя вашей чести.

— Одну минуту, — Кумбес почти растягивал слова. — Ваша честь, слово «кабала» имеет специфическое значение в законе. Я вынужден решительно отрицать, что это слово можно употребить для описания отношений между Компанией Заратуштры и любым человеком этой планеты.

— Слово подобрано неверно, мистер Ингерманн. Это должно быть вычеркнуто из протокола.

— Мы все еще не выяснили, кто является клиентами мистера Ингерманна, ваша честь, — сказал Бранхард. — Могу ли я спросить у мистера Ингерманна их имена?

Ингерманн вздрогнул и непроизвольно взглянул на стоящий посредине тяжелый стул с прикрепленными к нему электродами, металлическим шлемом и полупрозрачным шаром, закрепленным на стойке. Затем он стал шумно протестовать. До сих пор Хьюго Ингерманн ухитрялся избегать давать показания под детектором

лжи. Это было возможно, потому что он еще был членом Адвокатуры, а не осужденным.

— Нет, мистер Бранхард, — сказал Пэндервис с неподдельной печалью. — Мистера Ингерманна нельзя заставлять разглашать имена его клиентов. Мистер Ингерманн может сделать это только по собственной воле. Удовлетворимся его глубокой любовью к правосудию и хорошо известным усердием, направленным на благо народа.

Бранхард пожал плечами. Никто не может обвинить его, что он не пытался что-либо выяснить.

— Ваша честь, — сказал Кумбес, — мы согласны, что правительство должно это сделать, но разве мистеру Ингерманну или суду неизвестно, что настоящее правительство просто установлено военной властью? Коммодор Напьер действовал так, как должен был действовать офицер Вооруженных сил Федерации Земли. Он назначил гражданское правительство, заменившее прежнее, объявленное незаконным вашей честью. До тех пор, пока народом не будет выбрана колониальная законодательная власть, могут возникнуть серьезные сомнения в законности некоторых действий губернатора Рейнсфорда, особенно в земельном вопросе. Ваша честь, разве

мы хотим, чтобы спустя год суды были завалены делами о земельных участках?

— Именно такова позиция правительства, — согласился Бранхард. — Мы хотим провести эти выборы в течение года. Сделав это, мы сможем выбрать делегатов на конституционную конвенцию и принять всепланетную конституцию. На это уйдет шесть-восемь месяцев. Пока это не будет сделано, мы просим суд воздержаться от решения по этим вопросам.

— Это вполне разумно, мистер Бранхард. Суд признает законность иска, но не требует никакой срочности в исполнении. Если в течение года правительство откроет общественные земли и учредит земельную службу, суд будет вполне удовлетворен, — он легонько стукнул молотком. — Следующее дело, — сказал он секретарю.

— Теперь я вижу! — почти закричал Ингерманн. — Компания Заратуштры продолжает править, а суд смотрит на это сквозь пальцы.

Судья ударил молотком. Звук хлестнул, словно винтовочный выстрел.

— Мистер Ингерманн! Вы специально навлекаете на себя обвинение в неуважении к суду? — спросил он. — Нет? Я надеюсь. Следующее дело, пожалуйста.

Со словами рассеянной благодарности Лесли Кумбес взял коктейль, попробовал его и поставил на столик. На садовой террасе особняка Виктора Грего, расположенного на крыше дома Компании, было прохладно и спокойно. Большой пожар уходящего солнца окрашивал небо на западе в красные, оранжевые и желтые цвета.

— Нет, Виктор, Гус Бранхард не друг нам, но и не враг. Как генеральный прокурор он законник Бена Рейнсфорда и правительства — сейчас в этом нет разницы, а Бен Рейнсфорд ненавидит нас.

Виктор Грего поднял глаза от бокала, куда он наливал себе коктейль. На черных волосах в зареве заходящего солнца просматривалась седина. У него было лицо с широкими скулами и большим ртом. Перед судом Пушистиков в его волосах не было никакой седины.

— Но почему? — спросил он. — Я не понимаю. Они добились признания разумности Пушистиков; это все, что их интересовало? Или нет?

Грего вполне честный человек, думал Кумбес. Он просто не способен злиться на что-то, что уже сделано.

— Это все, что интересовало Джека Хеллоуэя и Герда ван Рибика. Бранхард был их адвокатом, и ему было тяжело. Но Рейнсфорд принимал в этом

личное участие. Пушистики были его открытием, великим открытием, а мы пытались дискредитировать его. Это ассоциировало нас с Вредными парнями. Как известно, в конце концов Вредные парни либо все бывают убиты, либо отправлены в тюрьму.

Грего отставил графин и поднял стакан.

— Мы еще не подошли к последней главе, — сказал он. — И больше я не хочу никаких сражений, мы еще не зализали раны от последнего. Но если Бен Рейнсфорд хочет этого, я не отступлю. Вы знаете, мы можем устроить ему кое-какие гадости, — он сделал маленький глоток и опустил стакан. — Это, так называемое, правительство нарушает закон, вы знаете в чем, или нет? В течение шести или восьми месяцев, пока не организован Колониальный законодательный орган, он не может собирать налоги; это функция законодателей. Значит, он будет занимать, а занять он сможет только в банке, который мы контролируем.

Это была слабость Виктора. Если кто-нибудь задевал его, он инстинктивно отвечал ударом. Впервые услышал о Пушистиках, он также стал действовать, следуя этому инстинкту.

— Хорошо, только не надо воевать с мельни-

цами, — посоветовал Кумбес. — Гус Бранхард и Алекс Напьер просили Рейнсфорда не преследовать нас за то, что мы сделали перед судом, и убедили, что он вызовет крушение планетной экономики, если по ошибке повредит Компании. У нас осталась одна неприятность: мы не можем позволить себе иметь губернатора-банкрота. Одолжите ему деньги, в которых он нуждается.

— А затем обложить его налогом, чтобы вернуть их?

— Нет, если мы получим контроль над Законодательной властью и сами напишем Закон о налогах. Это политическое сражение, и надо драться политическим оружием.

— Вы хотите образовать партию Компании Заратуштры? — улыбнулся Грего. — Вы имеете представление о том, как непопулярна сейчас Компания?

— Нет, нет. Пусть горожане и избиратели сами организовывают партии. Мы выберем лучшую и поддержим ее. Будем надеяться, что пока будет политической организацией.

Грего улыбнулся из-за стакана и глотнул коктейль.

— Да, Лесли. Думаю, мне не надо вас учить, что делать. Вы знаете это лучше меня. Можете вы ска-

зать, кто мог бы возглавить партию? Он вообще не должен ассоциироваться с Компанией. Во всяком случае, народ не должен видеть этой связи.

Лесли назвал несколько имен — независимых бизнесменов, плантаторов, профессиональных политиков, священников. После каждого названного имени Грего одобрительно кивал.

— Хьюго Ингерманн, — сказал он.

— Боже мой! — сначала Кумбес решил, что ослышался, а затем возмутился. — Мы ни в коем случае не должны привлекать этот человека. В Мэллори-Порте нет ни одного преступления, авантюры или просто нечестной операции, где бы он не был замешан. Я рассказывал вам, что он говорил сегодня в суде.

Грего снова кивнул.

— Совершенно верно. Мы не будем вести с ним дела. Пусть Хьюго идет своим вонючим путем, мы используем скандалы, которые он сотворит. Вы говорили, Рейнсфорд предпочитает термины «хорошие ребята» и «вредные парни»? Хорошо, Хьюго Ингерманн — наихудший вредный парень на планете, а если Рейнсфорд не знает этого, то, вероятно, Гус подскажет ему.

Едва Гус Бранхард вступил на газон с южной стороны дома губернатора, два Пушистика бро-

сились к нему. Это были Флора и Фауна. Он остановился и вспомнил, что хотя их имена были женскими, только Флора была самкой, а Фауна — самец. Бен был натуралистом, и этим все объяснялось. Если бы Гус имел пару собственных Пушистиков, он назвал бы их Преступление и Проступок. Он включил слуховой аппарат и присел на корточки.

— Привет, разумные существа. Только держите ваши руки подальше от бакенбардов дядюшки Гуса, — он поднял глаза и увидел приближающегося невысокого человека с рыжей бородой. — Привет, Бен. Они не трогают вашу бороду?

— Иногда. Да меня и не за что дергать. Вы для них более забавны. Джек Хеллоуэй говорит, что они думают, будто вы большой Пушистик.

Пушистики показывали на конец газона, шумно звали Гуса, просили идти и посмотреть на что-то. О, конечно, — их новый дом. Держу пари, нет ни одного Пушистика, имеющего дом лучше, чем у них. О'кей, детки. Биззо.

Новым домом была палатка корпуса Военного флота, установленная на открытой поляне около фонтана. По размерам она больше подходила для двух Пушистиков, чем для двух десантников. Вокруг были разбросаны сокровища Пушистиков:

игрушки и всякий ненужный хлам ярких цветов и странных форм, который они подобрали для себя. Бранхард заметил крепкую игрушечную тачку на колесах и похвалил ее.

— О, да! Мы открыли колесо, — сказал Бен. — Они сегодня объяснили мне его принцип. Объясняли долго и умно, словно я могу стать их преемником, а затем, соблюдая очередь, покатали друг друга. Теперь они используют тачку для сбора добычи. В другой раз, если заметите что-нибудь новенькое, обратите на это внимание. Это им нравится.

— Ну, это прекрасно, — сказал Гус, а затем повторил это на языке Пушистиков. Заметив, как Гус продвинулся в изучении языка, Бен высказал ему комплимент.

— Это проклятая необходимость. Так же, как на Лики, Раимли, Ворс. Пэндервис хочет учредить здесь суд по делам аборигенов. Кое-кто полагает, что в качестве свидетелей мне скоро придется выслушивать Пушистиков.

Он заглянул в палатку. Шерстяные одеяла и подушки были свалены в угол. Пушистики, кажется, так и не научились убирать постель. Постель существовала для того, чтобы спать на ней, и Пушистики не видели необходимости

убирать и разбирать ее каждый день. Из кучи всевозможных предметов он взял маленький нож и попробовал лезвие большим пальцем. Флора немедленно крикнула:

— Нозик, дядя Гус! Облезися!

— Черт подери, Бен! Вы слышите, что она говорит? Она говорит на языке землян!

— Правильно. Это первое, чему я научил их, — он немного подождал, а затем что-то сказал Пушистикам. Они, казалось, были разочарованы, но Фауна сказал «О'кей» и полез в палатку. Он вытащил свой заплечный мешок и два рубило-копателя. — Я сказал им, что нам надо поговорить, и чтобы они шли охотиться на сухопутных креветок. Сегодня утром я выпустил для них несколько штук.

Фауна уселся в тачку. Флора встала между ручек, подняла их и толкнула тачку. Пассажир громко закричал. Бек, проследив, как они скрылись в зарослях кустарника, достал трубку и табак.

— Гус, за каким чертом Лесли Кумбес пришел сегодня в суд, и почему он выступил против Ингерманна? — спросил он. — Мне кажется, Ингерманн работает на Грего. Да. Если что-то случится, то виноват будет Грего.

— Нет, Бек. Компания, как и мы, не заинтересована в раздаче земли. Они не хотят, чтобы вся их рабочая сила расползлась, как клопы, а это может произойти. Я не знаю, как вбить в вашу голову, что Виктор Грего так же хочет сохранить порядок на планете, как и вы.

— Да, если он использует все возможные средства, то сохранит над этим контроль. Ну, я не позволю ему…

Гус нетерпеливо перебил:

— А Ингерманн? Грего до него еще расти и расти. Вы назвали Грего преступником? Возможно, зная о преисподней Мэллори-Порта то, что я знаю как адвокат, вы тоже стали бы считать деревья на континенте Бета или проверять любовь к жизни кустарниковых домовых. Да по сравнению с Хьюго Ингерманном Виктор Грего святой, и его иконы надо развешивать в церквях. Назовите любой рэкет — наркотики, проституция, азартные игры, незаконная торговля драгоценностями, ростовщичество, воровство — все это стоит за спиной Ингерманна. А сегодняшнее дело в суде! За ним стоит шайка разбойников, которые хотят нажиться на спекуляции землей. Вот почему я хотел остановить его, вот почему Грего послал Кумбеса помочь мне. Бек, это первое дело, в ко-

тором вы и Грего оказались на одной стороне. А сколько их еще будет?

Рейнсфорд хотел что-то ответить, но прежде, чем он заговорил, от дома донесся голос Герда ван Рибика:

— Есть тут кто-нибудь?

— Никою нет, кроме нас и Пушистиков, — крикнул в ответ Рейнсфорд. — Идите сюда.

4

Со вздохом облегчения Виктор Грего вошел в гостиную своего особняка, расположенного на крыше дома Компании. Его рука потянулась к выключателю и опустилась: слабого света, льющегося из окна, было достаточно. Он налил себе выпивку и, отдыхая, сел в сумрачной тишине. Тело его устало, но мысли в мозгу мчались с огромной скоростью.

Сняв пиджак и галстук, он положил их на стул. Затем, расстегивая на ходу рубашку, направился к бару. Там он долил стакан, наполовину наполнив его бренди, и пошел к своему любимому креслу, но, немного подумав, вернулся назад и взял бутылку. Для того, чтобы успокоить бешеное кружение в голове, могло понадобиться более одного стакана. Он поставил бутылку на низкий столик возле газона с цветами и сел, пытаясь понять, что же беспокоит его. Ничего важного. Он откинулся назад, закрыл глаза и стал медленно потягивать бренди.

У них были неприятности на континентах Бета и Дельта с пастухами степняков, но, по крайней

мере, они знали, что с этим нужно было делать. Надо прекратить все инженерные работы по проекту осушения Большой воды и различные строительные работы, а освободившихся людей перебросить в районы разведения крупного рогатого скота. Это положит конец борьбе с бандами похитителей вельбестов, которые внезапно образовались там. Возможно, если там возникнут какие-нибудь стычки, Ян Фергюсон и его Колониальная Полиция сами займутся этим. Но главное — это сохранить стада и дикие степи. Бен Рейнсфорд — консерватор, поэтому он заинтересован в их защите.

И еще не выработана тактика скупки солнечных камней. В существующей ситуации не хватает информации. С этим надо что-то делать.

Черт с ними. Подумаю об этом завтра.

Он глотнул бренди и, потянувшись к стоящей на столе вазочке, обнаружил, что она пустая. Это его обеспокоило. Когда они с Лесли Кумбесом уходили на обед, она была наполовину наполнена сластями и лакомствами. То были соленые орехи, вафли, печенье. Или их не было? Может, ему только кажется, что они были? Это обеспокоило его еще больше. К тому же сегодня утром он забыл об инвентаризации солнечных камней. Надо вы-

звать Эрнста Мейлина, и пусть он проверит его.

Подумав об этом, он безрадостно улыбнулся. Если кто и нуждается в проверке, то это сами психологи Компании. Бедный Эрнст! Его достаточно потрепали на суде, и теперь он, вероятно, думает, что его специально сунули в эту мясорубку.

Конечно, это было не так. Мейлин сделал лучшее, что он мог сделать в невозможной ситуации. Пушистики — разумные существа, и там было все, чтобы доказать это. Мейлин не делал никаких ошибок. Ошибка заключалась в непосредственном подчинении Мейлину доктора Рут Ортерис, которая, как выяснилось на суде, была лейтенантом Военной разведки Федерации. Это она первая рассказала Военной разведке о Пушистиках. Это она тайно вывезла семейство Пушистиков Джека Хеллоуэя из Научного Центра после того, как Лесли Кумбес получил их по поддельному судебному ордеру. Это она настояла устроить живую ловушку из другой семьи Пушистиков и оставила Мейлина не защищенным.

Это была прекрасная работа. Он следил за судом по экрану. Он видел, как бедный Мейлин пытался утверждать, что Пушистики — просто маленькие животные, а красный пылающий шар детектора называл его лжецом каждый раз, как он только

открывал рот. Он видел, как Рут Ортерис нанесла полное поражение Компании своими собственными показаниями.

Он должен был ненавидеть ее за это. Но нет, он восхищался ею, как восхищался любым человеком, который отлично делал свою работу, делал ее компетентно. И в то же время он проклинал некоторых людей из своей организации.

Надо бы сделать что-нибудь приятное для Эрнста. Он не может остаться в Научном центре, но его можно повысить в чине. Надо придумать для него работу.

В конце концов он решил, что может идти спать. Он отнес бутылку бренди обратно в бар, подобрал одежду и, войдя в спальню, включил свет.

Взглянув на кровать, он увидел бесформенный клубок золотистою меха, лежащий на подушке. Он выругался. Одна из кукол-Пушистиков, сделанная в натуральную величину, которые появились в продаже после того, как Джек Хеллоуэй открыл Пушистиков. Если это чья-то шутка…

— Уиик?

— А, черт! Он живой! — завопил Виктор. — Это настоящий Пушистик!

Пушистик испугался и некоторое время наблю-

дал за Виктором, ища пути к спасению.

— Не пугайся, малыш, — успокаивал от Виктор. — Я тебя не обижу. Во всяком случае, как ты сюда попал?

Загадка пустой вазочки теперь была разрешена: лакомства внутри Пушистика. Тем не менее это ставило новый вопрос. Как он сюда попал? Решив, что это шутка, Виктор рассердился. Теперь он сомневался в этом, что беспокоило его еще больше.

Пушистик, осторожно присмотревшись к нему, видимо, решил, что он не враждебен и даже немного дружественен. Он поднялся на ноги, пытаясь освободить пневматический матрас, и пере-кувыркнулся через голову. Затем он немедленно снова вскочил на ноги, дважды подпрыгнул вверх и счастливо уикнул. Виктор поймал его на втором прыжке и сел с ним на кровать.

— Ты голоден, малыш? — В вазе было немного еды даже для Пушистика. К тому же орехи были обильно посолены. — Держу пари, тебя мучит жажда. Как Пушистики Джека Хеллоуэя называют его? Папочка Джек. Значит, папочка Вик принесет тебе что-нибудь поесть.

В маленькой кухне, пока хозяин искал, чем бы

накормить гостя, Пушистик выпил два с половиной стакана воды. Джек Хеллоуэй кормил своих Пушистиков Рационом-три, но у него его нет… А может, и есть.

Виктор вернулся в спальню и открыл шкаф, где хранилось его походное снаряжение: винтовки, спальный мешок, камеры, бинокли и пара стальных прямоугольных ящиков, полных вещей, необходимых в лагерных условиях. Их обычно доставляли на аэрокарах. Он открыл один из них, содержащий столовую утварь, уверенный, что найдет там пару банок Рациона-три.

Пушистик, с интересом наблюдавший за ним, увидел голубую этикетку, возбужденно уикнул и побежал за Виктором на кухню. Он едва дождался, пока банку откроют. Значит, и прежде кто-то давал ему Рацион-три.

Пока Пушистик ел, Виктор сделал себе сэндвич и сел за стол. Беспокойство не проходило. В доме Компании были только четыре двери на уровне земли, и все они постоянно охранялись. Окна были расположены на высоте шестидесяти футов. Он не стал бы держать пари, но, по всей вероятности, окна не были доступны для Пушистиков, к тому же он сомневался, что они научились водить аэрокар. Следовательно, кто-то привез

сюда этого Пушистика. Вопрос «как» отпадает, но возникает три других вопроса: когда, кто и зачем? Зачем — это тревожило его больше всего. Пушистики (ему не надо было напоминать об этом) были людьми и находились под защитой Федерации Земли. Против них могут быть совершены различные преступления. Леонард Келлог мог бы быть казнен за убийство одного из них, если бы не покончил с собой в тюрьме. Но есть еще похищение и порабощение. Может, кто-то пытается ложно обвинить его в этом?

Он включил экран и набрал комбинацию офиса шефа полиции Компании. На экране появился капитан Морган Лански, который от полуночи до шести утра сидел за столом своего шефа Стифера. Как только Лански увидел, кто вызвал его, он выплюнул сигарету, застегнул молнию на куртке и попытался выглядеть бдительным, бодрствующим и занятым делом.

— Мистер Грего! Что случилось?

— Именно это я и хотел узнать у вас, капитан. В моих апартаментах появился Пушистик и я хотел бы знать, как он попал сюда.

— Пушистик? Вы уверены, мистер Грего?

Виктор повернулся и показал своего посетителя, сидящего за столом. Пушистик держал

половину кекса Рациона-три. Он увидел Лански, глядящего на него из стены, и изумленно уикнул.

— Каково будет ваше мнение, капитан?

Мнение капитана было таково, что он выругался.

— Как он вошел, мистер Грего?

Чтобы сохранить терпение, Грего мысленно помолился.

— Это как раз то, что я хочу узнать. Начнем. Подумайте, каким образом он мог войти в здание.

— Кто-то, — подумав, ответил капитан, — мог ввезти его на аэрокаре.

— Я сам додумался до этого. Можете вы мне сказать, когда это произошло?

Лански покачал головой. Вдруг ему в голову пришла какая-то мысль.

— О, мистер Грего! Воровство!

— Какое воровство?

— Ну, воровство, воровство и грабеж. Кто-то ограбил кладовку кафетерия, где они хранили всяческие сладости для роботов-продавцов. Первая кража была ночью шестнадцатого… (Три дня назад, отметил Виктор.) Вчера утром, в смену от шести ноль-ноль до двенадцати ноль-ноль пришел первый рапорт. Были еще подобные случаи.

В основном, брали сладости и другие лакомства. Как вы думаете, не дело ли это рук Пушистиков?

Почему бы и нет. Он не видел причины отрицать это. Пушистики были маленькими людьми, способными сделаться очень незаметными, когда им это было нужно. Не обладая этими качествами, они не выжили бы в лесах, тысячи лет увертываясь от гарпий и кустарниковых домовых. В доме Компании было полно мест, где можно спрятаться. Он был построен двенадцать лет назад, через три года после приезда Грего на Заратуштру. Это было огромное здание. Оно не было похоже на небоскребы, воздвигаемые на Земле в течение двух столетий. Оно должно было стать штабом Привилегированной Компании Заратуштры на пару веков. Восемнадцать уровней, шесть-восемь этажей на каждом; больше половины из них пустовали, многие были не закончены. Привилегированная Компания Заратуштры должна была расширяться.

— Доктор Джименз ловил Пушистиков для доктора Мейлина, — сказал Лански. — Может, это один из них?

Виктор мысленно вздохнул, подумав об этих Пушистиках. Поймать и отдать их в лабораторию Мейлина — это была самая большая ошибка в

этом деле, а то, как они избавились от них — вообще никуда не годилось.

Какой-то лейтенант полиции Мэллори-Порта по своей инициативе раздул историю о десятилетней девочке Лолите Ларкин, которую якобы атаковали Пушистики. А Ник Эммерт полагая, что Пушистики Хеллоуэя в городе, объявил вознаграждение в пять тысяч солей за каждого живого или мертвого Пушистика. Это вызвало истерическую охоту на Пушистиков. Теперь Ник Эммерт, генеральный резидент Компании, обвиненный в должностном преступлении, на эсминце с Ксеркса отправлен на Землю. Это было, когда он и Лесли Кумбес создали шедевр их собственного слабоумия. Они выпустили Пушистиков, изучаемых Мейлином, надеясь, что их расстреляют за вознаграждение Эммерта. Джек Хеллоуэй не знал тогда, что его Пушистики в целости и сохранности находятся на военной базе Ксеркса. Он искал своих Пушистиков, а обнаружил других. Теперь они живут у Герда и Рут ван Рибик.

Это вернуло Лански к тому, с чего он начал. Он перешел на другую тему.

— Хорошо, мистер Грего, я сейчас пришлю кого-нибудь забрать его.

— Ничего подобного, капитан. Пушистику и

здесь неплохо. Я позабочусь о нем. Все, что мне надо, это узнать, как он попал в дом Компании. Только расследуйте это осторожно, и доложите шефу, когда он появится. — Он задумался, потом добавил: — Получите для меня ящик Рациона-три. Сделайте это до того, как сдадите смену. Оставьте его в моем доставочном лифте. Завтра утром заберу его.

Пушистик был разочарован, когда Виктор выключил экран. Ему было интересно, куда девался забавный человек в стене. Он вяло доел кусок Рациона-три и не захотел взять еще. Ну и не удивительно: один такой кекс давал человеку возможность заниматься тяжелой физической работой в течение двадцати четырех часов.

Виктор постелил Пушистику постель. А если ему захочется пить? Раковина на кухне была слишком высока и неудобна для Пушистика. Снаружи был еще кран, которым пользовался садовник. Виктор пустил из него небольшую струйку, подставил под нее кастрюлю, а рядом поставил маленькую металлическую чашку. Пушистик заинтересовался этим и оценивающе уикнул. Виктор взял слуховой аппарат, разработанный людьми Военного флота, включил его и услышал язык Пушистиков.

Потом он вспомнил, что Пушистики были почти педантами в своих гигиенических привычках. Вернувшись в дом, он вошел в большую комнату позади кухни, которая служила слугам в качестве чулана, садовнику — в качестве подсобки для хранения семян и инструментов, и все они сваливали в нее всякий ненужный хлам. Сам он давно уже не был здесь. Увидев, что там творится, он отвратительно выругался. Затем он стал осматриваться, отыскивая, что бы Пушистик мог использовать в качестве лопатки. Выбрав крепкую ручку от половника, он взял ее, вынес в сад и выкопал ямку в цветочной клумбе. Черенок он воткнул в землю около ямки. Пушистик понял, для чего эта ямка. Он воспользовался ею, затем засыпал ее и воткнул черенок туда, откуда вытащил. Обнаружив, что Большие существа тоже имеют цивилизованные представления о гигиене, он удовлетворенно сделал какое-то ультразвуковое замечание, воспринимаемое, как уиканье.

Завтра найду ему что-нибудь получше, какую-нибудь миниатюрную лопатку, организую настоящую постель, построю маленький фонтанчик и…

Внезапно ему в голову пришло, что Пушистик

может захотеть остаться с ним навсегда. Но захочет ли он сам, чтобы Пушистик жил с ним? Конечно, захочет. Пушистик забавен, но он должен стать для него чем-то большим, чем просто забавой. Пушистик может стать его другом, и его не волнует, являешься ли ты главным руководителем Компании Заратуштры или нет. Люди во всем ищут выгоду, и такого бескорыстного друга приобрести трудно.

У Виктора Грего не было друзей, если не считать Лесли Кумбеса.

Несколько раз в течение ночи он просыпался, когда Пушистик тепло и нежно прикасался к его плечу.

— Нет, друг, я думаю, тебе надо сделать отдельную кровать.

— Уиик?

— О, тебе нравится делить койку с папочкой Виком? Прекрасно.

И они снова уснули.

5

За завтраком у Виктора был забавный маленький компаньон, сидящий на столе. Пушистик попробовал кофе Грего, он ему не понравился. Ему нравилось потягивать некоторые фруктовые соки. Затем он откусил Рацион-три и совсем спокойно смотрел, как Грего курит сигарету. Он явно не хотел попробовать сам закурить, вероятно, он уже видел курящих людей, а может быть, и пробовал зажженную сигарету, но либо обжегся, либо поперхнулся дымом.

Грего долил себе еще кофе и включил экран. Пушистик повернулся к экрану. Это было забавно, там происходили интересные вещи. Пушистик был очарован калейдоскопическим смешением цветов. Затем экран очистился и появилось изображение Мирры Фаллады.

— Доброе утро, мистер Грего, — начала она, но словно подавилась словами. Она сидела с открытым ртом и выкатившимися глазами, словно только что проглотила стакан сто пятидесятиградусного рома, полагая, что это охлажденный чай. Ее рука неуверенно поднялась.

— Мистер Грего! Это… это Пушистик?!

Пушистик был восхищен. Это было гораздо интереснее, чем человек в голубой форме прошлой ночью.

— Да, он пришел сюда вчера вечером, — интересно, сколько времени ему придется потратить на подобные объяснения? — Из него я сумел вытянуть только уиканье. Я думаю, что он будет большим оригиналом.

Подумав, Мирра решила, что такая уж эта работа. Святотатственная работа, и мистер Грего не должен заниматься подобной работой.

— Ладно, а что вы будете делать с этим Пушистиком дальше?

— С ним? Ну, если он захочет остаться, то оставлю его здесь.

— Но… но это же Пушистик!

Компания лишилась своих привилегий из-за Пушистиков. Значит, Пушистики враги и вредные для Компании парни, поэтому Виктор Грего не должен связываться с ними.

— Мисс Фаллада, за сотни тысяч лет до того, как Компания узнала об этой планете, Пушистики уже были здесь, — теперь он жалел, что не занял эту позицию с самого начала. — Этот Пушистик — очень милый маленький парнишка, который

хочет дружить со мной. Если он захочет остаться, я буду очень счастлив. — Он прекратил дальнейшие расспросы о том, что все это значит, и спросил, что произошло за утро.

— Ну, девочки обработали большинство рапортов, поступивших ночью. Когда вы спуститесь, все это будет у вас на столе. А затем…

А затем шла обычная подборка вопросов и предложений. Он думал, что большинство из них уже решено днем раньше.

— Ладно. Оставьте это у меня. Мистер Кумбес вызывал меня?

— Да. Он будет занят весь день. Он повторит вызов около полудня или ближе к вечеру, — все верно, Лесли знает, что делать и как делать. Виктор отключил Мирру и вызвал шефа Стифера.

Гарри Стифер не стал застегивать молнию куртки и не пытался выглядеть бодрым, он уже прошел через все это. Гарри был отставным офицером армии Федерации и в доказательство этого на левой стороне груди носил тройной ряд нашивок.

— Доброе утро, мистер Грего! — он улыбнулся и кивнул в сторону Пушистика, уставившегося на экран. — Я вижу, правонарушитель еще у вас?

— Постоялец, шеф. Что вы узнали о нем?

— Ну, еще совсем немного. У меня то, что сделал капитан Лански прошлой ночью: он свел в таблицу все рапорты и жалобы на прокатившуюся волну грабежей и мелких краж. Кстати, внушительный список. Вам дать его полностью?

— Нет, обобщите.

— Хорошо. По-видимому, это началось с кражи в дамской комнате отдыха на восьмом нижнем уровне. Взяли сладости и другие съестные припасы, а вещи и ценности разбросали в беспорядке по полу и так оставили. Затем подобные рапорты стали поступать с уровней, расположенных выше. Были рапорты о том, что кто-то побывал в складских помещениях кафетериев, но нет никаких доказательств, что кто-то входил туда.

— То есть кто-то из людей?

— Да. Ночью Лански посылал пару детективов осмотреть эти места. Он сказал, что все это мог сделать Пушистик. Все рапорты по этим делам у меня. Между прочим: за последнюю ночь не поступило ни одного рапорта. Это подтверждает, что повсюду был замешан ваш Пушистик.

— Ты настоящий маленький воришка, не так ли? — он мягко шлепнул Пушистика. — Значит, до шестнадцатого числа и ниже восьмого уровня ничего не случалось?

— Да, мистер Грего. Узнайте, может быть, доктор Джименз или доктор Мейлин знают что-нибудь об этом?

— Я поговорю с ними. После того, как доктор Джименз поймал четырех Пушистиков и передал их для изучения доктору Мейлину, он остался изучать Пушистиков в естественных условиях. Ему помогают двое людей, то ли нанятые охотники, то ли лесничие.

— Я выясню, кто это был, — сказал Стифер. — И еще. Кто-нибудь из служащих Компании, кто работал на континенте Бета, мог подобрать Пушистика, привезти его сюда и здесь бросить. Мы постараемся выяснить это, мистер Грего.

Грего поблагодарил Стифера, отключил экран и снова набрал шифр вызова. На этот раз это были апартаменты Лесли Кумбеса. Кумбес ответил сразу же. Одетый в домашний халат, он сидел в своей библиотеке. Перед ним стояла чашечка кофе и лежала кипа бумаг. Он улыбнулся, приветствуя Грего, затем его взгляд переместился, и улыбка стала еще шире.

— Ну просто трогательная сцена: Виктор Грего со своим Пушистиком. Раз не сумели победить их, то присоединились к ним, — прокомментировал он. — Когда и где вы подобрали его?

— Я не подбирал его, он сам пришел ко мне, — и Виктор рассказал Кумбесу обо всем. — Теперь я хочу выяснить, кто привез его сюда?

— Мой вам совет: отвезите его на континент Бета и верните туда, откуда он пришел. Рейнсфорд согласился не преследовать нас за то, что мы сделали перед судом, но если он узнает, что вы держите в доме Компании Пушистика, он выступит против нас.

— Но ему нравится здесь, и он хочет остаться с папочкой Виком. Или нет, малыш? — спросил Виктор. Пушистик ответил, и это прозвучало как согласие. — Думаю, вы можете сходить к Пэндервису и получить для меня бумаги на опекунство, какие он выдал Хеллоуэю, Джорджу Ланту и Рейнсфорду.

В глазах Лесли Кумбеса мелькнула искра заинтересованности. Ему хотелось бы вновь встретиться и сразиться с Гусом Бранхардом в суде, только бы дело не было таким безнадежным, как в последний раз.

— Я полагаю, что смогу… — затем он отогнал соблазн. — Нет, мы и так натворили слишком много, и не стоит больше рисковать. Лучше избавиться от него, Виктор. — Он поднял руку, предупреждая протест. — Около семнадцати

тридцати я зайду на коктейль, — сказал он. — А до этого времени — думайте.

Ладно, может быть, Лесли прав. Они немного поговорили о сложившейся ситуации в политике. Пушистику это надоело, и он спрыгнул со стола. Отключив экран, Виктор оглянулся и не увидел Пушистика. Дверь в кладовую была открыта, возможно, он пошел туда посмотреть вещи. Хуже того беспорядка, что там был, Пушистик сделать уже не мог. Грего долил себе кофе и закурил очередную сигарету.

Вдруг по ту сторону открытой двери раздался грохот и послышалось взволнованное уиканье вперемежку с глухими стуками. Пушистик звал на помощь. Вскочив на ноги, Виктор подбежал к двери и заглянул внутрь.

Пушистик стоял посредине липкой лужи, которая разлилась из упавшей с полки открытой пяти-галлоновой канистры. Понюхав, он понял, что это был соус для мяса, который смешивал по своему собственному рецепту повар. На целый окорок уходило около пинты соуса, а этот дурак намешал сразу пять галлонов. Основное количество соуса попало на Пушистика. Пытаясь выбраться из лужи, он опрокинул множество баночек со специями и травами, образцы которых

приклеились к его носу. Он поставил ногу на лист бумаги. Бумага тоже приклеилась. Он попытался отодрать ее рукой, и бумага приклеилась к руке. Заметив папочку Вика, Пушистик издал отчаянное уиканье.

— Да, теперь вот и уикай, — Виктор схватил Пушистика, который липкими руками обхватил его за шею. — Иди сюда, сейчас будем чиститься.

Он отнес Пушистика в ванную и свалил его в лохань, затем снял безнадежно испорченную рубашку. Брюки тоже запачкались, потом их надо будет сменить. Из шкафа он достал флакон шампуня и, открыв кран с горячей водой, отрегулировал воду так, чтобы Пушистик мог терпеть.

Разве это не ад? Или ему нечего делать, кроме как мыть Пушистика?

Он намылил мех Пушистика. Тот сначала обиделся, а потом ему это понравилось, и он удовлетворенно уикнул. Набрав полную пригоршню мыльной воды, он даже попытался намылить папочку Вика. Наконец мытье закончилось. Сушилка тоже понравилась Пушистику. Он никогда прежде так не мылся.

С чистым, сухим и пушистым мехом он сидел на кровати и наблюдал, как папочка Вик переодевается. Это было удивительно, что Большое

существо может менять свою шкуру; должно быть, это очень удобно. Время от времени он уикал, и Грего поддерживал с ним разговор.

Одевшись, Виктор написал повару, слуге и садовнику, чтобы они убрали к черту все лишнее из задней комнаты и навели там порядок.

Затем они оба спустились в кабинет Грего. Казалось, лифт Пушистик тоже увидел впервые. В кабинете Пушистик удивленно осматривался по сторонам. Особенно его заинтересовал огромный глобус Заратуштры со встроенной антигравитационной установкой, который плавал в шести футах над полом. Вокруг него вращались два спутника, и все это освещалось прожектором, заменяющим солнце Заратуштры. В конце концов, чтобы разглядеть все получше, он вспрыгнул на стул.

— Если мне удастся что-нибудь придумать, ты останешься здесь, — Грего щелкнул выключателем экрана, и перед ним возникло изображение Мирры. — Прежде чем спускаться вниз, мне надо кое-что убрать здесь, — сказал он правдиво. — Сколько девочек работает у нас сегодня утром?

Их было восемь, и все они были заняты. Мирра перечислила, чем занята каждая из них. С этим могли справиться четверо, а шестеро — без

всякого напряжения. Еще одно место, где не привилегированная Компания Заратуштры могла бы сэкономить.

— Хорошо, они тоже смогут посмотреть на Пушистика, — сказал он. — Пусть они присматривают за ним по очереди. Сейчас он пытается представить, что бы еще такое натворить. Отнесите его к девочкам, пусть поиграют с ним.

— Но, мистер Грего, они работают…

— Это тоже работа. Объясните им, что та из них, которая больше всех понравится Пушистику, останется постоянно присматривать за ним. По аналогии с медсестрой, назовем ее сестрой Пушистиков. Можем ли мы позволить, чтобы один Пушистик разрушил всю нашу организацию?

Мирра сначала напомнила ему, что Пушистики уже сделали это с Компанией, а затем, сказав: «Да, мистер Грего», отключила экран. Мгновением позже она вошла в кабинет.

Она и Пушистик смотрели друг на друга с взаимной враждебностью и подозрением. Она нерешительно шагнула к нему. Пушистик уикнул сердито, а когда она протянула руку, увернулся от нее и, подбежав к Грего, взобрался к нему на колени.

— Она не обидит тебя, — утешал его Виктор, —

это Мирра, она любит Пушистиков. Или нет, Мирра? — он погладил Пушистика. — Боюсь, что вы не нравитесь ему.

— Ну, это взаимно, — сказала Мирра. — Мистер Грего, я ваш секретарь, а не сторож животных.

— Пушистики не животные. Они разумные существа. Главный судья так и сказал. Разве вы не слышали о решении Пэндервиса?

— В последнее время только об этом и говорят. Мистер Грего как, после всего, что случилось, вы можете ласкать этого маленького демона?

— Все правильно, Мирра. Я возьму его.

Через приемную Мирры он прошел в большую комнату, которую они называли Центром исполнительных работ. Сюда стекались все рапорты увядшей, но все еще обширной Компании. Переданные подчиненными, они требовали его решения, указаний, приказов и инструкций. Там было восемь ничем особенно не занятых девочек. Одна что-то вычитывала из нескольких пачек бумаги и диктовала в микрофон, другая сидела за приглушенно шелестящим телетайпом, третья создавала на чертежной доске один из многоцветных зигзагообразных графиков, которые так любят конторские души. Остальные сидели, куря и болтая. Едва он вошел, как они все поспешно

разошлись, выказывая свою озабоченность и деловитость. Одна из них заметила у него на руках Пушистика.

— Смотрите! У мистера Грего Пушистик!

— Ой! Действительно, живой Пушистик!

Все они вскочили и столпились перед Виктором, закружив его в водовороте цветастых платьев, нежных духов, смеющихся голосов и хорошеньких, улыбающихся лиц.

— Где вы его взяли, мистер Грего?

— Можно, мы посмотрим на него?

— Да, девочки, — он опустил Пушистика на пол. — Я не знаю, откуда он пришел, но мне кажется, что он хочет остаться с нами. Пока я оставлю его здесь. Присматривайте за ним, но не забывайте о своей работе. И не давайте ему влезать в какую-нибудь неприятность. Вы можете угостить его тем, что едите сами. Если он не захочет, то не возьмет. Хотя я не думаю, чтобы он сейчас был голодным. И не убейте его своей любовью.

Когда он вышел, все они уселись на пол вокруг Пушистика, для которого наступило прекрасное время. Виктор попросил Мирру оставить дверь приемной открытой, чтобы Пушистик мог пройти через нее, если захочет, а сам через другую

дверь прошел в Вычислительный центр.

Между двух прямых стен этот помещения находились вводы анализатора ситуаций и пульты операционного управления компьютерами. По всей стене проходила бледно-зеленая лента пластика около трех футов шириной, разбитая вертикальными и горизонтальными красными линиями на футовые квадраты. Каждый квадрат был перфорирован тысячами маленьких отверстий. В некоторых из них трели огоньки, блестевшие всеми цветами радуги. Три нижних уровня были полностью заняты компьютерами. Здесь поступающая информация превращалась в квазиматематическую символику, понимаемую компьютерами, и передавалась вниз.

На мгновение он остановился, следя за огнями «Рождественской елки». Ничто в мире не могло соблазнить его коснуться этого; он имел только отдаленное представление обо всем этом. Интересно, начали ли компьютеры работать над тактической задачей о скупке солнечных камней? Он прошел в свой кабинет, закрыл за собой дверь и сел за стол.

В старые, еще до Пушистиков, времена он мог просидеть здесь пару часов, попивая кофе и не спеша просматривая рапорты. Иногда он делал

какие-то замечания, задавал вопросы или давал советы, показывая, что он в курсе происходящею. Ситуация, требующая его личных действий, возникала очень редко.

Теперь же постоянно возникала подобная ситуация, развивались конфликты. Ему пришлось связаться с людьми, которых он не стал бы беспокоить при обычных обстоятельствах: с управляющим мясоконсервным заводом на континенте Дельта, с главным инженером приостановленного проекта осушения Большой Черной воды, с мастером-механиком завода по производству ядерно-энергетических реакторов. Затем он вызвал мастера-механика завода по производству электронного оборудования, где началось производство ультразвуковых аппаратов, и попросил прислать в его контору полдюжины аппаратов. Благодаря такому прибору он мог слышать, что говорит его новый друг.

Когда он беседовал с главой химического производства о расширении производства мощных взрывчатых веществ, в дверном проеме возникла дрожащая Мирра Фаллада. Как только он отключил экран, она сказала:

— Мистер Грего, вы должны забрать это ужасное создание из оперативного центра. Девочки

забросили всю работу, а шум сводит меня с ума!

Он услышал взрыв пронзительного хохота и топоток убегающего Пушистика.

— Я совсем не могу работать! А-а-а-а! — Что-то ярко-красное ударило ее сзади по голове и влетело в кабинет. Это был мешок из красного пластика, набитый губкой, бумагой или чем-то подобным. Вслед за ним, проскользнув мимо Мирры, в комнату вбежал Пушистик. Он подхватил мешок, швырнул его назад и побежал за ним. Спортивный снаряд пролетел в нескольких дюймах от лица Мирры.

— Да, Мирра. Боюсь, что это зашло уже слишком далеко, — он поднялся и прошел мимо нее. Вовремя заметив импровизированный мягкий мяч, со свистом летящий в него, он поймал его и продолжал свой путь. Пушистик подбежал к высокой рыжеволосой девушке, которая наклонилась и подхватила его.

— Девочки, — сказал Грего. — Я просил присмотреть за ним, но не просил устраивать детский сад. Из-за одного Пушистика вы все бросили работу.

— Но мы только немного поиграли, — сказала высокая рыжеволосая девушка.

— Да, немного. Как вас зовут? Сандра Глинн?

Сандра, вы, кажется, понравились ему. Позаботьтесь о нем. Только, пожалуйста, сохраняйте тишину и не мешайте остальным.

Он надеялся, что она не станет спрашивать, как это сделать, и она не спросила, а только сказала:

— Я попробую, мистер Грего.

Пожалуй, за такое самопожертвование можно будет заплатить. Это все, что он может сделать для нее.

Вернувшись в свой кабинет, он получил вызов от шефа Общественных служб, который хотел посоветоваться насчет дальнейшей работы школьных учителей. Избавившись от него, Грего вызвал доктора Эрнста Мейлина из Научного центра.

Руководитель Научного центра был суетлив и изящен в своем неизменном черно-белом костюме, который как нельзя кстати подходил к его неизменным черно-белым мыслям. У него было узкое лицо и маленький рот со сжатыми губами — высокомерное лицо положительного человека. В настоящий момент это лицо выражало ожидание, что стул под ним может развалиться в любое мгновение.

— Доброе утро, мистер Грего, — сказал он боязливо и стараясь не показать этого.

— Доброе утро, доктор. Пушистики, с которыми вы работали перед судом, и те, что живут сейчас у доктора и миссис ван Рибик, одни и те же?

Вопрос удивил Мейлина. Он ответил утвердительно. Пушистики те самые, которые Юан Джименз поймал для него.

— Вы уже говорили об этом доктору Джимензу? — спросил он, услышав о появлении Пушистика в доме Компании. — Я не думаю, что он привез еще кого-нибудь, вернувшись с континента Бета.

— Нет, еще нет. Я хотел вам первому сказать о Пушистике и еще кое о чем. Доктор Мейлин, я сделал вывод, что вам не доставляет удовольствия руководство Научным центром.

— Да, мистер Грего. Я взялся за это только потому, что так было надо, но теперь, после суда, я склонен вернуться к своей собственной работе.

— Ну и вы бы хотели, чтобы ваш оклад не пострадал от этого. Я хочу заверить вас, что в этом вы можете быть совершенно уверены. Во время неприятностей с Пушистиками, в совершенно невозможной ситуации, вы сделали все лучше, чем мог бы сделать кто-нибудь другой.

Он видел, как беспокойство сходило с лица Мейлина. Прежде чем он кончил, психолог улыб-

нулся своей сдержанной улыбкой.

— Теперь вопрос о вашем преемнике. Что вы думаете о Юане Джимензе?

Мейлин нахмурился. Он был из тех людей, которые думают каждой мышцей своего подвижного лица.

— Он слишком молод, но я полагаю, что это будет хороший выбор, мистер Грего. Я ничего не могу сказать о нем как об ученом, потому что поле его деятельности отличается от моего, но у него хорошие способности исполнителя. Он обладает чутьем и сверх-предвидением, может брать на себя ответственность и может великолепно общаться с людьми. Да, я могу порекомендовать его, — он сделал паузу, а затем спросил: — Вы думаете, он примет это предложение?

— А как вы думаете, доктор?

Мейлин хихикнул.

— Это был глупый вопрос, — признал он. — Мистер Грего, этот Пушистик все еще в доме Компании? Что вы собираетесь с ним делать?

— Я хочу сохранить его, но боюсь, что не смогу сделать этого. К тому же он слишком предприимчив. Сегодня мои апартаменты выглядели, как поле боя, а контору он превратил в цирковую арену. И Лесли Кумбес советовал мне избавиться

от него. Он считает, что это может настроить Рейнсфорда против нас. Вероятно, я отвезу его на континент Бета и выпущу там.

— Отдайте его мне, мистер Грего. Пусть он живет у меня. Мы будем с ним играть, разговаривать и попробуем выяснить, что он думает об этом. Мистер Грего, Пушистики — самые разумные существа из всех, что я видел. Я знаю. Я пытался опровергнуть это, ставил эксперименты, действующие на психику, но я просто не мог иначе. Если мы сможем изучить их основные психические модели, я смогу продвинуться в психологии и психиатрии, как не продвигался никто со времени Фрейда.

Он говорил, что думал. Теперь это был другой Эрнст Мейлин. Он был готов учиться и искоренять свое невежество, а не отрицать его. Но исполнение его желаний было под вопросом.

— Я сожалею, но если я отдам Пушистика вам, с Лесли Кумбесом случится припадок, а это ничто по сравнению с тем, что сделает Бен Рейнсфорд: он выдвинет обвинение против нас. Если я сохраню Пушистика у вас для изучения… но боюсь, что это невозможно.

Он прервал разговор и отключил экран. Шум в оперативном центре прекратился, работа, веро-

ятно, тоже. Виктор Грего не хотел расставаться с Пушистиком. Это был хороший парнишка, но…

6

Он не смог связаться с Юаном Джименсом немедленно. Юан что-то делал в зоопарке, а зоопарк занимал такое пространство, что его там невозможно было отыскать. Грего приказал соединиться с ним при первой же возможности и вернулся к своей работе. Наконец он заказал себе ленч и съел его. Снаружи опять послышался шум. Кажется, девочки решили покормить Пушистика. Интересно, чем? Некоторые вещи могут вызвать у Пушистика расстройство желудка.

Шеф группы изучения млекопитающих был молодым человеком с одновременно бодрым, настороженным, искренним и любезным лицом, какое можно было видеть в высших эшелонах власти крупных корпораций или институтов. Он мог не быть хорошим ученым, но он на двести процентов был человеком Компании.

— Привет, Юан. Вам сообщили из Научного центра?

— Да, мистер Грего. Я был в зоопарке. Они доставили с Гаммы новую партию бронированных свиней. Когда я вернулся, мне передали, что вы

хотите поговорить со мной.

— Да. Перед судом, когда вы возвращались с континента Бета, вы не привозили с собой Пушистиков?

— Боже мой, нет! — воскликнул Джименз. — Мне хорошо известно, что Пушистики нужны нам так же, как дырка в голове!

— Примерно то же говорил Эрнст Мейлин. Вы видели многих Пушистиков, и они выглядели разумными. Ладно, черт побери, сколько их было? Что вы делали на континенте Бета?

— Ну, как я уже говорил вам, мистер Грего, мы разбили там лагерь и с помощью Рациона-три заманили туда несколько дюжин Пушистиков. Мы изучали их поведение, фотографировали, но не делали никаких попыток захватить их, если не считать четырех первых.

— Вы сказали «мы»? Кто же был с вами?

— Два моих помощника, лесничие из Дивизиона осмотра — Керкед и Новайс. Они помогли мне поймать первых четырех, которых я передал доктору Мейлину. Затем они помогали с работой в лагере, фотографировали и тому подобное.

— У меня здесь возникла непредвиденная ситуация, — поняв, почему показания свидетелей, которые сотни раз рассказывают всю историю в

полиции, звучат так бойко, он продолжал: — Видите ли, я хочу понять, что происходит. Я верю в вашу невиновность, но хочу быть уверенным до конца.

— Хорошо, я не привозил Пушистика, а Керкед и Новайс вернулись вместе со мной. Они отпадают.

— Лучше бы это были вы или они, тогда бы я знал, что на этом все кончится. О! Еще один вопрос, Дан. Как вы знаете, когда Келлог был арестован, доктора Мейлина привлекли к руководству Научным центром. Теперь он возвращается к своей настоящей работе и, могу добавить, весьма доволен этим. Как вы думаете, справитесь ли вы с этой работой? Если да, можете принимать дела.

Одно можно было сказать о Джимензе точно: он не был лицемером. Он с честью принял это предложение и не подвергал сомнению свое соответствие этой должности.

— Ну, спасибо, мистер Грего! — поблагодарил он, а затем произнес небольшую речь, которая звучала поразительно преднамеренной. Да, он определенно подходит.

— Я предлагаю вам сразу же связаться с доктором Мейлином, — сказал Грего. — Он знает о моем решении назначить вас на эту должность.

Я полагаю, завтра утром мы встретимся за ленчем. К тому времени вы узнаете, что находится в вашем распоряжении, и мы обсудим планы на будущее.

Отключив Джименза, Грего набрал код Гарри Стифера.

— Мейлин говорит, что он ничего не знает об этом. Юан Джименз — тоже. Я узнал имена людей, которые помогали Джимензу на континенте Бета…

Стифер усмехнулся.

— Фил Новайс и Мозес Керкед, оба из дивизиона осмотра. Керкед — геолог, а Новайс — охотник. Они вернулись вместе с Джимензом за день до суда, а затем исчезли. Вместе с ними исчез аэрокар Компании. Мое предположение: либо они занялись изысканиями, либо отправились в страну степняков красть скот. Мне разыскать их?

— Да, сделайте это, шеф, из-за кара. Потому что со временем перехода планеты в класс четыре исчезло много транспортных средств Компании. Кто бы это ни был, мы могли бы выяснить, но вы говорили, что хотите сделать это осторожно.

— Так осторожно, как только можно. Но все-таки я хочу это выяснить. Попробуйте начать поиски с незанятых этажей. Может, найдете ме-

сто, где его держали, прежде чем он ушел.

Стифер кивнул.

— У нас, правда, нет столько людей, сколько потребуется для этой операции, — сказал он, — но я сделаю все, что в моих силах.

Слова Гарри «сделаю все, что в моих силах» вполне устраивали Виктора. Он удовлетворенно кивнул и отключил экран.

Вернувшись к работе, он стал составлять списки грузов для лайнера «Город Капштадт» линии Земля-Бальдур-Мердок, который должен прибыть на этой неделе. Он все еще сопоставлял цены рынка Земли с кубическими футами грузового трюма, когда позади него открылась дверь в вычислительный центр.

Он повернулся и увидел в дверном проеме Сандру Глинн. Ее рыжие волосы, зеленые глаза и губная помада яркими пятнами выделялись на белом, как бумага, лице.

— Мистер Грего… — это был едва слышный испуганный шепот, — вы что-нибудь делали с управлением компьютерами?

— Боже мой, нет! — он оттолкнул стул и вскочил на ноги. — Свои невежественные пальцы я держу подальше от всего этого. Что еще случилось?

Она освободила дверной проем. Заглянув туда, Виктор увидел среднюю панель управления, пылающую множеством цветных огоньков. Не хаотично разбросанные огоньки, которые загораются при включенном компьютере, а преднамеренный рисунок, симметричный и гармоничный. Прекрасный рисунок, но только Бог — Аллах или Зевс (выбирайте сами) — знает, что было бессознательно введено в необъятные внутренности этот компьютера. Сандра примерно догадывалась, что могло здесь произойти.

— Это, — сказал Виктор, — был наш маленький друг, «Пушистик Пушистый Хеллоуэя». Войдя сюда, и увидев огоньки, он узнал, что они могут включаться, отключаться, мигать и передвигаться по экранам. Обнаружив, как это делается, он решил создать по-настоящему прекрасную вещь. За ним кто-нибудь присматривал?

— Ну, у меня была кое-какая работа, и за ним присматривала Гертруда. Потом он лег подремать после ленча, а Гертруду вызвали к экрану…

— Все правильно. Не вы первая, кого одурачил Пушистик, и не Гертруда. Он уже несколько раз одурачил парнишку, которого зовут Виктор Грего. Кто-нибудь пытается навести здесь порядок?

— Нет. Я увидела это только минуту назад…

— Ладно. Вызовите Джо Вергано. Хотя нет. Я сделаю это сам. Его секретарша не станет спорить со мной, а вы идите и найдите Пушистика.

Он подошел к экрану связи и, заглянув в карточку, лежащую возле него, выбил код.

— Служба старшего программиста, — начала говорить появившаяся на экране девушка, а затем подняла глаза. — О, мистер Грего!

— Дайте мне Вергано, быстро!

Ее руки задвигались, экран взорвался вспышкой света и на нем появился старший программист.

— Джо, есть адская работенка, — сказал Грего, прежде чем Вергано открыл рот. — Кое-кто поиграл с пультом управления и все испакостил. Сюда, — он потянулся к экрану и взял камеру, напоминающую пистолет, дуло которого было соединено длинным кабелем с экраном. Нацелившись на цветные огоньки на пульте управления, он нажал курок.

Голос Джо Вергано взвыл позади него.

— Боже мой! Кто это сделал?

— Пушистик. Нет, я не обманываю, это правда. Вы все поняли?

— Да. Можете выключить, — Вергано на экране схватил трубку телефона. — Общее предупре-

ждение. Всем выходам компьютеров! Введены ошибочные данные. Они воздействуют на Исполнительный Один и Исполнительный Два, на них должно быть наложено недоверие до специального сообщения. Все нормально, мистер Грего, будем исправлять. Вы хотите сказать, что в вашей конторе находится Пушистик?

— Да, он был здесь целый день. Но я не думаю, — добавил он, — что он останется здесь и дальше.

Одна из девушек выглянула из оперативного центра.

— Мы нигде не можем его найти, мистер Грего! — она почти плакала. — Это все из-за меня, я недосмотрела!

— Черт с вами, найдите его. Если кто и виноват, так это я, потому что я принес его сюда.

Это была ошибка, которую нужно исправить немедленно. Он увидел Мирру, трясущуюся в дверях.

— Свяжитесь с Эрнстом Мейлином. Пусть приходит и забирает этого проклятого Пушистика хоть в преисподнюю.

Спорить об аспектах закона уже поздно. Если Мейлин хочет изучать Пушистика, пусть забирает его. Мирра что-то пробормотала о том, что лучше поздно, чем никогда, и убралась в свою

контору. Дверь, ведущая в холл, осторожно открылась, и вошли три механика из ангара аэрокаров и два полицейских: кто-то додумался вызвать подкрепление. У одного механика на руке висело шерстяное одеяло, что было довольно остроумно. Девушки обыскивали огромное помещение и смотрели за дверями. Дверь в холл снова открылась, и вошли нагруженные инструментами Джо Вергано и его техник.

— Что-нибудь делали с пультом управления? — спросил он.

— Нет, черт побери! Мы не хотим, чтобы стало хуже чем есть. Смотрите, если вы можете разобраться в случившемся.

— Двое моих людей пошли взглянуть на компьютеры. Лемми, посмотри этот экран, — пройдя мимо техника, Джо вышел из помещения. Мгновением позже техник высказал что-то непристойное и богохульное.

Грего вернулся в оперативный центр. Через открытую дверь было слышно, как Мирра с кем-то разговаривает.

— Приходите и забирайте его сейчас же. Нет, мы не знаем, где он… А-а-а! Уйди отсюда, маленький монстр! Мистер Грего, он здесь!

— Поймайте его и передайте мне, — приказал

Грего. — Помогите ей, — сказал он одному из полицейских. — Но не повредите Пушистику, а только поймайте его.

Затем он повернулся и, пробежав через вычислительный центр, где чуть не столкнулся с помощником Вергано, ворвался в свой кабинет. Не успел он обогнуть стол, как из приемной Мирры выскочил Пушистик. Шерстяное одеяло механика аэрокара, парусом пронесшееся вслед за Пушистиком, не достигло цели. Мирра, полицейский и механик следовали за ним. Механик запутался ногами в одеяле и грохнулся на пол, полицейский перелетел через него, а Мирра — через полицейского. Полицейский выругался. Мирра пронзительно завизжала, а механик, дергающийся под ними, почти задохнулся. Пушистик, увидев Грего, взобрался на стол и прыгнул к нему на грудь, обхватив его шею руками. Одна из девушек вышла из приемной Мирры и, обойдя свалку перед дверью, крикнула:

— Идите сюда! Мистер Грего поймал его!

Поднявшийся на ноги полицейский сказал:

— Давайте его сюда, мистер Грего, — и потянулся за Пушистиком. Пушистик громко уикнул и прижался к Виктору.

— Нет, я сам подержу его. Он не боится ме-

ня, — все еще держа Пушистика, он сел в свое кресло и стал гладить его. — Все хорошо, малыш. Никто не обидит тебя. Мы заберем тебя отсюда в хорошее место, где будут хорошие люди и всякие развлечения…

Слова ничего не значили для Пушистика, но голос и поглаживающая рука Грего приносили утешение, спокойствие. Издавая тихие счастливые звуки, Пушистик тесно прижался к Виктору. Сейчас он был в безопасности.

— Мистер Грего, что вы будете с ним делать? — спросил полицейский.

Грего еще крепче прижал Пушистика к себе.

— Ничего. Посмотрите, он доверяет мне. Он думает, что я никому не дам его в обиду. Ну, я и не дам. Я никогда не обижал тех, кто доверялся мне, и будь я проклят, если сделаю это сейчас.

— Вы хотите сказать, что оставите его? — спросила Мирра. — После всего, что он натворил?

— Мирра, он не хотел делать ничего плохого. Он только хотел сделать прекрасную вещь из огоньков. Держу пари, это так же великолепно, как любое другое их произведение. Я уверен, он не стал бы делать этого, если бы знал, что принесет нам неприятности.

— Доктор Мейлин сказал, что выходит немед-

ленно. Он будет разочарован.

— Значит, будет разочарован. Да, свяжитесь, пожалуйста, с управляющим строительством и передайте ему, что на верхней террасе я хочу устроить сад для Пушистика. Пусть он сразу же поднимется ко мне, я хочу, чтобы работу начали немедленно. А доктору Мейлину передайте, что изучать Пушистика он может и здесь.

Пушистик больше не пугался. Папочка Вик заботился о нем. А все другие Большие существа слушались папочку Вика. Теперь они не могут обидеть его и снова за ним гоняться.

— И вызовите Тригарскиса из Электронного снабжения. Скажите ему, чтобы он отправил мне слуховые аппараты, которые я заказывал. И мне необходимо, чтобы кто-нибудь присматривал за малышом. Сандра, вы не будете возражать, если я поручу это вам? Нет? Тогда назначаю вас Главной сестрой Пушистиков. Начинайте немедленно: с этого утра вам идет десять процентов надбавки.

Сандра была счастлива.

— Мне это нравится, мистер Грего. Как его зовут?

— Зовут? Я еще не придумал ему имени. У кого-нибудь есть предложения?

— У меня несколько, — грубо сказала Мирра.

— Назовите его Бриллиантом, — предложил Джо Вергано, стоя в дверном проеме вычислительного центра.

— Потому что он такой маленький и милый? Мне не нравится, но не будем осторожничать. Назовем его Солнечный камень.

— Нет. Я предложил назвать его Бриллиантом в честь маленькой собачки, которая принадлежала сэру Исааку Ньютону, — сказал Вергано. — Сэр Исаак закончил свою рукопись и подготовил ее к отправке издателю. Вся она была написана пером и, конечно, не была скопирована. Бриллиант стащил эту рукопись на пол и разорвал на клочки, отправила коту под хвост трехмесячную работу своего хозяина. Когда Ньютон увидел это, он посадил собачку на колени и сказал: «Ох, Бриллиант, Бриллиант! Ты даже не знаешь, какое сделал зло!»

— Это хорошая история, Джо. Это то, что я хотел бы напомнить себе и сейчас, и потом. Держу пари, что ты будешь более рассудителен, Бриллиант. Или нет?

7

Джек Хеллоуэй откинулся в кресле, положив одну ногу на угол стола, а другую — на полуоткрытый выдвижной ящик. Работать в конторе было действительно приятно, тем более, что теперь его жилище использовалось исключительно для жилья. Широкие двери сборного домика были открыты, и из них тянул легкий ветерок, который давал прохладу и уносил дым от его трубки. Большинство новых построек было уже воздвигнуто, поэтому снаружи не доносилось такого шума, как прежде. Он слышал только отдаленные хлопки. Это учились стрелять полторы дюжины рекрутов МЗСЗ — Местных защитных сил Заратуштры.

В сотне ярдов от него сержант Юримитси смотрел по видеоэкрану передачу, которая велась с двух аэрокаров, ушедших на патрулирование, а лейтенант Ахмед Кхадра и сержант Напьер брали отпечатки пальцев у двух Пушистиков, которые пришли час назад. Маленький Пушистик, опершись на свой рубило-копатель, со скукой наблюдал за этой процедурой. Снятие отпечатков пальцев больше не интересовало его. В середине

комнаты стояло несколько не занятых столов, а у стен — не работающие механизмы. Иногда они работали, и тогда Джек выходил к туземцам и делал то, что положено Комиссионеру.

К настоящему времени проблема резервации Пушистиков была решена. Бек Рейнсфорд закрыл весь район от Маленькой Черной воды и Восточной Змеиной развилки. Вся эта местность принадлежала Пушистикам и никому больше. Теперь оставалось только убедить Пушистиков оставаться там. Герд, Рут, Панчо Убарра и молодая девушка Эндрюс теперь жили здесь. Возможно, им что-нибудь удастся узнать.

Дважды ударил штамп, поставив номера на дисках для вновь прибывших. Кхадра взял диски и, присев на корточки, надел их Пушистикам.

— Сколько их стало, Ахмед? — спросил Джек.

— Эти — пятьдесят восьмой и пятьдесят девятый, — ответил Кхадра. — Вычтите трех: двух Рейнсфорда и Златовласку.

Бедная маленькая Златовласка! Как бы она обрадовалась, получив диск. Перед тем, как ее убили, она была так счастлива, когда Рут подарила ей маленький очаровательный колокольчик. Пятьдесят шесть Пушистиков — получается, что здесь целое поселение.

Звякнул вызов экрана связи. Джек щелкнул выключателем на краю стола и, опустив ноги на пол, повернулся. Это был Бен Рейнсфорд, и он был очень сердит на что-то. Его рыжие бакенбарды щетинились, словно в электрическом поле, а голубые глаза метали искры.

— Джек, — негодующе начал он. — Я только что узнал, что Виктор Грего держит Пушистика в доме Компании. Кроме того, он имел наглость обратиться через Лесли Кумбеса к судье Пэндервису, чтобы тот разрешил ему стать опекуном Пушистика.

Это слегка удивило Джека. Судя по всему, Грего не принадлежал к числу друзей Маленького Пушистика.

— Вы знаете, где Грего взял его?

Рейнсфорд в гневе глотнул воздух и сказал:

— Он утверждает, что позапрошлой ночью, поднявшись на крышу дома Компании, обнаружил Пушистика в своих апартаментах. Богом проклятое утверждение! Он думает, что мы достаточно слабоумны, чтобы поверить в это!

— Да, это странное место для нахождения Пушистика, — допустил Джек. — Вы полагаете, это один из Пушистиков, оставленных Мейлину перед судом для изучения? Рут говорила, что их

было только четыре, и все они были освобождены в ночь дела Ларкина.

— Я не знаю. Я знаю только то, что рассказал мне Гус Бранхард: секретарша Пэндервиса рассказала ему, что Пэндервис рассказал ей, и что Кумбес рассказал Пэндервису, — это звучало, как хорошая карусель, но Джек считал, что идя этим путем, главный правитель чего-то достиг. — Гус сказал, будто Кумбес, предъявляя иск Грего, заявил, что он не знает, откуда пришел Пушистик и как попал в дом Компании. Это величайшая ложь.

— Вероятно, это правда. К тому же Виктор Грего не станет обманывать своего адвоката, а Кумбес не будет врать шефу юстиции. Судьи забавляются этим. Они хотят, чтобы заявления подтверждались детектором лжи, а после того, что случилось с Мейлином в суде, никто из этой компании не рискнет и пытаться обмануть детектор.

Рейнсфорд презрительно фыркнул. Грего обманывает. Если детектор лжи за него, значит, детектор такой же большой лгун, как и он.

— Ладно, мне наплевать, как он получил Пушистика. Меня интересует, что он собирается с ним делать, — сказал Рейнсфорд. — И Эрнст Мейлин. Кумбес сказал Пэндервису, что Мейлин

будет помогать Грего следить за Пушистиком. Следить за ним! Они, вероятно, мучают беднягу, Грего и этот крякающий садист со сморщенной головой. Джек, вы должны забрать этого Пушистика у Грего!

— О, я сомневаюсь в этом. Грего не станет плохо обращаться с Пушистиками, а если это так, то он не сможет собрать бумаги на оформление опекунства и сделаться законным опекуном. Что же мне делать дальше?

— Ладно, пусть Гус получит ордер. В конце концов, вы специальный уполномоченный по местным делам, и защищать Пушистиков — ваша работа.

Джек не думал, что Пушистик нуждается в защите. Он знал, что Грего заботится о нем и ему можно позволить сохранить Пушистика. Он кивнул.

— Правильно. Сейчас я вылетаю в Мэллори-Порт. Если я воспользуюсь ботом Герда, то, с учетом трехчасовой разницы, я появлюсь в доме Правления в пятнадцать тридцать по вашему времени. Я захвачу с собой Панчо или Рут, а вы, Бен, встретите нас. Я хочу позаимствовать ваших Флору и Фауну.

— Зачем?

— В качестве переводчиков. Надо допросить Пушистика Грего. Я не хочу брать кого-нибудь из своих, потому что им не рекомендуется покидать резервацию. И скажите Гусу, чтобы он взял все бумаги, нужные для расправы с домом Компании. Вот, пожалуй, и все. Мы устроим им полную проверку.

Он отключил экран, записал что-то в блокноте и, оторвав листок, огляделся вокруг. Ко-Ко, Золушка, Мамочка и пара Пушистиков полицейских сидели возле его стола и работали над составными картинками.

— Ко-Ко! — позвал он. — Ду биззо. — Когда Ко-Ко поднялся на ноги и подошел, Джек отдал ему записку. — Отдай дядюшке Панко, — сказал он. — Беги быстрее.

На экране связи Виктора Грего был Лесли Кумбес. Адвокат говорил:

— Шеф юстиции не враждебен к нам, я бы сказал, что он благодушен. Думаю, он не хочет никаких прецедентов, которые позднее могут смутить Комиссию по местным делам. Хотя его очень интересовало, как этот Пушистик попал к вам, в дом Компании.

— Расскажите ему все, что знаете.

— Люди Стифера нашли еще что-нибудь?

— Нет, только то, о чем он докладывал. Я поговорю с ним. Кажется, он закручивает слишком тонко.

— Если мы найдем объяснение, это может помочь нам. Вы согласитесь рассказать то, что знаете, под детектором лжи?

— С разумной осторожностью, если меня не будут спрашивать относительно коммерческих дел.

— Естественно. А как Мейлин и Джименз?

— И они согласятся. — Вы думаете, это неизбежно?

— Я думаю, что это разумно. Рейнсфорд будет против нашей просьбы. Возможно, и Хеллоуэй. Вы узнали что-нибудь у Пушистика?

— Мы с Мейлиным пытались сделать это вчера вечером. Я не знаю языка, а у него есть только несколько лент, которые он получил на суде от лейтенанта Убарры. Мы получили слуховые аппараты, но вот этот чертов язык… Он больше похож на земной старо-японский, чем на что-нибудь еще. Пушистик пытался рассказать нам что-то, но мы ничего не поняли. У нас все записано. А еще мы показали ему видео-звуковые портреты тех двух людей, который помогали Джимензу. Он узнал их обоих. Сомневаюсь, чтобы они ему очень

понравились. Мы наблюдали за ним. Такая же реакция была у него, когда ему показали копию разведывательного кара Компании, который исчез вместе с этими людьми.

— Кража транспортных средств — это уголовное преступление. Надо поймать их и допросить, — напомнил Кумбес. — Ладно, увидимся за коктейлем?

— Да, но лучше вызывайте меня каждые полчаса. Если Рейнсфорд сделает какую-нибудь гадость, вы можете понадобиться и раньше.

После этого он вызвал шефа Стифера. Стифер приветствовал его.

— Мистер Грего, мое лицо не слишком красно?

— Не так уж и заметно. А оно должно быть красным?

Стифер выругался.

— Мистер Грего, мне нужна санкция на то, чтобы дюйм за дюймом обыскать все это здание.

— Боже мой, Гарри! — он прикинул, сколько миллионов дюймов получается. — Вы нашли что-нибудь?

— Это не касается Пушистиков, но… Вы и представить себе не можете, что творится на незадействованных уровнях. Мы нашли место, где люди жили неделями. Мы нашли место, где

попойка, вероятно, не прекращалась в течение месяца. Там кабина лифта была забита пустыми бутылками. А еще мы обнаружили притон.

— Да? На что это похоже?

— Ни на что. Множество матрацев, разбросанных вокруг, а пол покрыт окурками — в основном с марихуаной или с противозачаточным табаком. Не думаю, чтобы это были наши люди. Кажется, в Мэллори-Порте нет ни одного человека, который не побывал бы здесь со своей подругой. Во всех этих местах мы оставили людей, но их, конечно, не хватает, — его лицо ожесточилось. — Работа идет слишком вяло, и это меня бесит.

— Гарри, мы все работаем вяло, — Грего подумал о неприятностях, происходивших в его кладовой; это было симптоматично. — Знаете, мы должны быть благодарны Пушистику, раз то, что случилось, заставило нас действовать. Ладно, пойдем дальше. Не столь важно, как Пушистик попал сюда, важно очистить дом вообще, пока вы занимаетесь этим делом. Вы еще увидите, каким он будет чистым и прибранным.

Затем он вызвал кабинет Юана Джименза в Научном центре. Со вчерашнего дня Джименз несколько переменился. На нем был новый, более строгий костюм. Его широкое лицо стало

еще шире, подчеркивая скорее деловитость, чем дешевый эффект.

— Доброе утро, Виктор, — он немного споткнулся, называя Грею просто по имени. Это было прерогативой главы отдела, но он к этому еще не привык.

— Доброе утро, Юан. Я знаю, вы не забили, что мы завтракаем вместе, но постарайтесь прийти немного пораньше. Есть пара вещей, которые нужно обсудить. Вы сможете прийти раньше минут на двадцать?

— Да. Если хотите, могу прийти и раньше.

— Приходите, если сможете. Пройдите через запасной выход.

Затем Грего сделал еще один вызов. Это был внешний вызов, и поэтому, чтобы побыстрее набрать код, ему пришлось заглянуть в таблицу. Когда экран посветлел, на нем появилось тонкое лицо пожилого человека с седыми волосами. На этом человеке была серая рабочая куртка, из наружного кармана которой торчали инструменты. Это был Гарри Стенсон, и он был таким же специалистом по приборам, каким мастером-ювелиром был Бенвенуто Челлини.

— Мистер Грего! — сказал он, приятно удивленный. — Давненько вас не было слышно!

— С тех пор, как приспособление, которое вы вмонтировали в мой глобус, прекратило трансляцию. Между прочим, отставание глобуса составляет около тридцати секунд, а луны просто невозможно синхронизировать. Мы останавливали его, чтобы вынуть микрофончик, но ни у кого из моих людей нет такого прекрасного чутья, как у вас.

Стенсон слегка поморщился.

— Полагаю, вы догадываетесь, для кого я это сделал?

— Ну, или для Военной разведки, на которую работала наша служащая Рут Ортерис, или для Колониальной службы бюро расследования — это неважно. Кто бы это ни был, они останутся довольны. Знаете, я мог бы устроить пакость: установка радиопередающих микрофонов в конторах людей является уголовным преступлением. Но я не хочу поднимать шум. Войдите в мое положение.

— Да, конечно, мистер Грего. Знаете, — добавил он, — я думал, это не поддается обнаружению.

— Инструментами — да. Мои люди испугались, когда увидели на нем рефлекторы. Вы уже запатентовали их? Если да, то нам придется заплатить вам, потому что мы скопировали их. Но

информации вы не получили. Как только стало известно, что все сказанное в моем кабинете немедленно становится известным на Базе Ксеркса, мы практически перестали вести там деловые разговоры.

Стенсон степенно кивнул.

— Вы вызвали меня, чтобы рассказать, как ловко вы провели меня? Я узнал об этом, как только радио вышло из строя.

— Нет. Я хотел, чтобы вы побыстрее синхронизировали мой глобус. И еще одно. Вы помогали людям с Ксеркса проектировать ультразвуковые слуховые аппараты? Могли бы вы, мистер Стенсон, подойти к этой проблеме с другой стороны? Я имею в виду проектирование автономного ручного мегафона, достаточно небольшого, чтобы его мог носить Пушистик и чтобы он преобразовывал голос Пушистика в слышимую частоту?

Стенсон на некоторое время задумался.

— Да, конечно, мистер Грего. Это должно быть несложно. Может возникнуть проблема, как научить Пушистика пользоваться им, но это меня не касается.

— Ладно, постарайтесь сделать экспериментальную модель, и как можно быстрее. У меня есть Пушистик, чтобы опробовать ее. Если что-то

нужное для ее изготовления уже запатентовано, получите лицензию. Свяжитесь с Лесли Кумбесом. Сделка может быть выгодной для нас обоих.

— Вы думаете, что на них будет спрос? — спросил Стенсон. — Как вы думаете, сколько сможет заплатить Пушистик за штуку?

— Я думаю, комиссия по местным делам может заплатить по десять-пятнадцать солей за каждый аппарат. Я уверен, что наш завод электроники сможет выпускать их, а мы — выгодно продавать.

Кто-то вошел в кабинет. В одном из зеркал Грего увидел Юана Джименза, остановившегося так, чтобы не попасть в поле охвата экрана. Виктор кивнул ему и, переменив тему разговора, договорился со Стенсоном, чтобы он пришел на следующее утро посмотреть на глобус. Закончив разговор и отключив экран, он показал Джименсу на стул по другую сторону стола.

— Что вы успели услышать? — спросил он.

— Я слышал, что этот старый седовласый Иуда Искариот придет завтра исправлять испорченный глобус.

— Генри Стенсон не Иуда Искариот, Юан. Он секретный агент федерации Земли, и Федерацию можно поздравить, видя его верность и способ-

ности. Теперь я знаю, кто он такой, и он знает, что мне это известно. Мы можем сделать бизнес, основанный на взаимном уважении и недоверии. Он будет работать над приспособлением, благодаря которому Пушистики смогут говорить на слышимой нами частоте. Теперь вернемся к нашему Пушистику, — продолжил он. — Мы уверены, что сюда, в Мэллори-Порт, его доставили двое ваших помощников: Керкед и Новайс. Когда вы возвращались вместе, его с вами не было?

— Не было, это абсолютно точно, мистер Грего.

— Вы можете подтвердить это под детектором лжи?

Джимензу не хотелось этого, это было очевидно. Но он хотел работать в Компании, тем более теперь, когда он был назначен главой научных исследований и изучения. Он был так близок к вершине иерархии дома Компании, и ему очень хотелось остаться здесь.

— Да, конечно. Надеюсь все-таки, что моего голоса, вернее, моет слова, будет достаточно…

— Этого мало. Я сам буду рассказывать все, что знаю об этом, под детектором лжи. Эрнст Мейлин тоже. Есть несколько вопросов, которые надо подтвердить под детектором лжи в ближайшие дни. А теперь я познакомлю вас с Пушистиком.

Посмотрим, может, вы узнаете его или он вас.

Они прошли к персональному лифту Грего и поднялись в особняк. В жилой комнате Сандра Глинн развалилась в его любимом кресле и что-то слушала через головные наушники. Не заметив их, она выключила проигрыватель и закрыла глаза.

— Со-джоссо аки (вы дали мне), — сказала она. — Аки джоссо-со (я дала вам). Со-нохо-аки-докко (вы говорите мне)…

Они оставили ее и на цыпочках вышли на террасу. Эрнст Мейлин сидел на низеньком пеньке. Его слуховой аппарат был выключен. Бриллиант сидел перед ним на корточках и пытался завязать узел на длинной веревке. Между ними стоял видеомагнитофон. Заметив вошедших, Бриллиант вскочил на ноги и побежал им навстречу, крича «Паппи Вик! Хиита!» и протягивая веревку, чтобы показать, как он научился завязывать узлы.

— Привет, Бриллиант. Прекрасные узлы. Ты умный Пушистик. Что вы скажете, Эрнст?

Мейлин начал что-то прерывисто говорить. Не слушая его, Виктор погладил Пушистика по голове.

— Как мне спросить его, видел ли он пришедшее со мной Большое существо когда-нибудь

раньше?

Мейлин впадал этот вопрос сам. Бриллиант что-то ответил. Пару раз Грею уловил слова «вов». Это было отрицание.

— Он говорит, что не знает вас, Юан. Я уверен, Керкед и Новайс вернулись с вами в Мэллори-Порт перед судом, а затем, вероятно, в аэрокаре, который украли у нас, вернулись назад и подобрали этого Пушистика. Зачем? Мы не узнаем этого до тех пор, пока не поймаем и не допросим этих людей.

Грего повернулся к Мейлину:

— Узнали вы от него что-нибудь?

Мейлин покачал головой.

— Я подобрал значения нескольких новых слов, но еще не до конца в них уверен. Он говорит, что два Хагга — существа, которых мы показывали ему в фильмах — привезли его сюда. Кажется, с ним были другие Пушистики, но я в этом не уверен. По-моему, в его языке нет никаких выражений множественного числа. Он говорит, что они были «стошки-гашта», плохие люди. Они поместили его в плохое место.

— Мы их самих поместим в плохое место. Исправительное место. Не думаю, чтобы вы смогли выяснить, когда это случилось. Полагаю, во время

суда или сразу после суда.

На террасу вышла Сандра Глинн.

— Мистер Грего, на экране мисс Фаллада. Она говорит, что внизу собрались представители всех служб. Они узнали о Бриллианте и хотят записать рассказ о нем и сделать фотографии.

— Только этого нам не хватало! Ладно, скажите, пусть с ними придет полицейский. Боюсь, Юан, наш ленч придется отложить на некоторое время.

8

Выйдя из лифта, Джек Хеллоуэй шагнул в сторону, освобождая дорогу следующим за ним людям, и остановился, увидев трех человек, ожидающих его в фойе апартаментов Виктора Грего. С двумя он уже встречался: с Эрнстом Мейлином в собственном лагере при трагических обстоятельствах во время убийства Златовласки, а с Лесли Кумбесом — при подаче жалобы Джорджу Ланту на Бета-Пятнадцать и затем в суде. Правда, холодная вежливость на суде оттаяла, превратившись в подобие обоюдной сердечности. Если не считать видеоэкрана, он никогда не видел раньше Виктора Грего. Генералы двух противников редко встречаются во время сражений. Его поразило, что Виктор Грего с первого же раза понравился ему. Он вспомнил, что Грего хотел объявить Пушистиков пушными животными и истребить всю их расу. Но Грего тогда совсем не знал Пушистиков. Это был незатейливый жестокий план, подсказанный ему инстинктом самосохранения.

Две группы замерли друг перед другом, словно ожидая, кто первым обнажит оружие; Мейлин

и Кумбес по бокам Грего, а Гус Бранхард, Панчо Убарра и Ахмед Кхадра с Флорой и Фауной позади него, Джека. Затем Грего шагнул вперед и протянул руку.

— Мистер Хеллоуэй? Счастлив встретить вас, — они пожали друг другу руки. — Вы уже знаете мистера Кумбеса и доктора Мейлина. Конечно, было бы лучше, если бы вы предупредили нас о своем прибытии.

Бен Рейнсфорд так не думал. Он хотел внезапно обрушиться на дом Компании и попытаться уличить Грего в любой подлости, которую тот сделал бы. Бранхард и Кумбес тоже пожали друг другу руки. Убарра и Мейлин сделали то же самое. Джек представил Ахмеда Кхадру.

— А этих людей зовут Флора и Фауна, — добавил он. — Я взял их, чтобы познакомить с Бриллиантом.

Грего наклонился к ним и сказал:

— Привет, Флора, привет Фауна. Аки-газза. Хита-со.

Произношение было неплохим, но он медленно подбирал слова. Пушистики вежливо ответили. Грего начал было говорить, что Бриллиант находится на террасе, но увидел Пушистика, выглядывающего из-за двери гостиной, и улыб-

нулся. Мгновением позже Бриллиант заметил Флору и Фауну и бросился вперед, а те, возбужденно щебеча, побежали ему навстречу. Вслед за Бриллиантом вышла высокая рыжеволосая девушка. Грего представил ее как Сандру Глинн. За ней появился Юан Джименз; теперь собрались все.

— Пойдем в гостиную или выйдем на террасу? — спросил Грего. — Я советую террасу, гостиная будет тесновата для трех только что познакомившихся Пушистиков. Иногда она кажется тесной и с одним Пушистиком.

Они прошли через гостиную. Тишина и со вкусом расставленная мебель создавали уют, но установленные здесь видеомагнитофоны, проигрыватель, информационный экран и экран связи больше подходили конторе, чем жилой комнате. И еще одна деталь, находящаяся в гостиной, вызывала удивление: кресло, похожее на старомодный электрический стул. Возле него стояла стойка, на которой висел металлический шлем, а сверху был прикреплен большой полупрозрачный шар. Полиэнцефалографический детектор лжи; Грего знал, что ему придется доказывать свою правоту. Ничего не трогая, они вышли на террасу.

Очевидно, это был личный сад Грего. Теперь он в большей степени принадлежал Пушистику. Вероятно, совсем недавно здесь кто-то основательно потрудился. Тут был воздвигнут целый игровой комплекс: качели, горка, лесенка, турник и тому подобное. Был установлен маленький, по росту Пушистика, питьевой фонтанчик и сделан бассейн. Грего, казалось, предусмотрел все, что могло понравится Пушистику.

Бриллиант повел Флору и Фауну к горке, взобрался наверх и скатился вниз. Флора и Фауна сделали то же самое, а затем вновь полезли вверх, чтобы скатиться еще раз. Надо бы построить нечто подобное и у себя в лагере, подумал Джек. Держу пари, что Флора и Фауна, едва попав домой, пристанут к папочке Бену, чтобы он сделал им такой же комплекс.

Ахмед Кхадра и Панчо Убарра остались на террасе с Пушистиками. Джек, Гус, Грего, Мейлин и Кумбес вернулись назад. Некоторое время они болтали о Пушистиках вообще и о Бриллианте в частности. Одно было очевидно: Грего любил Пушистиков и был предан своему Бриллианту.

— Я полагаю, вы хотите услышать о том, как он здесь очутился? Если вы не возражаете, то, чтобы не осталось никаких сомнений, я предпочел бы

говорить об этом перед детектором лжи. Мистер Бранхард, вы сначала проверьте машину?

— Это неплохая мысль. Джек, может, вы опробуете ее?

— Если спрашивать будете вы.

Детектор лжи действовал, улавливая и регистрируя характерные колебания электромагнитных волн головного мозга, вовлеченных в подавление правдивой мысли и замену ее на заведомо ложную. Явный обман изменяет голубое свечение на красное, и даже самый способный йог не сможет так контролировать свои мысли, чтобы предотвратить это. Джек уселся в кресло, а Бранхард прикрепил электроды и надел ему на голову шлем.

— Как вас зовут?

Джек ответил. Гус кивнул и спросил его о местожительстве.

— Сколько вам лет?

Джек прибавил десять лет. Детектор уловил это; Гус знал, сколько ему лет на самом деле.

— Семьдесят четыре, я родился в 580 году. Просто я не учел дифференциальное время и гиперпространственные прыжки.

— Это правда, — сказал Гус. — Не думаю, чтобы вам было больше шестидесяти.

Затем он спросил о планетах, на которых тот побывал. Джек перечислил их, включая одну, на которой он никогда не был. Детектор уловил и это. Завершая испытание, он в темно-красной вспышке *лживости* сказал, что является трезвенником, пацифистом и незаконнорожденным сыном епископа-сатаниста. Бранхард был удовлетворен; детектор *лжи* работал. Он отвязал Джека, и его место занял Грего.

Шар остался голубым в течение всего рассказа Грего о том, как он обнаружил Пушистика в спальне; пока они летели сюда с континента Бета, этот рассказ передавали в последних известиях. Затем Грего уступил место Мейлину, а Мейлин — Джимензу. Они не привозили этот Пушистика в Мэллори-Порт, и детектор подтвердил это. Они были уверены, что Бриллиант признал в Керкеде и Новайсе людей, которые привезли его, а возможно, и других Пушистиков.

— Как вы думаете, — спросил Кумбес, когда они расселись в креслах, — они привезли этих Пушистиков, чтобы продать как забаву?

— Не вижу других оснований, я предполагал нечто подобное. Но все-таки почему они принесли его в дом Компании? Я не вижу в этом здравого смысла.

— Я тоже, — Грего был раздражен. Его раздражение возникло внезапно, он резко заговорил о том, что происходит на не занятых уровнях дома Компании. — Шеф Стифер вышел на тропу войны. Мы разыскиваем Керкеда и Новайса за угон…

— Оставьте это, — посоветовал Бранхард. — Они понесут большее наказание за то, в чем обвиню их я.

Вошел Кхадра. Он снял берет, но оставил оружие.

— Их было шестеро, — сказал он. — Бриллиант и пять других. Керкед и Новайс — он уверенно опознал их — доставили его и других в это здание и пару дней держали в темной комнате. Затем остальных Пушистиков забрали. Пока «тошки-хагга» были в автокаре, Бриллиант сделал пролом и убежал. Он не знает, сколько это продолжалось, но он говорит, что спал три раза. Он находил пищу и воду, а затем его нашел паппи Вик и дал прекрасную пищу. Он не знает, что случилось с его друзьями, но он надеется, что они тоже убежали.

— Их здесь нет, — сказал Грего. — Вы будете искать их?

— Конечно.

— А если с ними что-то случилось, мы будем

искать Керкеда и Новайса до тех пор, пока они не умрут от старости, если, конечно, мы не поймаем их раньше, — добавил Бранхард.

— Ахмед, Бриллианту нравится здесь?

— О, да. Он самый счастливый Пушистик из тех, что я когда-либо видел, а я ни разу не встречал Пушистика-меланхолика. У вас хороший, энергичный Пушистик, мистер Грего.

— Он таким и останется, если мне разрешат оставить его, — сказал Грего.

— Я не буду возражать, — ответил ему Кхадра.

— Конечно, он останется у вас, мистер Грего. Вы любите Пушистика, а он — вас. Он счастлив здесь, это все, что меня интересовало.

— Но, мистер Хеллоуэй, правитель Рейнсфорд не пришел посмотреть на Пушистика.

— Правитель Рейнсфорд не комиссионер по местным делам, не федеральный суд. Судья Пэндервис неделю назад говорил мне, что суд в вопросах о Пушистиках будет придерживаться мнения Комиссии.

— Генеральный Прокурор тоже имеет некоторое влияние на суд, — сказал Бранхард. — Генеральный прокурор будет ходатайствовать об удовлетворении вашей просьбы. — Он поднялся на ноги. — Ну, все вопросы исчерпаны? Тогда

пойдемте, посмотрим, что делают Пушистики.

9

Гус Бранхард долил бренди в чашку с кофе, пригладил бороду и попробовал. Хорошо, подумал он, но у костра на континенте Бета этот напиток был бы вкуснее. После сухого доклада, во время которого томились в ожидании неприлично полные стаканы коктейля, они отложили дела и за обедом говорили обо всем.

— Ну, я могу выдвинуть обвинение в преступных действиях, и я это сделаю, — заверил Гус тех, кто пил кофе в гостиной дома правления. — Насильственный захват и принудительная ссылка. Если это не похищение, тогда что же это?

— Гус, попробуйте лучше обвинить их в порабощении, — сказал Джек Хеллоуэй. — Если вы сделаете это, мы сможем расстрелять эту парочку, а казнь покажем по телеканалам. Нам необходим действительно запоминающийся пример.

— Ну, я пока расскажу историю Бриллианта, — сказал Панчо Убарра. — Он и пять других Пушистиков спускались по течению маленькой речушки, а затем, пройдя водопад, свернули к месту, где были два хагга — существа, которых он

узнал в видеозаписи. Хагга дали им Рацион-три и что-то из бутылки. Проснулись они в одной из многочисленных комнат дома Компании. Все они были с похмелья. Бриллиант убежал, но плохие Большие существа увезли остальных.

— Так, теперь мы должны искать пятерых Пушистиков, — сказал Хеллоуэй. Это будет вашей задачей, Ахмед. Вы останетесь здесь, в Мэллори-Порте. Мы присваиваем вам звание капитана и даем должность шефа детективов, это уравняет вас со здешними руководителями. Если Пушистиков поймали для продажи, то это дело Федерации.

— Вероятно, их поймали для экспериментов Мейлина, — сказал Бен Рейнсфорд.

Джек выругался.

— Бен, вы просто не обратили внимания на то, что все эти материалы были подтверждены показаниями детектора лжи. Они не ловили никаких Пушистиков, кроме четверки Герда и Рут.

— Губернатор, мистер Грего сотрудничает с нами, — официально объявил Ахмед Кхадра. — Вся полиция Компании работает на это дело. Шеф Стифер будет обо всем докладывать нам, а доктор Джименз завтра вылетает на континент Бета, чтобы показать нашим людям, где был его

лагерь. По описанию Пушистиков мы решили, что Керкед и Новайс вернулись именно туда.

— Ладно! Что вы собираетесь делать с Пушистиком из дома Компании? — спросил Бон Джека, проигнорировав слова Кхадры. — Вы оставите его у Грего или нет?

— Конечно, оставим. Бриллиант счастлив, а Грего заботится о нем. Я буду рекомендовать судье Пэндервису назначить Грего опекуном Пушистика.

— Этого нельзя делать! После всего, что сделал Грего… Нет! — настаивал Рейнсфорд. — Он хотел переловить всех Пушистиков из-за их меха. Он увез ваших собственных Пушистиков. Он приказал Джименсу поймать других и велел Мейлину мучить их. Спроси об этом у Рут. А потом затеял историю с дочкой Ларкина и выбросил их на растерзание толпы. Посмотрите, как он пытался убедить всех, что вы научили Пушистиков нескольким трюкам и на этом сфабриковали утверждение, что они разумные существа…

Наконец-то Бен высказал причину своей ненависти. Грего пытался обвинить его в намеренной научной фальсификации. Естествоиспытатель мог бы простить, но это было подобно обвинению полководца в измене или врача в преступной

небрежности.

— Мое профессиональное мнение таково, — сказал Панчо Убарра, — что Грего и Бриллиант привязались друг к другу, и будет несправедливо разлучать их. К тому же это может нанести вред психике Пушистика. Я так и скажу судье Пэндервису.

— Это будет нашей официальной тактикой, — сказал Хеллоуэй. — Если мы увидим, что люди и Пушистики счастливы вместе, мы не станем разлучать их.

Рейнсфорд стал раздраженно набивать трубку.

— Вы забыли, что правитель здесь я. Я делаю политику. Я приказываю вам…

Кончики белых усов Джека дернулись, глаза сузились. Он стал похож на старого разъяренного тигра.

— Это правда, — сказал он. — Вы приказываете представителю Комиссии по местным делам. Если вам не нравится, как я выполняю свою обязанности, то найдите себе другого комиссионера.

— И нового генерального прокурора тоже. Я во всем согласен с Джоном.

— Так вы все против меня? Вы хотите работать с непривилегированной Компанией Заратуштры? — трубка Рейнсфорда с грохотом упала на

стол.

После такого треска кое-кто мог бы через секунданта потребовать удовлетворения. Гус и сам мог бы бросить вызов любому, но не Бену Рейнсфорду. Он повернулся к Панчо Убарре.

— Доктор, что вы как психолог можете сказать об этом взрыве? — спросил он.

— Я не имею права высказывать свое профессиональное мнение, — ответил психолог Вооруженных Сил. — Правитель Рейнсфорд не является моим пациентом.

— Вы хотите сказать, что я могу быть чьим-то пациентом? — спросил Рейнсфорд.

— Ну, раз вы спросили об этом, я могу ответить. Вы не псих, но по отношению к Виктору Грего вы не проявляете должного здравомыслия.

— Вы думаете, мы позволим ему делать все, что он захочет? Вы хотите сделать планету такой, какой она была перед решением Пэндервиса?

— Бен, он не делал ничего плохого, — сказал Гус. — Я начинаю думать, что он сделал эту работу лучше, чем ее сделали бы вы. Пора прекратить играть и начать работать по-настоящему. Вы задерживаете выборы делегатов и утверждение конституционной конвенции, в то время как права общественных служб Компании были

признаны недействительными, вы переделали их и привели в действие. Вы должны прекратить хищения рогатого скота на континентах Бета и Дельта, или здесь вспыхнет парочка первоклассных войн. К тому же вам пора начинать думать о наплыве эмигрантов, которые хлынут на планету, когда на других планетах узнают о решении Пэндервиса.

Сунув трубку и табак в карман, Рейнсфорд вскочил на ноги. Пару раз он пытался прервать Гуса.

— О, черт возьми! — крикнул он в конце концов. — Лучше я пойду поговорю с моими Пушистиками! — С этими словами он выбежал из комнаты. Мгновение стояла тишина, потом Джек Хеллоуэй выругался.

— Надеюсь, Пушистики вразумят его. Это не в моих силах.

Возможно, они вразумили бы его, если бы он их слушал. В этом вопросе Пушистики выказывали больше разума, чем он. Ахмед Кхадра, который молча сидел во время этой шумной ссоры, грохнул чашкой о блюдце.

— Джек, кажется, мы можем возвращаться в отель? — спросил он.

— Нет, черт побери! Это не частные владения Бена Рейнсфорда, а дом Правления! — воскликнул

Хеллоуэй. — Мы тоже работаем на Правление. Этим мы занимаемся и сейчас.

— Мы поговорим с ним снова, — Гус с каким-то удовольствием огляделся вокруг. — Собравшись вместе, мы выработаем Кодекс Пушистиков, и он одобрит его. Прежде чем будет разработал колониальный закон, нам надо подтвердить его декретом. Нужно подсчитать, скольких Пушистиков мы можем отдать на усыновление. Мы не можем закрыть черный рынок, но, если вы предоставите людям возможность получить Пушистика на законном основании, они не станут покупать их у гангстеров.

— Я знаю это, Гус, — сказал Джек. — Я уже думал об организации бюро усыновления. Но кто будет руководить им? Я никого не знаю.

— Я знаю каждого человека в здании Центрального суда, где каждый знает каждого. Может, Лесли Кумбес согласится помочь мне.

— Боже мой, Гус! Только не говорите этого Бену, — попросил его Джек. — Будет взрыв мощностью в несколько мегатонн.

— Он может оказать большую помощь. Если мы попросим, он сделает.

— Рут много работала с юношеским судом, — упомянул Убарра. — Там есть какая-то ассоциа-

ция юношеского благополучия…

— Клодетта Пэндервис, жена главного судьи. Она много сделала для юношеского благополучия.

— Да, — сразу же согласился Убарра. — Я слышал, что Рут говорила о ней. К тому же отзывалась очень благоприятно, хотя, как правило, у Рут быстро возникает прогрессирующее отвращение к доброжелателям.

— И она любит Пушистиков, — добавил Джек. — Она не пропустила ни одного заседания суда. Я обещал ей Пушистиков, как только появится свободная пара. — Он поднялся на ноги. — Идемте поищем какую-нибудь контору, где был бы письменный стол и экран связи. Я вызову ее и скажу о нашем решении.

— Фредерик, я не помешаю?

Пэндервис оторвался от считывающего экрана и, отложив сигару, попытался подняться. Клодетта, войдя в комнату, жестом остановила его. Она подошла к нему, обвила шею руками и, откинув голову, посмотрела ему в лицо. Она делала так на Бальдуре, когда они познакомились и ухаживал за ней.

— Фредерик, я хочу сказать тебе кое-что, — начала она. — Со мной связался мистер Хеллоуэй.

Он говорит, что подобрал для меня двух Пушистиков, мальчика и девочку. О привезет их завтра или послезавтра.

— Ну, это прекрасно!

Клодетта была помешана на Пушистиках. Это началось после первой телепередачи о них. Она ходила в суд, навещала их в отеле «Мэллори» во время судебного разбирательства.

— Я думаю, что я получу такое же удовольствие, как и ты. Я полюбил их с тех пор, как они перестали появляться в зале заседаний.

Они оба улыбнулись, вспомнив семнадцать Пушистиков и малыша, которые достойно вели себя в суде, пока обсуждалась их разумность.

— Я надеюсь, это не будет расценено как какая-нибудь привилегия, — добавил он. — Множество людей хочет иметь Пушистиков, но…

— Но другие люди тоже смогут получить Пушистиков. За этим и вызвал тебя мистер Хеллоуэй. Они создают Бюро усыновления, и он хочет, чтобы я следила, как бы Пушистики не попали в дурные руки.

В этом что-то было. Они оба задумались.

— Ты думаешь, правильно будет принять это официальное предложение? — спросил он.

— Почему бы и нет? Я же работаю с юношеским

благополучием.

— От тебя будет зависеть, кому разрешить усыновить Пушистиков, а кому — нет. Когда будет учрежден суд местных случаев — я думаю поручить это Авесу Джениверу — наши решения будут учитываться в первую очередь.

— Ты думаешь, мои решения будут учитываться юношеским судом Адольфа Руиза?

— Это так, — согласился он. Благосклонно относясь к Пушистикам, она не может отказать в помощи организации Бюро усыновления; это вообще было бы предательством. И она так сильно хочет иметь Пушистиков… — Ну, пойдем дальше, дорогая. Делай, как знаешь. — Вряд ли они найдут кого-нибудь другого, кто действительно любит Пушистиков. Что ты ответишь мистеру Хеллоуэю?

— То же, что и тебе. Я сейчас свяжусь с ним. Он в доме правления.

— Ладно, вызови его и передай свое согласие. А я вызову Авеса и скажу ему о суде местных случаев.

Она подошла к нему и поцеловала на прощание. Она была счастлива. Он надеялся, что его не будут осуждать слишком строго. Ладно, его уже осуждали раньше, он пережил это.

Виктор Грего наблюдал за Бриллиантом, который изучал предметы, расставленные на низеньком столике для коктейлей. Тот взял из стеклянной вазы пару соленых орехов, надкусил один из них и положил остальные назад. Он осмотрел полупустую чашку с кофе и стакан с ликером и оставил их в покое. Затем он потянулся за пепельницей.

— Нет, Бриллиант. Вот это не трогай.

— Вов нинта, Бриллиант, — сказал немного больше продвинувшийся в языке Пушистиков Эрнст Мейлин. — Вместо того, чтобы заставлять их изучать наш язык, мы можем выучить их.

— Если мы научим их нашему языку, они смогут говорить со всеми, а не только с пушистологами.

— Я не одобряю этот термин, мистер Грего. Это греческий суффикс от «логос», а Пушистик — не греческое слово и не может использоваться с этим суффиксом.

— Это чепуха, Эрнст. Мы говорим не на греческом, а на смешанном земном. Вы знаете, что такое смешанный земной язык? Беспорядочная смесь английскою, португальского, испанского, русского и разных африканских языков. В основу положен английский. Вы знаете, что такое английский? Результат стараний тяжело

вооруженных всадников-норманнов Девятнадцатого до-атомного века назначить свидание саксонским посудомойкам. Ничего страшного не получится, если в этот беспорядок будет внесено несколько греческих суффиксов. К тому же вам лучше смириться с этим термином, потому что ваш новый титул — шеф пушистологов и пятнадцать процентов надбавки к окладу.

Мейлин скупо улыбнулся.

— Ради этого я, пожалуй, смирюсь с лингвистикой посудомоек.

Бриллиант хотел знать, почему нельзя трогать пепельницу. Может, это причиняет боль?

— Как вы объясните ему на его языке, что нельзя бросить пепел на пол? Как на его языке «пол» и «пепел»? — Грего наклонился вперед и стряхнул в пепельницу пепел своей сигареты.

— Пепельница, — сказал он.

Бриллиант повторил это так хорошо, как только смог. Затем он перебрался туда, где сидел Мейлин. Мейлин считал курение актом инфантильности. Его пепельница была чистой.

— Пепельница? — спросил пушистик. — Бриллиант вов нинта?

— Вот видите? Он знает, что пепельница — производное слово, а не простое название

специального предмета, — сказал Мейлин. — Я попробую доказать, что Пушистики не могут говорить неопределенно. Эта пепельница пустая; попробуем объяснить ему разницу. Если мы дадим ему слово «пепел», а затем…

Мягко звякнул сигнал вызова. Бриллиант быстро повернулся, чтобы посмотреть, что там такое. Работал личный экран связи. Только полдюжины людей знали комбинацию этого вызова. Виктор поднялся и включил экран. На нем появился Гарри Стифер.

— Мы нашли это место, сэр: на девятом нижнем уровне, а первая кража была зарегистрирована уровнем выше. Пушистиков держали в маленькой комнатке, которая выглядела так, словно там была общая уборная. Это рядом с главным холлом, и кто-то недавно прилетал сюда на аэрокаре. Кажется, здесь находились с полдюжины Пушистиков в течение двух или трех дней.

— Хорошо. Я хочу взглянуть на это. Пусть Бриллиант тоже посмотрит. Пошлите кого-нибудь из тех, кто знает, где это находится, за нами. Пусть он припаркуется на моей личной стоянке.

Он отключил экран, и повернулся к Мейлину:

— Вы все слышали? Тогда идемте вниз и посмотрим.

Джек Хеллоуэй, стоя наверху длинного эскалатора, через перила заглянул в сад. Там было светло от двойного освещения, исходившего от взошедшего Дариуса и приближавшегося к закату Ксеркса. Через некоторое время он заметил полулежавшего в кресле Бена Рейнсфорда. Флора и Фауна удобно устроились у него на коленях. Спустившись вниз и подходя к ним, он решил, что они спят. Вдруг один из Пушистиков зашевелился и уикнул, а Рейнсфорд повернулся в его сторону.

— Кто это? — спросил он.

— Джек. Вы были здесь весь вечер?

— Да, втроем, — сказал Рейнсфорд. — Теперь, кажется, настало время укладывать Пушистиков спать.

— Бен, нас вызвали из дома Компании. Они нашли место, где держали Пушистиков. Пустая комната на одном из незаселенных уровней. Они прислали за нами небольшой пикап; темнота, мерзкое место. Полиция Компании ищет физические доказательства, подтверждающие историю Бриллианта. И вообще им не нравится отсутствие этих двух лесничих Компании — Керкеда и Новайса. Похищение и подозрение на порабощение.

— Кто с вами связался? Стифер?

— Грего. Он говорит, что мы во всем можем положиться на него. Он действительно переживает за них.

Пушистики спрыгнули на землю и попытались привлечь внимание Джека. Бен поудобнее уселся в кресле и стал набивать свою трубку.

— Джек, — его голос был тихим, и говорил он как-то нерешительно. — Я говорил с ребятами, пока они не захотели спать. Они были в доме Компании и играли с Бриллиантом. Они говорят, что он там одинок, и хотят, чтобы он пришел сюда навестить их, а они потом в ответ навестят его снова.

— Ну, Пушистики иногда ходят поодиночке. Они рассказывали мне обо всех прекрасных вещах, которые есть у него в саду и в его личной комнате. Они говорили о нем только хорошее и что паппи Вик любит его. Это они так называли Грего: паппи Вик. И нас они называют так же: паппи Бен и паппи Джек. Зажигалка Бена вспыхнула и осветила лицо и трубку в зубах.

— Джек, я не понимаю этого. Я думал, что Грего ненавидит Пушистиков.

— Почему он должен их ненавидеть? Пушистики ничего не знают о правах Компании; черт побери, что они могут знать о классификации

планет? Он даже не ненавидит нас. Бен, он готов прекратить войну. Почему вы этого не хотите?

Рейнсфорд медленно выпустил дым. Отнесенный ветром, он изменил цвет в двойном свете лун.

— Вы в самом деле думаете, что Пушистик хочет остаться с Грего? — спросил он.

— Если вы отберете его у паппи Вика, это разобьет его сердце. Бен, почему бы вам не пригласить Бриллианта поиграть с вашими Пушистиками? Вы не хотите встречаться с Грего, но его может привезти девушка, которая за ним присматривает.

— Возможно, я так и сделаю. Вы договоритесь с Грего; почему нет?

— Мы встретимся завтра.

Пушистики не хотели играть. Они просто хотели, чтобы на них обратили внимание. Джек поднял Флору и передал ее Бену, а затем взял на руки Фауну.

— Идемте, положим их спать, а потом выйдем снова. Мы многое делаем наспех, поэтому нам нужны полномочия.

— Хорошо, какие?

— Ахмед останется здесь. Он, Гарри Стифер, Ян Фергюсон и некоторые другие созывают на

завтра совещание по вопросу общей охраны Пушистиков. Я учреждаю Бюро усыновления. Жена судьи Пэндервиса согласилась взять на себя эти обязанности. Нам нужен закон, и, пока не выбрана законодательная власть, вы должны провести его декретом.

— Ладно, все правильно. Но есть одна оговорка, Джек. То, что Грего с нами, еще не значит, что я позволю снова захватить контроль над этой планетой, какой он имел перед решением Пэндервиса. Пушистики разрушили монополию Компании. Так вот, я хочу любоваться этими развалинами.

10

Когда Эрнст Мейлин, встретив на посадочной площадке Панчо Убарру, ввел его в апартаменты Грего, тот был слегка удивлен, увидев там Генри Стенсона, сыгравшего не последнюю роль в крушении Компании Заратуштры. Там была сестра Пушистиков Сандра Глинн, сам Грего, хотя шло рабочее время, и, конечно, Бриллиант.

— Мистер Стенсон! — воскликнул Панчо. — Вот это сюрприз!

Стенсон улыбнулся.

— Мы не можем скрывать наше знакомство, лейтенант, — сказал он. — Мистер Грего осведомлен о моей второй профессии. Он не держит на меня зла и считает, что нам лучше сотрудничать, чем враждовать.

— Мистер Стенсон кое-что принес. Это может заинтересовать вас, — сказал Грего, показывая коробочку, похожую на маленькую бритву с атомной батарейкой. — Лейтенант, пожалуйста, включите звуковой аппарат. Благодарю вас. Бриллиант, скажи что-нибудь дядюшке Панчо.

— Пливет, дядюска Панко, — очень чисто и

внятно сказал Бриллиант, когда Грего поднес коробочку к его рту. Слышите, Бриллиант может говорить, как хагга!

— Конечно, слышу, Бриллиант! Это прекрасно!

— Как это получается? — спросил Бриллиант. — Есть говорящая вещь, говорит, как хагга. Нет говорящей вещи — хагга не слышит. Как это получается?

Пушистики могут слышать весь звуковой ряд, воспринимаемый человеком. Раса, не способная к этому не смогла бы избежать опасности в лесах, а значит, не смогла бы и выжить. Они свободно слышали звуки частотой около сорока тысяч герц. Никто из других млекопитающих Заратуштры этого не мог. По теории Герда Ван Рибика, Пушистики были живыми ископаемыми, единственными из большого вымершего отряда приматов Заратуштры. По мнению Герда, задолго до того, как они научились символизировать мысли в речь в связи с какой-то древней проблемой выживания, у них развилась и восприимчивость к ультразвуку. А беседовать между собой в ультразвуковом диапазоне они стали, вероятно, для того, чтобы не выдать себя своим естественным врагам.

— Хагга большие, делают большой разговор. Пу-

шистики маленькие и слышат разговор Больших существ. Хагга не слышат разговор Пушистиков, потому что Пушистики маленькие и делают маленький разговор. Большие существа сделали вещь-для-уха, которая делает разговор Пушистиков большим в ухе, и его можно слышать. Теперь хагга сделал говорящую вещь, Пушистик делает большой разговор подобно хагга, и каждый слышит, имея вещь-для-уха и не имея вещи-для-уха.

Это не было вопросом. Бриллиант дошел до этого сам. Вопросом, который он повторил, было «Как это получается».

Грего усмехнулся.

— Вы превосходно все объясняете, лейтенант. Прочитайте ему лекцию об ультразвуке, электронике и акустике.

— Ваш главный пушистолог, вероятно, уже сделал это?

— Даже не пытался, — сказал Мейлин. — Вы знаете их язык лучше, чем я. Какие слова Пушистиков стали бы вы использовать, объясняя нечто подобное?

Это была правда. Любая раса — хомо сапиенс Земли или Пушистик Пушистый Хеллоуэя Заратуштры — может понять только то, на что распространяется их устный символизм, и не

больше. Они могли понять только те идеи, для описания которых у них были слова.

— Скажите ему, что это черная магия Земли, — предложил Сандра Глинн.

Это могло сработать на планетах Локи, Вере, Уггдрасиле. На Шеше или Уллсре можно было бы упомянуть таинственные силы богов. Пушистики же о магии и религии имели такое же понятие, как об электронике, ядерной физике или о Властелине Света и тьмы.

Панчо шагнул вперед и протянул руку.

— Со-джоссо-аки, Бриллиант. — Со-покко дядюшке Панко.

Пушистик дал ему предмет, который держал обеими руками. Сходство с бритвой было более чем случайным: в пластмассовый корпус бритвы был вставлен ультразвуковой преобразователь. На месте лезвий было отверстие, в которое говорил Пушистик. На противоположной стенке находилась круглая решетка, откуда слышались произнесенные звуки. Сбоку был приделан оригинальный выключатель.

— К тому же этот приборчик снабжен своеобразной батарейкой, — сказал Стенсон, показывая маленькую капсулу размером с шести-миллиметровый пистолетный патрон. — В основном,

это собрано из частей ультразвукового слухового аппарата. Я еще немного доработаю его, переделаю выключатель. Маленькая рукоятка будет снабжена курком, связанным с выключателем. Пушистик будет включать прибор, как только возьмет его в руки, и выключать как только отложит в сторону. Прибор будет гораздо легче и меньше по размерам.

Он показал какие-то листы бумаги, на которых были вычерчены диаграммы, схемы и сделаны записи.

— Несколько человек в моей мастерской работают над этим. Через неделю мы изготовим пробный экземпляр. Завод Компании приступит к серийному изготовлению этого прибора, как только получит документацию на него.

— Мы получим патент, — сказал Грего, — и назовем этот прибор пушистофоном Стенсона.

— Грего-Стенсона — это же ваша идея.

— Черт, я же только рассказал вам, что мне надо, вы сами изобрели его, — доказывал Грего. — Мы запустим прибор в производство как можно скорее. Не знаю, какой будет на них спрос, но думаю, двадцать солей за штуку будет не слишком дорого.

Флора и Фауна были озадачены. Они сидели

на полу у ног паппи Бена, глядели на забавных людей, появляющихся и исчезающих в картине на стене, и громко обсуждали это. Они давно поняли, что ничего нельзя было взять с экрана, нельзя было также влезть в него. Это была одна из множества других странных вещей Больших существ, которых они не могли понять. Но это было забавно.

Внезапно прямо на экране появился паппи Бен. Они испуганно оглянулись, думая, что он оставил их. Но нет, он был здесь, сидел в кресле, курил трубку. Они потрогали его, чтобы удостовериться, что он действительно здесь, затем взобрались к нему на колени и показали на паппи Бена на экране,

Флора и Фауна не знали о видеозаписи и не могли понять, как паппи Бен мог быть в двух местах одновременно. Это взволновало их. Такого быть не могло.

— Все нормально, ребята, — заверил их Бен. — Я действительно здесь. Там меня нет.

— Есть, — опровергла его Флора. — Я вижу.

— Нет, — возразил ей Фауна. — Паппи Бек здесь.

Возможно, Панчо Убарра или Рут ван Рибик смогли бы объяснить это, но Бен не смог.

— О, конечно же, я здесь, — сказал он, обнимая обоих. — Это не настоящий я, только похожий.

— Объявляется незаконным, — говорил паппи Бен с экрана, — захват Пушистика с использованием какого-либо другого Пушистика, а также с использованием токсических веществ, наркотиков, усыпляющих газов, звуковых ошеломителей и ловушек. Это будет расцениваться как похищение. Запрещается держать какого-либо Пушистика на привязи или как-то иначе физически удерживать его. Запрещается перевозить Пушистиков с континента Бета в любую другую часть этой планеты без разрешения Комиссии по местным делам. На каждом разрешении должны стоять отпечатки пальцев перевозимого Пушистика. Запрещается сознательно передавать Пушистика другому лицу с целью его транспортировки. Это также будет расценено как похищение и приведет к соответствующему наказанию.

Паппи Бен на экране нахмурился. Фауна и Флора оглянулись, чтобы посмотреть на выражение лица настоящего паппи Бена.

— Говоришь о Пушистиках? — спросила Флора.

— Да. Говорю, что Большое существо сделает плохо тому Большому существу, которое станет охотиться на Пушистиков, — ответил он.

— Сделает мертвым, как плохое Большое существо, которое сделало мертвой Златовласку? — спросил Фауна.

— Вроде того.

Так думали все Пушистики, которые были на суде во время судебного разбирательства. Что такое самоубийство, объяснять Пушистикам было довольно сложно, по крайней мере, в данное время.

Все Пушистики, которые знали о случившемся со Златовлаской, считали, что плохое Большое существо получило по заслугам.

Капитан Защитных сил Пушистиков, шеф детективов и полковник Ян Фергюсон, комендант и колониальный полицейский сидели с Максом Фрейном, начальником Колониальной полиции в кабинете последнего и смотрели телепередачу. На экране выступал правитель Рейнсфорд.

— Если кто-нибудь поймает Пушистика и будет держать его принужденно или незаконно перевозить для продажи, будет обвинен в порабощении.

— Ого! — Макс Фрейн поднял руку с воображаемым пистолетом к виску и щелкнул курком. — Смерть по декрету: суд проявляет неосторожность.

— Все дела с участием Пушистиков будет рассматривать Авес Дженивер. Он любит Пушистиков, — сказал Фергюсон. — И не любит людей, которые плохо обращаются с ними. Вот так.

— Я знаю, как Дженивер относится к смертным приговорам, — произнес Фрейн. — Он считает, что неправильно расстреливать людей за совершенное преступление. По его мнению, их надо расстреливать до того, как они преступят закон. Он бы стрелял преступников так же, как стреляют больных степняков. Профилактическая мера, я так думаю. Он и здесь будет поступать так же.

— Если Керкед и Новайс не дураки, они сдадутся сейчас, — сказал Фергюсон. — Как вы думаете, остальные пять Пушистиков еще у них?

Кхадра подумал и отрицательно покачал головой.

— Я думаю, они продали их кому-нибудь в Мэллори-Порте сразу же порче того, как вывезли из дома Компании. Если бы найти, кому…

— Я мог бы назвать дюжину претендентов, — сказал Макс Фрейн. — И за спиной каждого стоит Хьюго Ингерманн.

— Ну, это не в ваших силах. Ингерманн — адвокат, а допросить адвоката под детектором лжи можно только в том случае, если вы поймаете

его стоящим над трупом с пистолетом в руке или с отравленным ножом. Вот тогда у вас будет достаточно времени для этого.

— Великое множество людей хотят иметь Пушистиков, и мы знаем это, — говорил правитель Рейнсфорд. — Многие люди смогут получить их и сделать счастливыми. Мы не препятствуем таким людям в усыновлении этих очаровательных маленьких личностей. Бюро усыновления уже учреждено. Ответственность за его работу взяла на себя супруга Главного судьи Фредерика Пэндервиса. Служба Бюро расположилась в центральном здании суда и откроется уже завтра утром.

— О лапочка! Мама! — воскликнула маленькая девочка. — Вы слышали это объявление? Правитель сказал, что люди могут получить Пушистиков. Вы возьмете мне Пушистика? Я буду так любить его… или ее, все равно кого!

Родители переглянулись и внимательно посмотрели на свою двенадцатилетнюю дочь, стоящую возле них.

— Что ты скажешь на это, Боб?

— Марджори, животные требуют много внимания. Их надо кормить, купать, выгуливать и…

— О, я буду. Если только у меня будет хоть один

Пушистик, я буду делать все. Но люди не должны называть Пушистиков животными, папочка. Пушистики такие же люди, как и мы. Вы же не называли меня зверенышем, когда я была маленькой-маленькой, или называли?

— Боюсь, что твой отец так думал, моя малышка. Это во-первых. Чтобы разговаривать со своими Пушистиками, тебе придется выучить их язык, потому что Пушистики не говорят на языке землян. Ты знаешь, Боб, мне кажется, я сама буду рада, если у нас будет Пушистик.

— По-моему, я тоже. Что ж, тогда завтра, как проснемся, пойдем в это Бюро усыновления…

11

На вечеринку собрались в доме Пэндервиса. Сидя на корточках, Джек Хеллоуэй курил трубку и что-то объяснял хозяевам. Судья и его жена тихо сидели на удобных низеньких стульях и знакомились со своими новыми гостями — двумя Пушистиками, которых Юан Джименз привез с континента Бета этим вечером. Бранхард развалился в одном из больших кресел и теребил свою бороду. Юан Джименз и Ахмед Кхадра отключили свои слуховые аппараты и перенесли выпивку на стол в другой стороне комнаты. Они обсуждали визит Джименза с двумя людьми из группы Джорджа Ланта к месту его бывшего лагеря.

— После того, как мы уехали, они возвратились туда, — говорил Джименз. — Мы нашли место, где они сажали кар. Но смотреть там, в общем-то, не на что. Перед отъездом они все привели в порядок. Вокруг не осталось никакого мусора.

— И никаких доказательств, — добавил Кхадра.

— Юримитси и Кальдерон сказали то же самое, когда увидели все это. Место стало чище с тех

пор, как мы покинули его.

— Они вычистили место преступления и тем самым совершили худшее преступление, чем все нечестные адвокаты Галактики, вместе взятые. Тут нет никаких вопросов. Этих Пушистиков привезли Керкед и Новайс — мы знаем это. У вас есть свидетели?

— Вы можете допросить Пушистика под детектором лжи? — спросил Бранхард через плечо. — Если нет, защита будет возражать.

Пэндервис оглянулся.

— Мистер Бранхард, боюсь, мне придется поддержать это возражение. И судье Дженивeру, который будет слушать это дело, тоже. На вашем месте я бы потом узнал это. Можно вас допрашивать под детектором лжи? — спросил он Пушистика, сидевшего у него на коленях.

Пушистик-самец, терзающий молнию на его куртке, спросил:

— Уиик?

Судья почесал ему затылок, что нравилось всем Пушистикам, и спросил, за какое время можно выучить их язык.

— Не так уж и долго, — ответил Джек. — За один день я узнал все, что обнаружили ученые с Ксеркса. Через некоторое время, когда мы после

суда вернулись домой, я уже мог говорить с ними. Как вы назовете их?

— А у них нет собственных имен? — спросила жена судьи.

— Кажется, нет. В лесу они ходят группами, в которых не больше шести-восьми Пушистиков. По-моему, все их имена подобны словам «Я», «ты», «этот» и «тот».

— Вы должны придумать, как записать их в акте усыновления, — сказал Бранхард.

— В лагере мы называли их Молодоженами, — сказал Кхадра.

— А что если назвать их Пьеро и Коломбина? — спросила миссис Пэндервис.

— Думаю, это превосходно, — согласно кивнул ее муж и указал на себя: «Аки паппи Фредерик. Со-пьеро».

— Аки пейо? Пейо сигго паппи Фельик?

— Он принял имя. Он говорит, что любит вас. Миссис Пэндервис, что вы будете делать с ними завтра? У вас есть слуги?

— Нет, только роботы, а я не хотела бы оставлять их надолго с роботами. Конечно, до тех пор, пока они не научатся ими пользоваться.

— Отправьте их в Дом правления, там они смогут поиграть с Флорой и Фауной, — предложил

Бранхард. — Я свяжусь с Виктором Грего и приглашу ею Бриллианта. Они устроят прекрасную вечеринку. Событие года: первая встреча Пушистиков.

Зазвонил мягкий звонок. Судья посадил Пьеро на пол и, извинившись, вышел. Пьеро побежал за ним. Вскоре они оба вернулись.

— На экране шеф Эрли, — сказал судья. — Он хочет поговорить с капитаном Кхадрой или с мистером Хеллоуэем.

Это был новый шеф полиции Мэллори-Порта. Джек кивнул Кхадре, и они покинули комнату.

— Вероятно, нашли что-нибудь, связанное с Керкедом и Новайсом, — предположил Бранхард.

— Вы действительно хотите обвинить их в порабощении? — спросила миссис Пэндервис. — Это же, согласно закону, смертный приговор!

— Вы поймали человека, лишили его свободы, сделали из него свою собственность, — возразил Бранхард. — Как же еще вы назовете это? Любимый невольник — еще больший раб. Я не знаю, какую работу могут делать Пушистики…

— Развлечения в ночных клубах, реклама в барах, интермедии…

Вернулся Кхадра. Он надел берет и пристегнул

кобуру.

— Эрли сказал, что кто-то видел Пушистика в квартире на северной окраине города, — сказал он. — Информатор сообщил, что Пушистика держат на одном из верхних этажей. Он отправил туда людей.

Это мог быть один из пятерки Керкеда или Новайса. Можно было предположить, что два служащих Компании продали их оптом какому-нибудь гангстеру Мэллори-Порта, который перепродал их в розницу. Здесь действительно кого-то стоило расстрелять. А тем временем Керкед и Новайс могут вернуться на континент Бета и поймать еще нескольких Пушистиков. Допросив людей, купивших Пушистиков, под детектором лжи, полиция может напасть на след этих гангстеров.

— Пойду посмотрю, что там такое, — сказал Кхадра. — Я свяжусь с вами при первой же возможности. Не знаю, сколько я там пробуду, во всяком случае, если не вернусь, благодарю за приятный вечер, судья, миссис Пэндервис.

Он торопливо вышел, и некоторое время стояла тишина. Затем Джименз сказал, что если Пушистик из группы Керкеда-Новайса действительно находится там, то Бриллиант должен увидеться с

ним как можно скорее. Только он может узнать его. Кхадра должен был подумать об этом. Миссис Пэндервис надеялась, что там все обойдется без стрельбы. Городской полиции Мэллори-Порта вообще-то везло. Разговор то возобновлялся, то снова затихал. Единственными беззаботными существами здесь были только два Пушистика.

Примерно через час вернулся Кхадра. Он оставил в холле свой берет и кобуру.

— Что там было? — спросил Бранхард. Джеку же хотелось узнать, все ли в порядке с Пушистиками.

— Это был не Пушистик, — с отвращением сказал Кхадра. — Земная мартышка. Они привезли ее сюда пару лет назад. Привезли с Земли. Кто-то ее заметил из аэрокара и решил, что это Пушистик. Интересно, сколько еще таких сообщений мы получим?

Удивительно, что он не получал подобных сообщений, когда искал семейство Джека.

12

На следующее утро, когда Джек Хеллоуэй подлетел к зданию Центрального суда, движение воздушного транспорта казалось обычным. На наземной стоянке каров было больше, чем обычно, но их было не больше, чем во время суда Пушистиков. Он встал на эскалатор, ведущий на четвертый подземный уровень, где находилось Бюро усыновления, и начал подозревать, что не так уж много людей заинтересовались Пушистиками.

Но коридор, ведущий от холла к названному вчера кабинету, был набит битком. Это была хорошо одетая, спокойно ожидающая своей очереди толпа. Большинство пар, избегая толкучки, стояли в стороне. Каждый, казалось, был счастлив и возбужден. Это больше походило на рождественскую толпу, старавшуюся что-нибудь приобрести к празднику.

Заметив Джека, к нему подошел человек, одетый в форму представителя начальника полиции и, приветствуя его, коснулся края козырька.

— Мистер Хеллоуэй, вы пытаетесь пробраться

в свой кабинет? Лучше идите здесь, сэр. С другой стороны такая же очередь.

Здесь было пять или шесть сотен человек, если разделить пополам, потому что большинство пришли парами.

— Сколько уже это продолжается? — спросил Джек. Некоторые люди пошли за ним.

— Примерно с семи утра. До этого здесь были несколько человек, остальные пришли попозже, к половине девятого.

Некоторые люди в толпе узнали его: «Хеллоуэй!», «Джек Хеллоуэй», «Он — комиссионер», «Мистер Хеллоуэй, Пушистики уже здесь?»

Полицейский провел его в нижнюю часть холла и открыл дверь кабинета. Он был пустым. Стол, стулья и другие предметы были покрыты пылью. Они прошли через него и вышли в другой коридор, где еще один представитель полиции спорил с людьми, которые тоже пытались пройти этим путем.

— А почему прошел этот, кто он? — кричала женщина.

— Он здесь работает. Это Джек Хеллоуэй.

— О! Мистер Хеллоуэй! Скажите нам, когда мы получим Пушистиков?

Проводник провел его по коридору, словно

Джек был под арестом, и открыл еще одну дверь.

— Сюда, мистер Хеллоуэй. Это служба миссис Пэндервис. А я вернусь и успокою эту толпу, — он вскинул руку к козырьку и поспешно вышел.

Миссис Пэндервис сидела за столом спиной к двери и перечитывала лежащую перед ней кипу анкет. Прочитанные анкеты она передавала девушке, сидевшей за маленьким столиком и что-то шепотом говорившей в микрофон компьютера. Еще две девушки сидели за другим столом. Одна говорила с кем-то по экрану связи.

Спросив, кто там, миссис Пэндервис повернула голову, затем поднялась и протянула руку.

— А, мистер Хеллоуэй, доброе утро! Что сейчас творится в холле?

— Ну вы же видели, как я вошел. Там около пятисот человек. Как вы управляетесь с ними?

Они указала на дверь перед ее столом. Он открыл ее и выглянул. Пять девушек сидели за длинным столом и беседовали с посетителями. Шестая собирала анкеты уже заполненные и относила к столу, где их сортировали и направляли в соседнюю комнату.

— Я пришла в восемь тридцать, — сказала миссис Пэндервис, — сразу же после того, как отвела Пьеро и Коломбину в дом Правления. Уже

тогда была толпа, а люди все идут и идут. Сколько Пушистиков вы собираетесь раздать, мистер Хеллоуэй?

— Для усыновления? Я не знаю. Считая моих Пушистиков, Пушистиков Герда и Рут ван Рибик, а также полицейских Пушистиков, вчера их было сорок. К сегодняшнему вечеру их будет около сотни.

— Уже в настоящий момент мы имеем триста одиннадцать заявлений. К закрытию будет пятьсот-шестьсот штук. Во всяком случае, что же нам делать с ними? Некоторые люди хотят получить одного, некоторые — двух, а некоторые хотят получить всю семью. Мы не можем разлучать Пушистиков, которые хотят быть вместе. Если вы разлучите Пьеро и Коломбину, они умрут с тоски. А семьи из пяти-шести Пушистиков разве не хотят остаться вместе?

— Не всегда. Эти группы — не настоящие семьи. Это вид временных группировок для взаимопомощи. Живя в лесу впятером, легче защищаться, чем живя в одиночку. Они собирают растительную пищу и охотятся на одиночных мелких животных. Участь палеолитической экономики: что нашел, то и съел. Когда группа становится слишком большой, они разделяются. Когда одна

пара встречается с другой, они объединяются, чтобы охотиться вместе. Вот почему у них такой хорошо развитый единый язык. Я полагаю, что все Пушистики разбивают панцирь затки так же, как это делал Первый Пушистик. Они даже не спариваются навсегда. Ваша пара очень молода, для них обоих это первое спаривание. Но у нас будут и такие, которые не захотят разлучаться; их будут усыновлять только вместе. — На мгновение он задумался. — Вы не можете снабдить Пушистиками каждого. Почему бы вам не бросить жребий? Пронумеровать эти заявления и вытащить номера?

— Конечно, нечто вроде лотереи. Управлять этим будет жюри комиссионеров, — сказала жена шефа Юстиции.

— Конечно, вы проверите каждое заявление. Думаю, это не займет много времени.

— Ну, об этом позаботится капитан Кхадра. Он возьмет людей из школ, из юношеского отдела городской полиции и из персонала Компании. Я задействую Юношеское благосостояние, группу родителей и учителей. Мы соберем их всех вместе, как только сможем. Думаю подключить сюда людей из отдела Общественной службы Компании. Надеюсь, мистер Грего временно освободит

их от обязанностей.

— Правильно. Это затронет школы и госпитали. А почему вы не хотите поговорить с Эрнстом Мейлином? Он подберет таких людей, каких вы хотите. Теперь он тоже присоединиться к друзьям Маленького Пушистика.

— А что будет после того, как мы распределим Пушистиков? Люди пойдут в ваш лагерь и выберут, кого хотят?

— Боже мой, нет! У нас и так достаточно неприятностей, а тут еще эта толпа, — раньше он не задумывался над этим. — Нам надо найти место здесь, в Мэллори-Порте. Место, чтобы разместить пару сотен Пушистиков, прежде чем люди, получившие право на усыновление, смогут прийти и выбрать того, кого им надо.

Это должно быть большое огороженное место с парком внутри. Место, где Пушистики могут развлекаться вместе. Он не знал такого места и спросил, не знает ли его она.

— Я поговорю с мистером Урсвиком, шефом отдела общественных служб Компании. Он должен знать. Мистер Хеллоуэй, я даже не представляла себе, когда бралась за эту работу, насколько все это сложно.

— Миссис Пэндервис, я говорю об этом каждый

час с тех пор, как Бен Рейнсфорд поручил мне эту работу. Кроме того, вы должны провести с людьми следующие беседы: «Забота о Пушистиках и их питание», «Психология Пушистиков». Мы попробуем подготовить брошюру и ленты для изучающих их язык. Нужны слуховые аппараты.

На одной из дверей в коридоре висела табличка с надписью «Следствие». В комнате за этой дверью он нашел Ахмеда Кхадру, говорящего по видеосвязи с человеком в форме городской полиции.

— Вы добились от них чего-нибудь? — спросил он.

— Проклятье, — отвечал городской полицейский. — Мы весь день таскаем сюда всех, кого зарегистрировали. Но как только они входят, Хьюго Ингерманн утаскивает их от нас. Здесь где-то сидит пара его людей с портативными рациями, и как только мы доставляем сюда какого-нибудь простофилю, на него в центральном суде тут же кто-то выписывает повестку: ордер на срочное предъявление земель для перерегистрации. Большинство из них мы вообще не можем допросить. Проходит час за часом, а те, кого мы все-таки смогли допросить под детектором лжи, ничего не знают об этом проклятом деле.

— Ладно, соучастников не нашли. Может, у них есть какие-нибудь друзья?

— Да. Все они — средние люди Компании. Они сотрудничают, но никто ничего не знает об их темных делишках.

Разговор продолжался еще несколько минут, затем Ахмед выключил экран. Он повернулся в кресле и закурил сигарету.

— Вы все слышали, Джек, — сказал он. — Они исчезли, и Пушистики вместе с ними. Я не удивлюсь, если и их друзья в Компании ничего не знают. Они могут ничего не знать. Мы обыскали их комнаты. Кажется, они произвели основательную уборку, прежде чем исчезнуть. Мы ничего не смогли узнать от подонков общества. Провокаторы, служащие в полиции, тоже ничего не знают.

— Знаете, Ахмед, я начинаю беспокоиться. Хотел бы я знать, что стало с теми Пушистиками… — Он сел на край стола и достал трубку. — Когда вы сможете начать обследование людей, которые хотят получить Пушистиков?

Герд ван Рибик долил в чашку кофе и через стол передал Джорджу Ланту. Он снова должен вернуться к своей работе, они оба должны это сделать. Работа накопилась с тех пор, как Джек и Панчо покинули лагерь, а Ахмед Кхадра занялся

розыском преступников.

— Восемьдесят семь, — сказал Лант. — Это не считая ваших, моих и Джека.

— У нас мало Рациона-три. Завтра нам придется ограничить его выдачу или даже давать через день. Пушистикам это может не понравиться. Джек говорил, что его скупают спекулянты. Когда Пушистики появились в Мэллори-Порте, он стал в большой цене.

На Заратуштре вообще было мало Рациона-три. Люди держали банку-две в аэрокарах на случай вынужденной посадки в пустынях, которые покрывали большую часть планеты. До того, как обнаружили Пушистиков, потребление Рациона-три практически равнялось нулю. Есть еще запасы на Ксерксе в снаряжении индивидуальною выживания и для снабжения космических кораблей, но эти запасы не могли быть использованы. Был послан запрос, но до того, как он достигнет Федерации, пройдет около четырех месяцев. Оставшихся запасов на это время не хватит.

— Лично я хотел бы, чтобы их было восемьдесят семь сотен, — сказал Лант. — Хотя, нет, я не сумасшедший. Здешние Пушистики еще не спускаются к обрабатываемым землям. До сих пор я

не слышал, чтобы они заходили так далеко, кроме одного семейства, забредшего в лесную ферму. Но если они зайдут в настоящую фермерскую деревню или заберутся на сахарные плантации, что тогда будет? Знаете, мы с Джеком думали, что наша основная обязанность — защищать Пушистиков от людей. Но теперь я думаю, что может быть и наоборот.

— Это верно. Они не хотят приносить нам никакого вреда, но я слышал, что даже Пушистики из семейства Джека разрушили кабинет Юана Джименза после того, как вырвались из клеток, куда их посадили. Я не виню их за это. Кроме того, они не знают, как надо вести себя среди людей, они не имеют ни малейшего понятия о частной собственности, тем более если в пределах видимости нет настоящего владельца.

— Как раз об этом я и говорил. Урожай. Они не понимают, что кто-то посадил эти растения. Они считают, что раз они нашли их, значит, они принадлежат им. А я не видел ни одного фермера, который не выстрелил бы первым, защищая свой урожай.

— Воспитание, — сказал Герд.

— Чтобы зажарить индюка, его сначала нужно поймать, — сказал Лант. — Мы сами воспитали

эту толпу. Как нам остановить остальных?

— Надо воспитать фермеров. Что Пушистики едят, кроме Рациона-три?

— Затки. Они уже уничтожили их всех вокруг лагеря, поэтому нам приходится высылать патрульные кары на пару миль от лагеря, чтобы расстрелять гарпий.

— А вы знаете, какой процент урожая уничтожают сухопутные креветки? Одно время я занимался этим вопросом. Вот об этом я и хотел сказать фермерам. Пушистик нанесет урожаю энный ущерб, но он за день уничтожает полдюжины сухопутных креветок, которые могут нанести ущерб эн в девятой степени.

— Напишите сценарий, мы выпустим программу сегодня вечером: «Любите Пушистиков! Пушистики — лучшие друзья фермеров!» Может, это поможет?

Герд кивнул.

— У нас восемьдесят семь Пушистиков. А сколько у них детенышей?

— Не считая Малыша? Четыре.

— И, как мы думаем, несколько беременных самок. Для выявления эмбриона Лина Эндрюс выслушивала их стетоскопом. Это единственный способ обнаружения, потому что беременность у

Пушистиков не вызывает практически никаких внешних изменений. Какой, по-вашему, у них процент рождаемости, Джордж?

Джордж Лант долил кофе себе в чашку и машинально подул на нее. Где-то, вероятно, в школе полиции, кофе всегда подавали горячим, прямо с огня. Полдюжины Пушистиков ходили следом за роботом, наблюдая, как он убирает со столов.

— Да, демографическим взрывом здесь и не пахнет, — сказал он.

— Это вымирающая раса, Герд. Я не знаю, какова нормальная продолжительность их жизни в лесах, но думаю, что четверо из пяти умирают насильственной смертью. Кроме того, рождаемость у них значительно ниже смертности. Эта раса вымирает.

— Четыре ребенка на сто два Пушистика. Да, вы говорите, что пять девочек забеременели? Для определения беременности док Эндрюс пользуется стетоскопом… и вы допускаете, что у них могут быть и выкидыши?

— Странно, что вы обратили на это внимание. Это неплохая пропорция для самок, у которых имеется для спаривания ежемесячный цикл, а не ежегодный сезон. Мы ничего не знаем о периоде развития этих четырех малышей, но за

три месяца, в течение которых мы наблюдали за ними, каждый прибавил только шесть унций и вырос на один дюйм. Я думаю, что для полного возмужания им понадобится около пятнадцати лет или, по крайней мере, десять.

— Значит, — сказал Лант, — процент рождаемости здесь ни при чем. Это большая детская смертность.

— Вот это меня и беспокоит, Джордж. Рут и Лину тоже. Если мы не найдем причину и не остановим детскую смертность, через некоторое время здесь не останется вообще никаких Пушистиков.

— Виктор, это похоже на старые времена, — сказал Кумбес, развалившись в кресле. — Здесь нет никого, кроме нас.

— Это верно, — Грего принес кувшин и два стакана и поставил их на стол, стараясь не разрушить лежащую на краю мозаику, собранную из осколков цветного кафеля. — Вот искусство Пушистиков. Работа еще не закончена, но хорошо виден глубокий символический смысл.

— Ты его видишь, а я — нет, — машинально поблагодарив, Кумбес взял свой стакан и сделал большой глоток. — Где все?

— Бриллиант гостит там, где мое присутствие нежелательно. В доме Правления. Он, Флора и

Фауна знакомятся с Пьеро и Коломбиной — Пушистиками судьи и миссис Пэндервис. Сандра сопровождает его, а Эрнст совещается с миссис Пэндервис о помещениях, где можно разместить пару сотен Пушистиков, которых в течение недели должны привезти в горд для усыновления.

— Я вижу, ваш Пушистик и пушистологи вошли в контакт с нужными людьми. Вы слышали дневную передачу Хьюго Ингерманна?

— Нет. Я плачу деньги людям, чтобы это делали за меня. До меня доходит только семантически точное краткое изложение. Мне известны высказанные Ингерманном предположения: а) Бен Рейнсфорд больший плут, чем Виктор Грего; б) Виктор Грего больший плут, чем Бен Рейнсфорд; в) они собираются вступить в сговор, чтобы ограбить и поработить всю планету, включая и Пушистиков.

— Я слышал это и даже записал, надеясь, что он может забыться и сказать что-нибудь, дающее основание для судебного преследования. Но он не забылся, он достаточно хороший адвокат, чтобы знать, что является клеветой, а что — нет. Иногда я мечтаю посадить этого ублюдка за что-нибудь, чтобы допросить его под детектором лжи, но… — он только пожал плечами.

— Я заметил одну вещь: если ранее он нападал на Компанию и на Рейнсфорда, то теперь он пытается вбить между нами клин, чтобы мы не объединились против него.

— Да. Взять хотя бы дело с космодромом. «Почему наш честный и прямой правитель не покончит с имеющей позорную известность монополией Компании на космическую транспортировку? Компании, которая душит экономику планеты?»

— Ну, и почему он этого не делает? Потому что это встанет ему в пятнадцать миллионов солей, а пользуясь нашими услугами, корабли могут загружаться и разгружаться на орбите. Это кажется действительно актуальным вопросом для людей, которые сами никогда не думают, а они-то и составляют подавляющее большинство избирателей. Знаете, чего я боюсь, Лесли? Ингерманн нападает на Рейнсфорда за сговор с Компанией. Доказывая, что это не так, Рейнсфорд может навредить нам.

— Я тоже так думаю, — согласился Кумбес. — Кроме того, среди многих следствий судебного решения Пэндервиса на Заратуштре появилось демократическое правительство. Это значит, что здесь появилась политика. Любое жульничество, возникающее здесь, контролируется Ингерман-

ном, а политика — наибольшее жульничество из всех. Хьюго Ингерманн выставит свою кандидатуру в качестве политического босса Заратуштры.

13

Аэрокар снизился к земле. Управляющий каром сержант Военно-космического флота облегченно вздохнул, убедившись, что не задел никого из полудюжины выбежавших навстречу Пушистиков. Панчо Убарра открыл дверцу и, кивнув своему спутнику, спрыгнул на землю. Сопровождаемые толпой Пушистиков, к нему подошли Джордж Лант в форме полиции и Герд ван Рибик в куртке цвета хаки. Пушистики восторженно приветствовали его и поинтересовались, где паппи Джек.

— Паппи Джек в месте больших домов. Он не пришел сюда с дядюшкой Панко. Паппи Джек скоро вернется. Пройдет два света и две темноты, — сказал он Пушистикам. — Паппи Джек делает много разговоров с другими Большими существами.

— Делает разговоры о Пушистиках? — спросил Маленький Пушистик. — Хочет найти Больших существ для всех Пушистиков?

— Да. И найти место для Пушистиков в месте больших домов, — ответил Убарра.

— Он для этого и ушел, — сказал Герд. — Каж-

дый Пушистик теперь будет иметь свое Большое существо.

— Да, Джек работает над этим вопросом, — произнес Панчо. — Вы знаете капитана Насагару? Герд ван Рибик, майор Лант. Капитан останется с нами на пару дней. Завтра прибудет лейтенант Пейн с подкреплением. Пятьдесят человек и пятнадцать боевых каров для патрулирования. Они останутся до тех пор, пока мы не наберем свои собственные силы.

— Я рад это слышать, капитан, — сказал Лант. — Вы нам очень поможете.

— Вам приходится контролировать большую территорию, — сказал Насагара. — Как сказал лейтенант Убарра, я останусь здесь только на несколько дней, чтобы разобраться в сложившейся обстановке. Пока вы будете вербовать и обучать свои собственные кадры, лейтенант Пейн останется здесь. Так будет, если не возникнут новые неурядицы в стране степняков.

— Надеюсь, они не возникнут, — сказал Лант. — Транспорт нам нужен так же, как и люди, нам уже мало своего.

— Несколько каров выделит Компания, — сказал Панчо. — Кроме того, Ахмед Кхадра начал усиленную вербовку в Защитные силы Пушисти-

ков Заратуштры.

— Джеку не удалось достать хоть сколько-нибудь Рациона-три? — спросил Герд.

Панчо покачал головой.

— Он не может получить ни грамма для приемного центра, куда Пушистиков поместят в городе. Компания начнет производство Рациона Три, но на это нужно время. Когда они смонтируют установку, им, наверное, понадобится пара недель на эксперименты, прежде чем они выпустят первую партию продукции.

— Но формула же очень простая, — сказал Насагара.

— Некоторые производственные процессы довольно сложны. Я говорил об этом Виктору Грего. Его люди не оптимисты, но он постоянно подгоняет их щелчками, чтобы начать выпускать Рацион-три как можно быстрее.

— Что? — спросил Герд. — Виктор Грего любит Пушистиков? И Джименз, и Мейлин. Вы бы послушали мою изысканную и нежную жену, когда она говорит о них.

— Враги прошедшей войны в следующую могут стать союзниками, — улыбнулся Насагара. — Я пару лет провел на Тэре; кланы, которые без предупреждения стреляли в нас в первый сезон,

в следующем могли стать нашими закадычными друзьями, а на следующий — снова нападать на нас.

Из-за барака поднялся аэрокар Защитных сил Пушистиков Заратуштры и полетел к югу, а навстречу ему летел другой, возвращавшийся с патрулирования.

— Счастливого патрулирования! — крикнул Лант и объяснил Насагаре: — Пушистики уничтожили всех сухопутных креветок вокруг лагеря. С каждым днем им приходится охотиться все дальше. Гарпии так же любят Пушистиков, как Пушистики любят затки, поэтому мы прикрываем их с воздуха. Панчо, мы ввели патрулирование после вашего отъезда. За это время мы уничтожили около двадцати гарпий, четырех из них сегодня днем. А может, и больше, — не знаю.

— За это время гибли какие-нибудь Пушистики?

— От гарпий — нет. Вчера вечером они устроили резню. Два семейства поспорили из-за игрушек и пустили в ход «лубило-копало». Пара Пушистиков получила ранения. Вот один из них, — он кивнул в сторону Пушистика с белой повязкой на голове, который, казалось, даже гордился этим. — Один сломал ногу. Док Эндрюс наложила ему

гипс и оставила в больнице. Прежде чем я успел ввязаться в драку, Маленький Пушистик, Ко-Ко, Мамочка и пара моих уже разогнали их. Они подавили бунт так, словно всю жизнь занимались этой работой. Вы бы видели, как их потом распекал Маленький Пушистик! Он говорил с ними, как старый сержант с новобранцами в лагере.

— Они дерутся между собой? — спросил Насагара.

— Здесь это первый случай. Полагаю, они дрались в лесах своими деревянными «затки-ходла». У них отличная система фехтования. Она не имеет ничего общего с межзвездными Олимпийскими стандартами, но очень эффективна. Только поэтому добрая половина их не была убита в первые же секунды, — Лант посмотрел на часы. — Ладно, капитан, вы идете со мной? В штабе Защитных сил мы согласуем наши действия и посмотрим, как нам лучше использовать помощь лейтенанта Пейна и его людей.

Насагара подошел к кару, влез в него и что-то сказал пилоту. Вслед за ним в кабину влез Лант. Убарра и Герд направились в лабораторию.

— У одной из беременных произошел выкидыш, — сказал Герд. — Малыш родился мертвым. Малыша, вернее, недоношенный плод мы заморо-

зили. Кажется, он эквивалентен шестимесячному человеческому эмбриону. Во всяком случае, он не должен был выжить. Внешне он плохо сформирован, и я полагаю, внутренне тоже. Мы еще ничего не делали с ним. Лина хочет, чтобы ты тоже его увидел. Пушистики все в печали. Они хотели устроить похороны. Мы объяснили Маленькому Пушистику и паре других, что хотим сделать, и они попытались объяснить это остальным. Не знаю, что из этого вышло.

Пушистик, бежавший впереди них, крикнул:

— Мами Вууф! Тетя Лина! Дядя Панко! Дядя Панко биззо ду-нитто!

Когда Панчо и Герд вошли в лабораторию, там стоял шум, а Рут, работающая за одной из стоек, пыталась утихомирить Пушистиков.

— «Хево, дядя Панко»! — приветствовала она его, спеша закончить работу. — Я сейчас освобожусь. — Она сделала несколько записей, надписала жирным карандашом номер на пробирке, затем опустила ее в коробочку и закрыла. — Я не занималась этим со времен медучилища, Лина занимается жертвами побоища. — Она достала сигарету и прикурила, а затем опустилась в кресло. — Панчо, что вы думаете об Эрнсте Мейлине? — спросила она. — Вы верите ему?

— Да. Он действительно любит Пушистиков. Я видел, как он играет с Бриллиантом — Пушистиком Грего, Флорой и Фауной Бена и парочкой миссис Пэндервис.

— Я даже не могу себе этого представить. Я видела, что он делал с Идеей, Комплексом, Синдромом и Суперэгоистом. Это чудо, что они не сошли с ума.

— Но ведь они не сошли. Они так же здоровы, как и любой другой Пушистик. А Мейлин сожалеет о содеянном, но не жалеет о том, что сумел узнать о них. Он говорит, что Пушистики — единственные абсолютно здоровые люди, которых он когда-либо видел, и их невозможно лишить рассудка. Он говорит, что если люди научатся мыслить так же, как это делают Пушистики, то психиатрические лечебницы опустеют и все работы по психиатрии можно будет забросить.

— Но они очень похожи на маленьких детей. Умные маленькие дети, но…

— Возможно, дети, которые к тому же страдают, вырастая. Возможно, мы тоже будем похожи на Пушистиков, если взрослые, окружающие нас с рождения, не заразят нас своим тупоумием. Надеюсь, в настоящее время мы не заразили этим Пушистиков. Что за драка была вчера вечером?

— Ну, она началась из-за игрушек, разбросанных вокруг. Новая группа, которая появилась здесь вчера днем, увидела их и решила забрать себе. Игрушки были общие, ими мог играть каждый, но они не знали этого. Возник спор, потом в ход пошли «рубило-копало». Группа, которая все это затеяла, теперь сожалеет о случившемся. Она уже подружилась с нашими Пушистиками.

Дверь, ведущая в лазарет, открылась, и вошла Лина. Рядом с ней бежали два Пушистика. Те, кто столпились в лаборатории, пошли к двери, чтобы навестить своего раненого друга.

Лина подошла к Рут и остальным. Герд спросил ее о пациенте. Тот оказался послушным и не возражал против своего вынужденного пребывания в постели.

— Что с девочкой, у которой был выкидыш?

— Она бегает, словно ничего не случилось. Панчо, это было душераздирающее зрелище. Плод был таким неопределенным, что невозможно было узнать, кто должен был родиться, самец или самка. Она дотронулась до него, посмотрела на меня и сказала: «Хагга. Ши-нозза».

— Мертвый. Как всегда, — перевел Герд.

— Она действовала так, словно и не ожидала ничего другого. Не думаю, чтобы у них выживало

больше десяти процентов новорожденных. Панчо, хотите взглянуть на это?

Он не хотел; это была не его область. Но эмбриология Пушистиков вообще не была чьей-либо областью. Они подошли к одному из холодильников, и Герд вытащил и развернул плод. Он был меньше мыши, и для того, чтобы лучше рассмотреть его, Панчо воспользовался лупой. Ручки и ножки плода были короткими и недоразвитыми, а голова — бесформенной.

— Я ничего не могу сказать, — проговорил Панчо. — Хорошо, что он родился мертвым. Что вы собираетесь с ним делать?

— Я не хочу анатомировать его сама, — ответила Лина. — Это слишком важно, и я могу все испортить.

— Я тоже не силен в анатомировании. Передайте его в госпиталь Мэллори-Порта. Я бы сделал именно так, — он снова завернул плод и положил его в холодильник. — Главное, выжать из него все, что возможно. Тут можно найти ответы на многие вопросы.

— Так я и сделаю. Я свяжусь с ними сегодня же.

Полдюжины Пушистиков ввалились в лабораторию. Они несли убитую сухопутную креветку. Не обращая внимания ни на что, они двинулись

в лазарет.

— Идем, Панчо, посмотрим, — сказал Герд. — Они принесли подарок своему больному другу. Им пришлось тащить эту креветку три или четыре мили.

Когда кар пролетал над домом Правления, в западной части сада можно было заметить двух людей и пятерых Пушистиков. Люди — это капитан Ахмед Кхадра и Сандра Глинн, а Пушистики — Пьеро и Коломбина четы Пэндервис, Бриллиант Виктора Грего и хозяева — Флора и Фауна. У них был красно-золотой мяч размером с Пушистика, и они гоняли и толкали его по полянке. Время от времени они подкатывали его к тому месту, где стоял Кхадра, и тот пинал его обратно к играющим. Джек Хеллоуэй улыбнулся. Это было похоже на возню, которую он затевал со своими Пушистиками на лужайке возле лагеря, когда там еще была лужайка и его собственные Пушистики.

— Бен, идемте к ним? — сказал он. — Я чувствую себя, словно Пушистик, возбудившийся от вида игры.

— Так и сделаем, — сказал Рейнсфорд. — Билл, будьте добры, высадите нас здесь.

Опускаясь, пилот сделал круг и придержал

кар над землей, пока они не выбрались из него. Пушистики увидели спускающийся кар и бросились к нему. Сначала Рейнсфорд подумал, что у них пистолеты; они были опоясаны ремнями с небольшими кобурами, из которых торчали маленькие пистолетные рукоятки. Затем Пушистики вытащили их и приставили ко рту, и он увидел на концах этих предметов трех-футовые раструбы.

— Паппи Вен, паппи Джек! — пронзительно закричали они все вместе. — Смотрите, теперь мы говорим, как Большие существа!

Джек выключил свой слуховой аппарат. Это действительно было так, они все говорили в слышимом диапазоне.

— Это сделал паппи Вик, — горда сказал Бриллиант.

— Их сделал Гарни Стенсон, — поправила его девушка. — Мистер Грего только сказал, что ему надо. Это пушистофон.

— Хиита, паппи Джек, — Бриллиант протянул руку с прибором. — Уиик-уик. Уииик! — он был рассержен, но потом понял, что убрал пушистофон от лица. — Пушистик говорит сюда, с этой стороны. Там разговор растет. Здесь, с этой стороны, идет большой разговор, подобный разговору

хагга, — сказал он, снова приблизив прибор ко рту.

— Это хорошо, Бриллиант. Очень хорошо, — похвалил Джек. — Бен, что вы на это скажете?

Рейнсфорд присел на корточки перед своими Пушистиками и протянул руку.

— Со-покко-аки, Флора, — сказал он.

Пушистик протянул ему прибор и сказал:

— Кеффи, паппи Бен. Ду-блик.

— Да, — Рейнсфорд с любопытством осмотрел прибор и отдал его назад. — Это хорошая вещь. В какую бы руку Пушистик ни взял прибор, микровыключатель на рукоятке все равно включится.

Так оно и было. Пушистики одинаково хорошо владели обеими руками. Герд по этому поводу выдвинул теорию: возможно, хомо сапиенс Земли на некотором этапе развития тоже свободно владели обеими руками, но в драках и сражениях, чтобы надежнее защитить сердце, они чаще брали оружие в правую руку. Как и в большинстве теорий Герда, в этой тоже был здравый смысл.

— Кто их сделал? — переспросил Бен. — Стенсон?

— Да, в своей мастерской. Завод электронного оборудования Непривилегированной Компании Заратуштры начнет их выпуск, — сказала

Сандра.

— Передайте мистеру Грего, что его электронный завод может начать рекламировать их. Комиссия по местным делам считает, что их может понадобиться очень много.

— Мисс Глинн, вы останетесь обедать с нами? — спросил Рейнсфорд.

— Благодарю вас, но я заберу Бриллианта домой.

— Я тоже заберу Пьеро и Коломбину, — сказал Кхадра. — Что вы собираетесь делать сегодня вечером?

— Займусь домашним заданием по языку Пушистиков.

— Почему бы мне не помочь вам с этим уроком? — поинтересовался Кхадра. — Я говорю с Пушистиками, словно один из них.

— Ну, если вам не трудно… — начала она.

Хеллоуэй улыбнулся.

— Кого вы пытаетесь обмануть, мисс Глинн? Взгляните в зеркало, разве какому-то Ахмеду будет слишком хлопотно учить вас языку Пушистиков? Был бы я лет на десять моложе, я бы оставил его с Пушистиками, а сам занялся бы вашими уроками.

Пьеро и Коломбина решили, что этот разговор

слишком скучен и не относится к ним. Они подкатили мяч к Кхадре и скомандовали:

— Мек кикко!

Кхадра кинул мяч, и тот, оторвавшись от земли, полетел в сторону. Пушистики побежали за ним.

— Доктор Мейлин сказал, что он осмотрел санаторий, — сказала Сандра.

— Да, это хорошее место. Вы были там? — спросил Хеллоуэй Кхадру.

— Это большое место, — сказал Кхадра. — Я видел его с воздуха, конечно. Они используют только десять процентов территории.

— Да. Мы заберем здание, предназначенное для нервнобольных, и квадратную милю парка вокруг него. Обнесем парк забором, чтобы Пушистики не заблудились и не погибли. Мы можем разместить там пятьсот-шестьсот Пушистиков, и они не почувствуют тесноты. Пройдет некоторое время, прежде чем это место заполнится полностью. Я думаю, через неделю там уже будет две с половиной сотни Пушистиков.

— Когда Бюро усыновления закрылось сегодня вечером, там приняли семьсот пятьдесят два заявления, — сказал Кхадра. — Джек, когда вы вернетесь в лагерь?

— Послезавтра. Я сам хочу удостовериться, что

работы в приемном центре начались. Может, мне удастся найти еще немного Рациона-три. Я хочу загнать в угол рыночных спекулянтов и сбить цены.

Пушистики загнали мяч в заросли кустарника и теперь пытались вытащить его. Сандра Глинн побежала помогать им, Бен Рейнсфорд пошел за ней. Кхадра сказал:

— Это, вероятно, сборище Хьюго Ингерманна.

— Поговорим об Ингерманне. Что есть нового о Керкеде и Новайсе? И о пяти Пушистиках?

— Клянусь, Джек, я начинаю думать, что Керкед и Новайс вместе с Пушистиками залезли в конвертор концентрированной энергии. Они бесследно исчезли.

— До телепередачи Вена они их не продали. После открытия Бюро усыновления все только и говорят о похищении, порабощении и тому подобном, поэтому никто не осмелится купить контрабандных Пушистиков. Значит, они не смогут продавать их. Следовательно, они просто постараются избавиться от них… Как? Вот что меня беспокоит. Если у них сохранился здравый смысл, они отвезут их на континент Бета и отпустят на свободу. Но все-таки я боюсь, что они их убьют. Все знают, что живой Пушистик может

многое рассказать, поэтому я думаю, что этих Пушистиков уже нет в живых.

— Не знаю, не знаю. Семьсот пятьдесят два заявления, — сказал Кхадра, — на сто пятьдесят Пушистиков. Возникает рынок контрабандных Пушистиков, Джек. Знаете, что я думаю? Кажется, этих Пушистиков привезли не для продажи. Возможно, Керкед и Новайс с кем-то еще тренируют их для отлова других Пушистиков. Как вы думаете, Пушистиков можно использовать для этого?

— Уверен, что да. Это именно то, чем занимаются наши Пушистики в лагере. Знаете, что думают Пушистики? Большое существо — хорошая вещь. Любой Пушистик, имеющий Большое существо, живет без забот. Каждый Пушистик может иметь Большое существо. Это говорит Маленький Пушистик, заманивая из леса в лагерь других Пушистиков. Ахмед, кажется, вы правы.

— Есть еще одно предположение. Если эти бандиты заключат сделку с каким-нибудь капитаном торгового судна, они смогут отправить с планеты целый корабль Пушистиков и получить огромные барыши. Когда новости о Пушистиках распространятся вокруг, их можно будет продать где угодно — на Земле, Обине, Фрае, Мердоке, Атоне, Бальдуре и на любой другой подобной

планете. Любой корабль может выйти на орбиту вокруг этой планеты, а если на его борту есть десантное судно, можно не пользоваться космодромом Непривилегированной Компании Заратуштры. До ближайшей планеты Джемили новости дойдут за месяц, значит, через два с небольшим месяца оттуда может прибыть корабль.

— Космопорт. Вот почему Ингерманн твердит о ликвидации Космической монополии Компании. Если у него будет собственный небольшой космопорт, тогда…

— Можно будет заняться контрабандой, — закончил Кхадра. — Не солнечные камни, так наркотики или Пушистики.

К ним приближались Рейнсфорд и Сандра Глинн. Сандра несла Бриллианта, Пьеро и Коломбина бежали за ней, а позади всех Флора и Фауна катили мяч. Джеку хотелось как можно быстрее поговорить с Рейнсфордом. Здесь нужен еще один закон, запрещающий вывозить Пушистиков с планеты. Никто раньше не думал о такой возможности. И надо сказать об этом Грего. Компания контролирует все нелегальные выходы в космос.

Лина Эндрюс выпрямилась и, оторвавшись от окуляра, закрыла глаза. Остальные четверо

мужчин и две женщины в лабораторных халатах сдвинули осветительные приборы, увеличители и камеры, убрали инструменты.

— Он не мог бы прожить и тридцати секунд, даже если бы родился в срок, — сказал один из мужчин. — И это ничего не добавляет к тому, что мы уже знаем об эмбриологии Пушистиков. — Он был эмбриологом, правда, людей Земли. — Я анатомировал пятьсот преждевременных выкидышей, но ни один из них не был в худшем состоянии, чем этот.

— Он был таким крошечным, — сказала одна из женщин — акушерка. — Я даже представить себе не могу, что это эквивалентно шестимесячному зародышу человека.

— А я могу, — возразил кто-то. — Я знаю, как выглядят молодые Пушистики. Во время суда я много времени провел с Малышом Джека Хеллоуэя. Я не думаю, что оплодотворенное яйцо Пушистика намного отличается от нашего, поэтому можно предположить, что здесь нарастает постоянно прогрессирующее отклонение. Я бы сказал, недоразвитость.

— Это можно исправить, док. Вы можете предположить, почему этот плод недоразвит?

— Нет, не могу.

— Они пришли с севера континента Бета. Там велась разведка только с воздуха. Вы не знаете, какой там уровень радиации? Я видел фотографии жертв радиоактивного облучения, возникшего в результате ядерных бомбардировок Третьей и Четвертой мировых войн, когда зарождалась первая Федерация.

— Территория эта не изучена, но обследована. Какая-нибудь достаточно сильная радиоактивность давно была бы замечена с Ксеркса.

— Черт побери, да этот плод мог быть зачат на площадке уранита размером со стол…

— А не может это быть результатом химического воздействия? Может, что-то было в пище беременной самки? — спросила вторая женщина.

— Жертвы талидомида! — воскликнул кто-то. — Первый век между Второй и Третьей мировыми войнами. Там у беременных женщин было то же самое.

— Все верно; пусть этим займутся биохимики.

— Крис Хоенвельд, — предложил кто-то из присутствующих. — Еще не поздно связаться с ним прямо сейчас.

У Пушистиков не было времени на коктейль, только Большие существа сидели вместе и де-

лали разговор Больших существ. Пушистики приходили перед обедом, кто раньше, кто позже, и интересовались пищей, в зависимости от того, какой была охота. Поев, они шумели и играли до тех пор, пока не уставали, а затем, собравшись в группы, лениво переговаривались перед сном.

Жизнь в лесу совсем не походила на эту. Когда солнце садилось, им надо было отыскивать безопасное место, где до них не могли добраться большие животные. В то время, как все собирались в кучу и спали, тесно прижавшись друг к другу, один из них должен был постоянно бодрствовать. Но здесь Большие существа держали больших животных на расстоянии и убивали их гремящей вещью, если те подбирались слишком близко. Это было безопасно. И Большие существа имеют вещь, которая делает свет даже тогда, когда небо совсем темное, и всегда светло, как днем. Там много развлечений и безопасно, об этом говорило много новых вещей. Это было хоксийитто, прекрасное место.

А сегодня они были очень счастливы, потому что вернулся паппи Джек.

Маленький Пушистик достал свою новую трубку, которую паппи Джек привез ему из места больших домов, набил ее табаком и достал

маленькую зажигалку. Некоторые из сидевших вокруг него Пушистиков, которые недавно пришли из леса, были напуганы. Они не пользовались огнем; когда огонь появлялся в лесу, это было плохо. То был дикий огонь. Большие существа приручили огонь, и если человек не трогал его и не отпускал на свободу, огня можно было не бояться.

— Завтра мы пойдем в другое место и все будем иметь Больших существ? — спросил один из Пушистиков. — У нас будут Большие существа, как у тебя Паппи Джек?

— Не завтра. И не на следующий день. Через день после этого, — он поднял три пальца. — Пойдем к летящей вещи и прилетим на ней к месту, подобному этому. Там вам понравятся Большие существа. Они полюбят вас, вы пойдете каждый со своим Большим Существом жить в месте этого Большого существа.

— В хорошие места, как это?

— В хорошее место. Не как это. Другое место.

— Не хотим, здесь хорошее место, здесь много развлечений.

— Тогда не пойдете. Паппи Джек не заставит вас идти. Хотите идти, тогда паппи Джек найдет для вас хорошее Большое существо.

— Если не хорошее? Если плохое для нас?

— Тогда придут Паппи Джек, паппи Джордж, дядя Ахмед, паппи Гейд, дядя Панко. Они сделают много грома для плохих Больших существ. БАНГ, БАНГ, БАНГ!

14

Мирра была раздражена.

— Здесь мистер Данбар. Шеф химиков из Института синтетической пищи, — сказала она так, словно он этого не знал. — У него какой-то пакет, и он говорит, что может передать его только вам лично.

— Это мой заказ, Мирра. Проводите его.

Держа под мышкой картонку, Малькольм Данбар протолкнулся в дверь приемной Мирры. Это, вероятно, еще больше разозлило ее. Данбар был слишком исполнительным. Как должностное лицо он мог отправить посыльного. Он положил коробку на угол стола.

— Вот, мистер Грего, это первая пачка. Мы закончили химический анализ. Этот препарат тождественен тому, что дали нам военные, и тому, что мы ввозили с Земли.

Виктор поднялся, обошел вокруг стола, вытащил из коробки светло-коричневую пластинку, отломил кусочек и попробовал его. Как и настоящий продукт, он имел слегка прогорклый, маслянистый и слегка сладковатый вкус, словно

человек, изготовивший его, считал, что есть для удовольствия — это величайший грех. Если бы кому-нибудь из людей это понравилось, его бы назвали чудаком, но Пушистики Пушистые Хеллоуэя были от него в восторге.

— Вы уверены, что есть его не опасно?

Данбар был оскорблен.

— Боже мой, мог ли я принести это для вашего Пушистика, если бы не знал, что это такое! Во-первых, все сделано строго в соответствии со спецификацией Вооруженных сил Земной Федерации. Основной наполнитель — пшеничная мука, которую используют как в синтетической пище Аргентины, так и в Диетическом-1. Остальное — химически чистые синтетические питательные вещества. У нас на заводе есть человек, который работал инженером-химиком на Диетическом-1, он контролировал все процессы. Мы проверили этот продукт на всех типах лабораторных животных: хомяках и типбарсах Уорана, а потом на кхелпсах Фрейна и макаках-резусах с Земли. Кхелпсам, — заметил он, — продукт не нравится, но он не повредил никому из них. Черт побери, пару часов назад я сам ел кекс, и, чтобы избавиться от привкуса, пришлось выпить пинту виски, — добавил мученик науки.

— Ладно, я допускаю, что это пригодно для потребления Пушистиками. К счастью, пятеро из них сейчас сидят у меня на веранде. Идемте.

В комнате Бриллианта находились: сам хозяин, Флора и Фауна, Пьеро и Коломбина. В саду было сыро — один из редких дождливых дней Мэллори-Порта. Они сидели на полу и складывали мозаику из цветных треугольников. Сандра Глинн читала в углу и вполглаза наблюдала за ними. Заметив вошедших, Пушистики вскочили на ноги и начали уикать, но, вспомнив о пушистофонах, быстро достали их и закричали:

— Хево, паппи Вик!

Грего попытался объяснить, что паппи Вик он только для Бриллианта, а для остальных дядя Вик, но Пушистики отказались делать какое-либо различие. Паппи для одного Пушистика — паппи для всех.

— Паппи Вик даст «лаци-тли», — сказал Грего. — Новый «Лаци-тли» очень хороший. — Он опустил ящичек, достал одну из пластинок, разломил ее на куски и раздал всем Пушистикам.

У Пушистиков были хорошие манеры: Пьеро и Коломбина, получившие лакомство первыми, держали свои куски, пока все остальные не получили свою порцию лакомства. Затем каждый из

них немного откусил от своей порции. Откусили и замерли.

— Не холосо, — заявил Бриллиант. — Не лаци-три. Хотил лаци-тли.

— Плохо, — высказалась Флора, выплюнув то, что держала во рту, и понесла остатки к мусорному ящику. — Лаци-тли хороший, это — нет.

— Выглядит лаци-тли. Во лту — не лаци-тли, — сказал Пьеро.

— Что они говорят? — спросил Данбар.

— Они говорят, что это вообще не Рацион-Три, и называют меня глупцом, если я думаю, что это так.

— Но взгляните, мистер Грего, это Рацион-три. Это химически идентично тому веществу, что они ели до сих пор.

— Пушистики — не химики. Они знают только одно: это одновременно и похоже, и не похоже на Рацион-три.

— По-моему, на вкус это именно Рацион-три…

— Вы не Пушистик, — сказала ему Сандра. Она повернулась к Пушистикам и объяснила им, что паппи Вик и другие Большие существа действительно думают, что это Рацион-три.

— Паппи Вик не знал, — подтвердил он им. — Паппи Вик хотел дать настоящий лаци-тли.

Грего взял коробку и отнес ее на кухню. Там он открыл один из шкафов и достал банку настоящего продукта. Осталась только дюжина упаковок, он сам стал экономить. Виктор разрезал кекс на шесть частей и, отложив одну часть на ужин Бриллианту, раздал куски гостям.

Данбар все еще доказывал Сандре, что вещество, которое они принес, было химически чистым.

— Малькольм, я верю вам. Дело в том, что Пушистикам плевать на химический состав, — он посмотрел на этикетку банки. — Ваш человек, кажется, работал в Диетическом-1? А это продукт синтетической пищи Аргентины. Что они использовали в Диетическом-2 в составе хлебного наполнителя? Местное зерно?

— Нет, они ввозят земную пшеницу, выращенную в долине Миссисипи в Северной Америке.

— Химически отличающаяся почва, другие бактерии. Черт, возьмите табак. Мы экспортируем его на все колонизированные планеты, и нигде нет табака, по вкусу похожего на наш.

— У нас есть Рацион-три, выпущенный Диетическим-1? — спросила Сандра.

— Умная девушка. У нас он есть?

— Да, вооруженные силы обеспечивают Дие-

тический-1.

— И Пушистики не видят различия?

— Нет, конечно. Джек Хеллоуэй купил Рацион-три у нас, и Пушистикам он понравился. Когда же они попали на Ксеркс, военные кормили их своими запасами. Какой наполнитель они использовали?

— Пшеницу, привезенную из Южной Америки и выращенную на континенте Гамма.

— Ну, Маль, вот и решение вопроса. Надо изучить это вещество на молекулярном уровне. Кто наш лучший биохимик?

— Хоенвельд.

— Пусть он поработает над этим. Здесь есть какое-то различие, и Пушистики это улавливают. Вы говорили, что вещество изготовлено по спецификации военных?

— Да, и оно полностью отвечает всем требованиям.

— На Ксеркссе у Напьера есть большие запасы Рациона-три. Он не дает их, потому что не может отдать весь свой запас. Попробуем с ним поменяться…

— Ну, вы совсем свихнулись на этом! — утверждал управляющий Заводом Синтетической пищи. — Пушистики постоянно едят Рацион-три,

они помешались на нем. Если они не едят ваше вещество, значит, это не Рацион-три.

— Послушайте, Зеб, будь я проклят, но я уверен, что это именно Рацион-три! Мы в точности воспроизвели его формулу. Спросите у Джо Вески, он работал на Диетическом-1…

— Все верно, мистер Фиш, процесс полностью совпадает с процессом на Диетическом-1…

— Как вы помните, — торжествующе закончил Фиш. — Может, вы что-то запомнили неправильно?

— Ничего подобного, Мистер Фиш. Взгляните, вот схема: мука — основной наполнитель — идет вот сюда, к этом пресс-печам…

Доктор Ян Кристиан Хоенвельд был раздосадован, потому что он был ученым, а Виктор Грего только бизнесменом, и он не пытался скрыть свою досаду.

— Мистер Грего, у меня сейчас слишком много работы. Доктор Эндрюс, доктор Рейнер и доктор Досихара просили меня выяснить биохимическую причину преждевременных родов среди пушистиков. А теперь вы хотите, чтобы я выяснил, чем для Пушистиков одна пачка Рациона-три отличается от другой. В городе есть оружейный мастер, над мастерской которого висит вывеска:

«В сутках двадцать четыре часа, и только один — мой!» Я неоднократно прикреплял такую же вывеску в своей лаборатории, — несколько мгновений он сидел, нахмурившись. — Мистер Грего, а не приходило ли в голову вам или кому-нибудь другому из института Синтетической пищи, что различие кроется во вкусовом восприятии Пушистиков, что оно отличается от вкусового восприятия землян?

— Я думаю, что Пушистики со своим чувством вкуса заткнут за пояс большинство знаменитых дегустаторов Галактики. Но я сомневаюсь, чтобы оно было точнее ваших анализов. Раз Пушистик по вкусу отличает наш продукт от изготовленного в Институте Синтетической пищи Аргентины, мы должны найти это отличие. Доктор, я не знаю никого, кто лучше вас мог бы справиться с этим. Вот почему именно вас я и прошу заняться.

— Ха! — неприветливо ответил доктор Ян Кристиан Хоенвельд. Последние слова ему польстили, но он не хотел этого показывать. — Ну, я сделаю все, что смогу, мистер Грего…

15

«Я должна примириться с доктором Мейлином. Я должна примириться с доктором Эрнстом Мейлином. Я должна…» Рут ван Рибик мысленно повторяла это, словно в сотый раз записывала эту фразу на воображаемой классной доске, в то время как аэробот, пролетая над городом, миновал высокую скалу дома Компании и широкое здание Центрального суда. Впереди простиралась зона санатория, где среди парка были разбросаны низкие белые коттеджи. Последний раз она видела Мейлина во время суда, но даже тогда она старалась говорить с ним как можно меньше. Одной из причин такого отношения к нему было то, что он сделал с четырьмя пушистиками. Панчо Убарра говорил, что у нее к тому же комплекс вины, потому что, кроме всего прочего, она представляла Пятую Колонну в Компании. Чепуха! Это была секретная работа, только поэтому она тогда не ушла из Компании Заратуштры. Она вообще не чувствовала за собой вины в том…

— Я должна примириться с доктором Эрнстом Мейлином, — сказала она вслух. — Проклятье,

уже пришло время сделать это.

— И я тоже, — сказал ее муж, стоящий рядом, — и он тоже будет стараться примириться с нами. Он еще помнит, как мой пистолет смотрел ему в спину в день убийства Златовласки. Знал бы он, чего мне стоило не нажать на курок…

— Панчо говорил, что характер у него исправился.

— Панчо недавно видел его. Может, он и прав. Во всяком случае, он помогает нам, а нам нужна любая помощь, какую мы можем получить. К тому же, работая с Пушистиками Ахмеда Кхадры и миссис Пэндервис, он не повредил им.

Пушистики, столпившиеся на грузовой палубе, были возбуждены. Там был установлен экран фронтального обзора, и они могли видеть, как опускается бот. Места, которые они пролетали, могли быть лесом паппи Джека, или паппи Герда, или дяди Панко. Маленький Пушистик говорил об этом и еще о том, что Большие существа придут и заберут их в другие хорошие места.

Рут надеялась, что большинство из них не будут разочарованы. Она также надеялась, что после усыновления все Пушистики останутся довольны.

Аэробот приземлился на превратившийся в

стекло каменный фартук возле здания. Это было действительно хорошее место. Джек говорил, что, хотя оно и предназначалось для душевнобольных, оно никогда не использовалось по назначению. Четырехэтажное здание с открытой террасой на каждом этаже и садом, разведенным на крыше. На каждом уровне натянута прочная сеть: Пушистики не смогут выпасть. Много деревьев и кустарников. Пушистикам должно здесь понравиться.

Они помогли Пушистикам спуститься на землю и подошли к встречающим. Миссис Пэндервис; Рут и жена главного судьи были старыми друзьями; Сандра Глинн, высокая рыжеволосая девушка, сестра Пушистика Виктора Грего; Ахмед Кхадра — новый штатский костюм слегка оттопыривался под его левой рукой. И полдюжины других людей, некоторые из них были ей знакомы по школе департамента и по отделу общественного здоровья. И, наконец, Эрнст Мейлин. Одетый в черное, он выглядел напыщенным педантом. «Я должна примириться…» Она протянула ему руку.

— Добрый день, доктор Мейлин.

Возможно, Герд прав; может, у нее просто возникло чувство вины за то, что она обманула его,

и вся ее ненависть возникла для того, чтобы оправдать себя.

— Добрый день, Рут… доктор ван Рибик, — поправился он. — Вы можете провести наших людей в здание? — спросил он, кивнув на полторы сотни Пушистиков, которые, возбужденно уикая, кружили в холле. Он назвал их людьми. Хотя он мог быть и не совсем искренним. — Мы организуем для них буфет. Рацион-три. Ну, и игрушки.

— Где вы достали Рацион-три? — спросила она. — За последнюю неделю мы не смогли получить ни крошки.

Мейлин загадочно улыбнулся, как улыбался тогда, когда был с кем-нибудь один на один.

— Мы получили его с Ксеркса. Компания приступила к выпуску Рациона-три, но Пушистикам он не понравился. Мы еще не знаем, почему — все было сделано точно по формуле. Мистер Грего договорился с коммодором Напьером обменять запасы военных на наш продукт. Теперь у нас есть около пяти тонн Рациона-три. Сколько вам надо для лагеря Хеллоуэя? Пары тонн хватит?

— Хватит ли пары тонн? Я даже не знаю, как вас благодарить, доктор Мейлин! Конечно, хватит. Сейчас мы даем нашим Пушистикам по четвер-

тинке кекса через день. («Я должна примириться с доктором Мейлином!») Почему им не понравился продукт, который начали выпускать ваши люди? Что-то не то?

— Мы не знаем. Мистер Грего кому-то поручил эту работу. Все было сделано точно в соответствии…

Когда Малькольм Данбар включил экран, на нем появился доктор Ян Кристиан Хоенвельд. Он не стал тратить время на приветствие и другие излишества.

— Кажется, что-то вырисовывается, мистер Данбар. И в Диетическом-1, и в Синтетической пище Аргентины есть один компонент, который отсутствует в вашем продукте. Это не синтетические питательные вещества, не витамины, не соединения гормонов. Это вообще не является результатом неправильного синтеза, это слегка запутанная цепочка органической молекулы. В основном, она состоит из водорода и углерода, но там есть несколько атомов титана. Если это именно то, чего Пушистики не нашли в вашем продукте, я могу только сказать, что они обладают более острым вкусовым восприятием, чем любое другое разумное и неразумное существо в Галактике!

— Правильно! Значит, так оно и есть. Я видел, как они с отвращением выплевывали наш Рацион-три и с великим удовольствием ели продукт Синтетической пищи Аргентины. Какой процент этих соединений содержится в веществе?

— Около одной десятитысячной, — ответил Хоенвельд.

— А титана?

— Пять атомов из шестидесяти четырех в молекуле.

— Это очень острый вкус, — Данбар на мгновение задумался. — Полагаю, все дело в пшенице. Все остальное синтезировано точно.

— Действительно, мистер Данбар. Вероятно, так будет записано в заключении, — покровительственно сказал Хоенвельд.

— У нас есть немного металлического титана. Это старые формы, которые мы заменили на стальные. Вы смогли бы синтезировать эту молекулу, доктор Хоенвельд?

Хоенвельд с неприкрытым презрением взглянул на него.

— Конечно, мистер Данбар. За полтора года. Как я понимаю, вы начали производить этот продукт, чтобы восполнить его нехватку на первые шесть месяцев. Спустя некоторое время Рацион-три

привезут с Мердока, поэтому я не буду зря тратить свое время.

Конечно, все завершилось коктейлем. Где бы не появлялись люди Земли, они сажали табак и кофе, чтобы иметь традиционную сигарету и чашечку кофе на завтрак. Куда бы они ни отправлялись, они берут с собой или отыскивают на месте C2H5OH, и каждый день около семнадцати часов — у них час коктейля. Туземцы планет Локи, Гимли и Тора считали это религиозными ритуалами. Даже на Шеше и Уллсре думали так же.

В общем-то, может, так оно и есть.

Сделав маленький глоток коктейля, Герд ван Рибик на мгновение отвлекся от разговора, в который был вовлечен, и прислушался к тому, о чем говорят ею жена, Клодетта Пэндервис, Эрнст Мейлин, Ахмед Кхадра и Сандра Глинн.

— Мы хотим продержать их здесь до конца недели, прежде чем начнем раздавать людям, — сказала жена главного судьи. — Рут, если вы останетесь с нами на несколько дней, вы поможете объяснить им, что их ждет в новых домах.

— И вы проведете курс лекций с людьми, которые усыновят их, — сказала Сандра Глинн. — Как обращаться с Пушистиками. Я думаю, это будут

вечерние занятия. Ну, и начальный курс языка.

— Знаете, — сказал Мейлин, — я думаю передать несколько Пушистиков санаторию. Пусть они навещают больных. Они могут понравиться пациентам. Вы же знаете, у них нет совершенно никаких развлечений.

Это было похоже на Эрнста Мейлина. Раньше, казалось, он вообще не задумывался о развлечении для других. Может, именно Пушистики научили его этому?

Люди, с которыми выпивал Герд, были из Научного Центра и Отдела общественного здоровья. Одна женщина, гинеколог, поинтересовалась, что сумел обнаружить Крис Хоенвельд.

— А что он мог обнаружить? — спросил патолог Рейнстер. — У него только один образец да и вряд ли там можно что-нибудь найти. Вероятно, все дело в метаболизме матери. Конечно, это может быть и радиоактивность, но то, что мы видели, кажется, является характерной особенностью этой расы. Думаю, мы можем найти что-нибудь в диетических пристрастиях Пушистиков.

— Сухопутные креветки, — предположил кто-то. — Насколько я знаю, их не ест никто, кроме Пушистиков. Это правда, Герд?

— Да. До открытия Пушистиков мы думали, что

они вообще не имеют естественных врагов. Но, изучая Пушистиков, мы убедились, что они не едят то, что им может повредить.

— Они не берут то, что вызывает боль в животе или похмелье. Тут есть прямая связь. Но Пушистики не могут осознать причину этих несвершившихся родов, которые мы исследуем. Я согласна с тем, что это, вероятно, обычная вещь для Пушистиков. Может, связь с этим кроется в пище сухопутных креветок?

— Исследуйте это. Пусть этим займется Крис Хоенвельд.

— Попросите его. Или пусть лучше это сделает Виктор Грего; он не выбросит Грего из лаборатории. Крис выходит из себя, услышав о Пушистиках. Они отнимают у него уйму времени.

— Ну, нам придется изучить еще не один утробный плод. У нас здесь сто пятьдесят Пушистиков, и мы должны найти…

— Изолировать всех беременных самок. Попросите миссис Пэндервис не раздавать их…

— …сами можем усыновить их…

— …микрохирургия… оплодотворит яйцеклетку…

У Рут и Джека Хеллоуэя даже в мыслях не было этого, когда они отправляли Пушистиков в Мэл-

лори-Порт. Но они знали — если не сделать что-то сейчас, через несколько поколений здесь вообще может не остаться ни одного Пушистика. Если некоторые из них пострадают сейчас…

— Ну, если бы Златовласка не была убита, признали бы Пушистиков разумными или нет?

— Титан? — воскликнул Виктор Грею. — Это интересно.

— Это все, что вы можете сказать, мистер Грего? — спросил с экрана Данбар. — Это невероятно. Я проверил. Титан на этой планете очень редкий металл, как кальций на Уллсре. Он только присутствует, вот и все. Держу пари, мы ввезли его семь лет назад больше, чем его было на всей этой планете.

Конечно, это было большим преувеличением. Он есть, и это факт, но они не могли извлечь его, используя какой-нибудь коммерчески выгодный процесс. Поэтому все, что на других планетах делают из титана, на Заратуштре изготовляли из легких сплавов и стали. В пшенице, выращенной на Земле, титан мог присутствовать как рассеянный микроэлемент, но в пшенице, выращенной на Заратуштре, его не было.

— Жаль, — сказал Грего, — кажется, мы застряли. Как вы думаете, Крис Хоенвельд может

синтезировать эту молекулу? Мы добавим ее к другим составным частям…

— Он говорил, что сможет, но ему понадобится полтора года. Если не будет вашего категорического приказа, он не станет даже пробовать.

— К тому времени у нас будет столько Рациона-три, сколько нам будет надо. Ну, Пушистики, включая и моего, некоторое время обойдутся без него.

Он отключил экран и, закурив сигарету, глянул на глобус Заратуштры, сделанный Генри Стенсоном и позволяющий определять время. Был еще целый час до того, как Сандра Глинн вернется из нового Центра усыновления. Бриллианта она отвела в дом Правления. И Лесли не сможет выпить с ним коктейль сегодня вечером. Он отправится на континент Эпсилон, чтобы поговорить с людьми о том, что нельзя говорить по видеосвязи. Бен Рейнсфорд разослал вызовы делегатам на выборы конституционной конвенции, а они хотели провести своих собственных кандидатов. Все шло к тому, что сегодня вечером Виктору Грего придется пить коктейль только с шефом не привилегированной Компании Заратуштры, то есть с самим собой. Неплохо, если бы кто-нибудь из них был здесь.

Титан, подумал Грего с отвращением. Здесь что-то кроется. Как называется это вещество? Ах, да! нимфомонический металл. При нагреве он может сочетаться с другими веществами. Мысль возникла внезапно, словно пришла из какого-то другого пространства. Он остановился посреди кабинета и прикрыл глаза. Осознав все, он бросился к экрану связи и набрал комбинацию Малькольма Данбара.

Прежде чем Данбар ответил, прошло несколько минут. Он появился в пальто и шляпе.

— Я уже собрался уходить, мистер Грего.

— Я вижу. Этот человек, Вески, который работал на Диетическом-1, он где-нибудь рядом?

— Да нет. Он уехал двадцать минут назад, и я не знаю, где его можно найти.

— Ладно, свяжусь с ним утром. Послушайте, из чего сделаны ваши пресс-печи и формы?

— Из легкой нержавеющей стали нашего производства. Почему это вас заинтересовало?

— Спросите у Вески, какие печи использовались на Диетическом-1. Может, они были из титана. Только не намекайте на ответ.

Глаза Данбара расширились. Он тоже слышал о химической нимфомании титана.

— Конечно, они используют титан. И на Син-

тетической Пище Аргентины тоже. Послушайте, давайте я попрошу полицейских, она за полчаса найдут Джо.

— Нс беспокойтесь, это подождет до утра. Я сам сначала хочу проверить, что из этого получится.

Он отключил экран и вызвал Мирру Фалладу. Она никогда не уходила домой раньше него.

— Мирра, пожалуйста, принесите мне пять фунтов чистой пшеничной муки, только убедитесь, что она смолота из зерна, выращенного на Заратуштре. Через пятнадцать минут отправьте ее сюда.

— Через пятнадцать минут? — переспросила она. — Это для кого, для Маленького монстра? Хорошо, мистер Грего.

Он забыл о коктейле, который должен был разделить с Виктором Грего. Когда работа двигается, о выпивке, как правило, забывают.

Когда Сандра Глинн принесла Бриллианта в его комнату, из кухни доносился грохот. Она открыла дверь и заглянула туда. Пушистик, раздвинув ее колени, заглянул тоже. Грего что-то пек в помятой старой кастрюле, которую она никогда раньше не видела. Он оглянулся и сказал:

— Хей, Сандра, хево, Бриллиант. Возьми пушистофон, у паппи Вика нет слухового аппарата.

— Что делает паппи Вик? — спросил Бриллиант.

— Я тоже хотела бы знать это.

— Сандра, пусть ваши пальчики останутся чистыми. Когда это варево будет готово и подрумянится, посмотрим, понравится ли оно Бриллианту. Кажется, мы нашли, что надо делать с нашим Рацион-три.

— Лаци-тли? Вы сделали Лаци-тли? Настоящий? Не как тот? — хотелось знать Бриллианту.

— Попробуешь, — сказал паппи Вик. — И скажешь, хороший он или нет. Паппи Вик еще этого не знает.

— Что это на самом деле? — спросила Сандра.

— Хоенвельд обнаружил, что отсутствует в нашем Рационе-три, — объяснение было слегка путаным: она скорее прослушала, а не изучала курс химии. Но общий смысл до нее дошел: Рацион-три, который нравится Пушистикам, надо печь в титановых формах. — Это кастрюля сделана из титана, я привез ее с Земли. — Дав белому массиву подрумяниться, Грего снял кастрюлю с печи, обжег пальцы и выругался — словом, как любой мужчина на кухне. — Как только остынет…

Бриллиант понюхал то, что получилось, и хотел

сразу же попробовать, но потом все-таки решил подождать. Взявшись за изогнутые ручки, Виктор и Сандра перенесли кастрюлю в комнату Пушистика. Мистер Грего положил небольшой кусок получившегося продукта на тарелку и подвинул ее Бриллианту. Тот взял маленький кусочек и осторожно попробовал. Затем он начал быстро запихивать кусок себе в рот.

— Мастер мысли потерпел крах, — сказала Сандра. — Ему действительно понравилось.

Бриллиант весьма быстро расправился с кексом.

— Вам понравилось? — спросила Сандра Пушистика. — Хотите еще?

— Отдайте ему остатки, Сандра. Я вызову доктора Яна Кристиана Хоенвельда, пусть он поэкспериментирует. А после этого, мисс Глинн, вы не окажете мне честь выпить со мной коктейль?

Джек Хеллоуэй засмеялся.

— Так вот в чем дело! Как вы это обнаружили?

— Мейлин только что сообщил мне, а ему сказал Грего, — ответил с экрана Герд ван Рибик. — Они уже начали убирать формы из нержавеющей стали и заменять их на титановые. Джек, у вас есть какая-нибудь титановая посуда?

— Нет, у нас все из стали. Но у нас есть листо-

вой титан: дом, старый ангар и навес сделаны из титана. Мы можем класть титан в пищу. Нарежем кусками и положим в чайник. Это должно сработать.

— Будь я проклят, — сказал Герд. — Я об этом не подумал. Держу пари, об этом не подумал никто.

Доктор Ян Кристиан Хоенвельд был раздражен и смущен, но больше раздражен. Он открыл неизвестную цепочку молекулы в широко распространенном продукте. Никто из биохимиков даже не подозревал о ее существовании. Он не мог понять, как это случилось; случайный эффект в одном из производственных процессов, но поскольку вещество было безвредным и питательным для людей и других живых форм со сложной биохимией и обменом веществ, никто до сих пор не искал его. Только маленькие животные — нет, люди, это доказано наукой — по вкусу обнаружили его отсутствие. Подобное случалось довольно часто. Он гордился завершенной работой, он хотел назвать только что открытое вещество Хоенвельдом. К тому же он мог разработать способ его синтеза, но с применением научных методов на это ушел бы год. Он знал это и говорил об этом всем.

А что же вышло? В течение одного дня вещество

было синтезировано, если, конечно, так можно было выразиться, рядовым любителем, дилетантом, полным профаном. И не в лаборатории с новейшим оборудованием, а на кухне, в старой и помятой кастрюле.

И самым худшим из всего этого было то, что этот дилетант, этот эмпирик был его работодателем. Просьба главы Компании Заратуштры просто не могла быть выполнена. Ни им, ни учеными Компании.

Ну ладно, Грего нашел то, что хотел, об этом теперь можно не беспокоиться. Он уже вел работу: досконально, долгосрочное изучение различий биохимии жизни Земли и Заратуштры. Различия небольшие, но они есть, и поэтому должны быть найдены и изучены совершенными научными методами. А теперь они хотят подсунуть ему проблему детской смертности Пушистиков и преждевременных родов. Но существуют ли эти проблемы? Был всего один-единственный случай — это шестимесячный плод, который передала ему Эндрюс, но у них много не доказанных теорий Герда ван Рибика. Кроме всего этого, они хотят выяснить, не являются ли сухопутные креветки причиной преждевременных родов. Возможно, изучив за год сотни случаев, они могли бы на-

звать это проблемой…

Он встал и медленно прошелся вдоль лабораторных столов. Здесь находились десять человек. Восемь из них занимались новыми разработками, которые возникли после того, как Герд ван Рибик, ткнув пальцем в небо, отвлек всех от серьезно спланированных научных исследований. Он остановился у одного стола, за которым работала женщина.

— Мисс Тресса, не могли бы вы сохранять свое рабочее место в лучшем порядке? — сказал он. — У каждой вещи должно быть свое место. Над чем вы работаете?

— У меня есть некоторые предположения относительно хокфусина.

Предположения!! Они насквозь поразили весь научный центр. Слишком много предположений и ни одной удовлетворительной теории.

— Так мистер Грего предложил называть титан от двух слов Пушистиков: хокки фуссо, прекрасная пища. На языке Пушистиков так называется Рацион-три.

Хокфусин! Ну и ну!.. Значит, в научной терминологии появятся слова Пушистиков.

— Ну, не забудьте ваши предположения, — сказал он ей. — У беременной самки, которую они

хотят проанализировать, взято много образцов, органических веществ, крови, выделений тела, гормонов и тканей. Кажется, они хотят получить все анализы немедленно. И уберите хаос на вашем столе. Я уже не раз говорил вам, что первым достоинством в научной работе является порядок.

16

Они были в гостиной Джека, которая выглядела почти так же, как в первое прибытие сюда Герда ван Рибика. Рут и Юана Джименза, когда они без малейшей мысли о лишении Компании прав прибыли познакомиться с Пушистиками. За две недели, что Рут и Герд были в Мэллори-Порте, сюда прибыло новое оборудование, внесшее некоторый беспорядок. Но здесь осталась крепкая, удобная мебель, сделанная Джеком, разбросанные по полу шкуры степняков и кустарникового домового, а также оружейная пирамида и скатанное белье под ней.

Их было пятеро, как и в тот вечер, три месяца назад; а может, прошло три столетия? Юан Джименз и Бен Рейнсфорд отсутствовали, но их заменили развалившийся в одном из глубоких кресел Панчо Убарра и сидевшая возле Рут Лина Эндрюс. Джек сидел в кресле за своим письменным столом, стараясь не дать Малышу взобраться ему на голову. Посреди комнаты на полу играли взрослые Пушистики. Здесь было место семейства Джека, и другие Пушистики не вторгались

на эту территорию. Они складывали мозаику, привезенную из Мэллори-Порта.

Джек был рад, что они не играли набором моделей молекул. За последние две недели он видел столько моделей, что хватит на всю его оставшуюся жизнь.

— И мы вообще ничего не можем поделать с этим? — спросила Лина.

— Нет. Никто ничего не может сделать. Люди в Мэллори-Порте пытались. Они исследуют все, но это только позволит написать научно обоснованную эпитафию расе Пушистиков.

— А не могут они как-нибудь исправить положение?

— Его невозможно исправить, — ответила Рут. — Это не связано ни с диетой, ни со средой обитания, ни с какими-нибудь внешними воздействиями. Это гормоны, вырабатываемые их телами, и они препятствуют нормальному развитию зародыша. Не поможет даже хирургическое вмешательство, ампутация желез, вырабатывающих эти гормоны. Это приведет только к бесплодию.

— Но это срабатывает не всегда, — сказал Джек, снимая Малыша со своего плеча. — Однако Малышу гормоны не помешали.

— По-видимому, это срабатывает в девяти случаях из десяти. До сих пор у нас было десять родов, и только один Пушистик родился нормальный и здоровый, все остальные роды были преждевременными. Рождались либо мертвые детеныши, либо они умирали в течение ближайшего часа.

— Но ведь есть исключения. Малыш и тот в приюте Пушистиков, — сказала Лина. — Может быть, можно вычислить, как умножить эти исключения?

— Они работают над этим, — ответил ей Герд. — Как и хомо сапиенс Земли, у Пушистиков есть ритм оплодотворения и менструальный цикл. По-видимому, выход гормонов тоже цикличен. Когда две фазы совпадают, рождается нормальный здоровый ребенок. Такое случается не часто. Изменения надо вносить индивидуально, каждой самке, но как это осуществить, никто себе даже не представляет.

— Но, Герд, я чувствую, здесь есть разгадка, — возразил Панчо. — Я знаю, чувство — это ничто, но это не подвластно мне. Невежество рационально. Подумай, эти гормоны являются характерной чертой расы. Они передаются по наследству, значит, приедается по наследству тенденция к выкидышам, преждевременным родам и дет-

ской смертности. Какой из этого можно сделать вывод?

— Ну, это дает не так уж много. Мы совершенно ничего не знаем об истории расы Пушистиков и почти ничего об истории этой планеты. Предположим, что пятьдесят тысяч лет назад здесь были миллионы Пушистиков, а состояние окружающей среды в корне отличалось от настоящего. Что-то в окружающей среде или какая-то часть их рациона, которая теперь исчезла, вызвали продуцирование этих гормонов, чтобы защитить эмбрионы Пушистиков от вредного воздействия. Затем окружающая среда изменилась: заморозки, ледниковый период, колебание уровня морей — я могу придумать еще дюжину причин — а теперь, после адаптации к первоначальным условиям, они никак не могут адаптироваться к изменившимся условиям. Мы наблюдали подобное на каждой планете, которую изучали. На одной только Земле зарегистрированы сотни подобных случаев. Пушистики попали в генетическую ловушку, откуда никак не могут выбраться, а мы не в состоянии вытащить их оттуда.

Они взглянула на Пушистиков. Шесть счастливых маленьких человечков передвигали разноцветные квадраты, создавая бесполезный,

но восхитительный рисунок. Они были счастливы в своем неведении.

— Если мы узнаем, сколько детей в среднем может иметь самка на протяжении своей жизни и сколько у нее бывает выкидышей, мы сможем математически вычислить все это. Десять маленьких Пушистиков, восемь маленьких Пушистиков и, в конце концов, ни одного маленького Пушистика.

Маленький Пушистик решил, что говорят о нем. Он вопросительно поднял глаза.

— Ну, они все же не исчезнут за несколько минут, — сказал Джек. — Думаю, они еще переживут меня и вас тоже. И пусть люди, оставшиеся после нас, так же хорошо относятся к Пушистикам, как мы, и сделают их по возможности еще счастливее… Да, Малыш, если хочешь, можешь сесть паппи на голову…

17

Лучшее время для выступления в телепередачах политических деятелей было между двадцатью и двадцатью одним часом. Люди были расслаблены и еще не начали уходить из дома или принимать гостей. Правда, это время не совсем подходило для других континентов, но восемьдесят процентов населения планеты было сосредоточено на Альфе. Хьюго Ингерманн всегда называл это время зоной молчания. Обычно оно было забронировано, и он хотел изменить существующий порядок с помощью Лиги правления горожан. В это время Бен Рейнсфорд отчитывался о своем правлении. Могла идти лекция на тему «Забота о Пушистиках и их питании». Теперь он сам получил возможность выступить в это время. Диктор повторил:

— Важное сообщение всем гражданам колоний. Пользуясь правом демократического самоуправления и в силу решения Пэндервиса, сейчас выступит почтенный Хьюго Ингерманн, организатор и руководитель Партии процветания планеты. Итак, мистер Ингерманн.

Луч света переместился и осветил Ингерманна. Он приветственно поднял руку.

— Мои… друзья! — начал он.

В душе Фредерика Пэндервиса поднималось холодное раздражение. Для него местное Бюро усыновления не было абстракцией, оно ассоциировалось с его женой, Клодеттой. Он лично отвечал за нее, а судья никогда ни за кого не должен отвечать. Он смотрел на человека с вежливым лицом и широкими голубыми глазами, горящими наигранной искренностью. Он смотрел на экран и подбирал в уме кандидатуры своих возможных секундантов. Как и на других планетах, на Заратуштре дуэли не были запрещены, но судья не должен был сам участвовать в дуэлях. Но самое худшее, думал он, когда придется выступать в суде против Ингерманна — тот может намекнуть, что все это личная месть.

— Это позорная репутация, — заявил Ингерманн. — Репутация, попахивающая фаворитизмом, несправедливостью и предвзятостью. Было принято тысяча двести заявлений. Две сотни были отклонены сразу, без всяких видимых причин…

— Психическая или эмоциональная неустойчивость, неспособность содержать Пушистиков,

заботиться о них, безответственность, плохой характер, неподходящие домашние условия, — перечислила Клодетта в сильном раздражении.

Пьеро и Коломбина, сидевшие на полу с лентой Мебиуса, сделанной кем-то из длинной полоски, быстро взглянули вверх, а затем, решив, что все это относится не к ним, а к сумасшедшему на стене, снова вернулись к своим вычислениям, которая же сторона ленты является лицевой, а которая — обратной.

— Из оставшейся тысячи заявлений было удовлетворено только триста сорок пять, в то время как с момента открытия Бюро усыновления сюда было привезено шестьсот шестьдесят шесть Пушистиков. Сто семьдесят два заявителя взяли по одному Пушистику, сто пятьдесят пять — по два, а восемнадцать особо приближенных взяли восемьдесят четыре Пушистика.

Все эти Пушистики, почти без исключения, пошли к выдающимся личностям социальной и политической сфер, «живущим в сверх-достатке». Как вы можете из этого понять, бедным людям практически невозможно получить Пушистиков. Взгляните, Пушистиков имеют те, кто учреждает законы о Пушистиках, если так можно назвать указы правителя, навязанного

нам штыком. Первый ордер на усыновление был выписан — угадайте, кому? Виктору Грего, руководителю новой не привилегированной Компании Заратуштры. Следующая пара пошла мистеру Фредерику Пэндервису и его жене. А кто она? Конечно, сердце Бюро усыновления! Посмотрите на другие имена! Девять десятых среди них — служащие Компании Заратуштры, — он поднял руку, словно прося тишины во вспышке справедливого негодования. — Я не хочу сказать, что здесь есть коррупция и взяточничество…

— Проклятье! Очень хорошо, если не хочешь! А если скажешь, я не стану привлекать тебя за клевету, я тебя просто пристрелю! — рявкнул Пэндервис.

— Меня нельзя обвинить ни в том, ни в другом, — спокойно сказала его жена. — Но я отвечу ему. Под детектором *лжи*. Хьюго Ингерманн никогда не отважится проделать то же самое.

— Клодетта! — судья был потрясен. — А если показать это в телепередаче?

— В телепередаче? Люди не смогут проигнорировать такое. Если я сделаю это, я докажу свою честность. Я отвечу на клевету, и люди увидят истину.

— А кто платит за все это? — спрашивал Ин-

германн с экрана. — Правительство? Когда космический коммодор Напьер под дулом пистолета познакомил нас с этим правительством, на счету Компании в банке Мэллори-Порта было около полумиллиона солей. С тех пор правитель Рейнсфорд позаимствовал в банковском Картеле около полумиллиона солей! А как Бен Рейнсфорд собирается отдавать долг? Подогнать колониальную законодательную власть под свои запросы и отобрать все это у нас! А вы знаете, на что он потратил миллион из ваших денег? На проект увеличения процента рождаемости Пушистиков! Так что будет все больше и больше Пушистиков для его друзей, а для нас будет все больше и больше налогов…

— Черт побери, он же отъявленный лжец! — сказал Виктор Грего. — За исключением небольших работ Рут ван Рибик, ее мужа, Панчо Убарры и Лины Эндрюс, работающих на Хеллоуэя, Компания оплачивает все научные исследования. Я объясню это акционерам.

— А к чему приведет эта гласность? — спросил Кумбес.

— Вы же политический эксперт, что вы на это скажете?

— Я думаю, это может помочь. Это поможет и

нам, и Рейнсфорду. Только все-таки не надо делать это самим. Я поговорю с Гусом Бранхардом. Пусть это как-то просочится в прессу от Джека Хеллоуэя.

— Вероятно, миссис Пэндервис захочет сделать заявление. Ей известны некоторые факты. Пусть она расскажет это.

— Он говорит о Пушистиках? — спросил Бриллиант, зачарованно наблюдавший за Хьюго Ингерманном.

— Да. Но только он не любит Пушистиков. Плохое Большое существо. Тошка хагга.

Ахмед Кхадра выдохнул сигаретный дым в лицо на экране. Хьюго Ингерманн, однако, продолжал говорить:

— Ладно, несколько политиков и исполнителей Компании получили Пушистиков. Почему бы не заставить платить за это их, а не обыкновенных людей планеты? Почему бы не назначить плату за усыновление, скажем, от пятисот до тысячи солей? Каждый, кто получил Пушистиков, может легко выплатить эту сумму. Это может погасить часть издержек на содержание комиссии по местным делам и…

— Так вот чего тебе надо! Оплачивать усыновление Пушистиков… Черный рынок не может

конкурировать с бесплатными Пушистиками, поэтому вы подкидываете идею Бюро усыновления — назначить цену в пятьсот солей за каждого усыновленною Пушистика… Так вот что ты хочешь, сын кхугры? Конкурирующий рынок!..

18

— Вы получили это от одного из моих лаборантов? — воскликнул Ян Кристиан Хоенвельд. — Это, случайно, не Шарлотта Тресса?

Он находился в своем углу биохимической лаборатории, через стекло за его спиной Юан Джименз мог видеть работающих людей. Там же, вероятно, был и его информатор. Он проигнорировал тон и манеры человека на экране.

— Это так, доктор Хоенвельд. Я встретил мисс Тресса в баре. Она и несколько других людей из научного центра дискутировали о различных фазах научных исследований Пушистиков, и она упомянула, что нашла хокфусин или его аналог в пищеварительном тракте сухопутной креветки. Это было неделю назад. Она доложила об этом вам сразу, а вы должны были тотчас же доложить мне. Почему вы этого не сделали?

— Потому что не нашел нужным, — огрызнулся Хоенвельд. — Во-первых, она вообще не должна была работать с сухопутными креветками и хокфусином. — Он словно выплевывал слова. — Она должна была искать известные гормоны в хао-

се кишок и всякой дряни, которую вы свезли в мою лабораторию со всей планеты. А во-вторых, это был только намек на присутствие титана, и, вероятнее всего, она сама загрязнила пробу. А последнее, — бушевал Хоенвельд, — так это по какому праву за мой спиной вы опрашиваете моих лаборантов?

— Вы хотите знать? Пожалуйста. Они не ваши лаборанты, доктор Хоенвельд, они служащие Компании Заратуштры, как и вы сами. И я тоже. А биохимическая лаборатория — не ваши частные владения. Это часть научного центра, в котором я являюсь главой отделения, и с моего места различие между вами и Шарлоттой едва заметно. Ну, что же вы сникли, доктор Хоенвельд?

Хоенвельд смотрел на него так, словно в его голову только что выстрелили из пистолета. Юан и сам был слегка удивлен. Месяц назад он не мог даже и мечтать говорить так с кем-нибудь, тем более, с человеком намного старше его и с такой внушительной репутацией, как Хоенвельд.

Но как глава отделения он мог позволить себе это, тем более, что здесь должен быть только один глава отделения.

— Я осведомлен о вашем недавнем продвижении, доктор Джименз, — кисло ответил Хоен-

вельд. — Через головы дюжины людей.

— Включая и вашу. Ладно, так скажите же лучше, почему вы упустили это? Я не собираюсь делать вашу работу, но если вы не можете или не хотите делать ее, я легко могу вас заменить кем-либо.

— А что, по-вашему, нам делать? Каждый лесничий и охотник Компании отстреливает все, от чертова зверя до полевой мыши, и сваливает их пищеварительные тракты и органы размножения в мою… прошу прощения, я хотел сказать, в лабораторию непривилегированной Компании Заратуштры.

— Обнаружили ли вы еще где-нибудь присутствие этих гормонов?

— Результаты отрицательные. У них нет желез, вырабатывающих эти гормоны.

— Тогда прекратите их изучение. Я сразу же прикажу остановить сбор образцов. Только повторите анализы сухопутных креветок, я хочу точно знать, что обнаружила в них мисс Тресса, настоящий это хокфусин или его аналог. Я хочу знать, откуда он берется в организме сухопутных креветок и где он там сосредотачивается. Я предлагаю, вернее, приказываю: пусть мисс Тресса сама работает над всем этим.

— Эрнст, какое у вас мнение о Крисе Хоенвельде? — спросил Виктор Грего.

Мейлин нахмурил брови, как делал всегда, когда думал серьезно и взвешивал каждое слово.

— Доктор Хоенвельд — наш наиболее выдающийся ученый. У него энциклопедические знания и мертвая хватка на подчиненных, непогрешимая память и способность прилагать огромные усилия в работе.

— Это все?

— Этого недостаточно?

— Нет. Компьютер имеет все это в гораздо большей степени, но он не сможет сделать научное открытие и за миллион лет. Компьютер не имеет воображения. Хоенвельд — тоже.

— Ну, я допускаю, что воображения у него маловато. Почему вы спрашиваете о нем?

— У Юана Джименза с ним неприятности.

— Я могу поверить в это, — сказал Мейлин. — Хоенвельд имеет одну характерную особенность, отсутствующую у других людей: эгоизм. Джименз жаловался вам?

— Черт побери, нет. Он загонял весь научный центр, но не обратился за помощью к Большому брату. Я получил эти сведения неофициально, от его сотрудников. Юан поставил Хоенвельда на

место; теперь он делает то, что должен делать.

— Ладно, а как насчет гормонов?

— Никак, все основано на гиперуправлении. Пушистики сами продуцируют их, и никто не знает, зачем. Главным образом, кажется, это связано с пищеварительной системой, а оттуда они попадают в кровеносную. До сих пор у нас было тридцать шесть родов, и только три из них были нормальными.

С террасы донесся счастливый рокоток голосов Пушистиков. Чтобы говорить друг с другом, они воспользовались пушистофонами, они хотели говорить как хагга. Бедная маленькая гибнущая раса, идущая к своему закату…

Здесь совершенно ничего не осталось от прежнего комфорта, думал Джек Хеллоуэй. Месяц назад здесь были только Герд, Рут, Лина Эндрюс, Панчо Убарра и Джордж Лант со своим человеком, которого он забрал с собой из полиции. Перед обедом они вместе пили коктейль, ели за одним столом, и каждый знал, кому и что надо делать. И около них находились только сорок или пятьдесят Пушистиков.

А теперь Герд имел трех ассистентов, Рут забросила работы по психологии Пушистиков и помогала ему во всем, хотя Джек не был уверен,

что это было необходимо. Панчо только и делал, что совершал ежедневные рейсы в Мэллори-Порт и обратно. И Эрнст Мейлин прилетал, по крайней мере, раз в неделю. Забавно, что он считал Мейлина твердолобым ублюдком, а теперь вдруг понял, что тот ему немного нравится. Даже Виктор Грего прилетал на уик-энды, и все его полюбили.

У Лины тоже была пара помощников. На ее попечении был госпиталь, клиника в школе для Пушистиков, где они изучали язык землян, пользование пушистофонами и странные обычаи хагга. В школе работали несколько старых перечниц, которых Рут обманом увезла из школ Мэллори-Порта, но основные обязанности взяли на себя Маленький Пушистик, Ко-Ко, Золушка, Колымага Бордена и Заморыш.

Джек не мог теперь переговариваться с Джорджем Лантом, потому что их кабинеты были расположены в разных концах длинного дома и были разделены ста двадцатью футами кабинетов и контор, забитых столами, деловыми бумагами, клерками-автоматами и людьми, их обслуживающими. Он имел теперь секретаршу, у которой была собственная стенографистка.

Вошел Горд ван Рибик. Он бросил шляпу на ящик с микрофильмами и отстегнул кобуру с

пистолетом.

— Джек, есть что-нибудь новенькое? — спросил он.

Герд и Рут в конце недели улетали к югу. Должно быть, это было забавно, когда Комплекс, Суперэгоист, Живодер и Бедный Ян с аэробота Герда проверяли посты, которые Лант выставил вдоль края больших лесов.

— Я сам хотел спросить вас об этом. Где Рут?

— Она с Комплексом и Суперэгоистом поживет недельку на Кайтландских плантациях. Там скопились от пятидесяти до семидесяти пяти Пушистиков. Она учит их не уничтожать молодые побеги плантаций сахарного тростника и помогает людям общаться с Пушистиками. Что нового в Мэллори-Порте?

— Этих гормонов нигде больше нет, но, кажется, они нашли что-то интересное в сухопутных креветках.

— Больше ничего? — Герд уже слышал о хокфусине. — Они знают, что это такое?

— Это не хокфусин. Скорее, это какая-то соль титана. Сухопутные креветки поедают титан, содержащийся во мху, грибах и других растениях. Съев тонну пищи, они получают около десяти атомов соли. Но они фиксируют ее где-то в прямой

кишке. У меня есть большая подробная статья об этом. Пушистики в своем пищеварительном тракте превращают соль во что-то еще. Чем бы это ни было, при помощи хокфусина достигается лучший эффект. Они над этим еще работают.

— Пушистики все время едят сухопутных креветок, которых развелось очень много после этого Скачка. Хотел бы я знать, что они ели раньше, на севере.

— Ну, мы знаем, что, кроме затки, они едят еще и пищу, которую мы им даем. Возможно, они ели каких-нибудь мелких животных, которых могли убить своими палками, фрукты, яйца птиц, личинок, наконец, маленьких желтых ящериц.

— Что делают люди Пейна на севере, кроме того, что выискивают несуществующих ловцов Пушистиков?

— Почти ничего. Они проводят воздушное патрулирование, фотографируют местность и составляют карты. Они говорят, что севернее раздела есть много Пушистиков, которые еще не начали эмигрировать. Возможно, они еще не слышали о множестве затки на юге.

— Я поеду туда, Джек. Я хочу взглянуть на них, посмотреть, как они живут.

— Только не сразу сейчас. Подождите неделю,

и я отправлюсь с вами. Мне еще многое надо выяснить. Завтра я отправлюсь в Мэллори-Порт. Насагара отзывает Пейна и его людей. Вы знаете, в какое положение это может нас поставить!

Герд кивнул.

— Мы удвоили Защитные силы. Это все, что мог сделать Лент для сохранения постов вдоль края Больших лесов и воздушных патрулей в сельскохозяйственном районе.

— Даже если мы сможем завербовать еще больше людей, я не знаю, чем мы будем снабжать их и как выплачивать жалование. Мы сейчас используем бюджет следующего года. Я поговорю об этом с Беном. Может, он выделит нам больше денег.

— Черт побери, я не могу дать ему денег! — Бен Рейнсфорд кричал во весь голос, но затем, опомнившись, выпустил клуб дыма из трубки, окрасившегося в красный цвет в лучах заходящего солнца. Если люди услышат, что он разговаривает сам с собой, то на следующий день в доме Компании да и во всем Мэллори-Порте будут говорить, что правитель Рейнсфорд сходит с ума. Пожалуй, если бы это было так, это никого бы не удивило.

Три Пушистика, Флора, Фауна и их друг Брил-

лиант, строившие маленькую беседку из деревянных брусков, которые садовники обычно используют для изготовления изгородей, вопросительно посмотрели на него, но, поняв, что это к ним не относится, вернулись к своему занятию. Солнце клонилось к закату, смеркалось, но они хотели закончить работу до того, как совсем стемнеет. Пушистики, как и Колониальное правительство, иногда испытывали недостаток времени.

Времени часто не хватало и ему. Девяносто дней Компания Заратуштры позволяла ему переделывать все общественные службы, которые она должна была поддерживать, но больше половины из них до сих пор ничего не делали. Выборы делегатов в конституционную комиссию продлятся еще месяц, но он понятия не имел, сколько времени выбранные делегаты, кем бы они ни были, проспорят, вырабатывая конституцию, сколько времени займет утверждение Колониального законодательства и сколько времени пройдет после подписания законов о налогах до того, как правительство начнет получать деньги.

Еще бы очень хотелось занять в Банковском картеле те полмиллиона солей, о которых распи-

нался Хьюго Ингерманн. Позднее Ингерманн был вынужден уменьшить эту сумму до пятидесяти тысяч, так же, как вынужден был отказаться от некоторых преувеличений в заявлениях о Бюро усыновления, но, кажется, народ еще верит его первоначальным заявлениям. К тому же пятьдесят тысяч для обыкновенных людей звучат как «очень много денег». Но на самом деле денег ему требовалось намного больше, чем он предполагал сначала.

Например, комиссии по местным делам. Они с Джеком считали, что для Защитных сил будет достаточно ста пятидесяти человек. Теперь они поняли, что людей не хватит, даже если их будет втрое больше. Они думали, что Герд ван Рибик и его жена Рут, Лина Эндрюс и Панчо Убарра смогут произвести все исследования и эксперименты. Сейчас с этим не успевали справляться госпиталь Мэллори-Порта и научный центр. Финансирующая их Компания Заратуштры могла потребовать от правительства компенсацию. А Бюро усыновления забрало денег столько, сколько первоначально предполагалось истратить на комиссию по местным делам.

Все-таки кое в чем он смог помочь Джеку. Алекс Напьер согласился, что защита аборигенов на

планетах класса четыре входит в функцию Вооруженных сил, и приказал Насагаре вернуть пятьдесят отозванных человек и добавить еще двадцать.

Пушистики внезапно прекратили работу и повернулись. Бриллиант схватил пушистофон.

— Паппи Вик! — восхищенно и одновременно удовлетворенно воскликнул он. — Иди посмотри, что мы делаем!

Флора и Фауна тоже выкрикнули приветствия.

Бен поднялся и, обернувшись, увидел коренастого мужчину, хорошо известного ему по телепередачам и с которым он избегал личных встреч. Виктор Грего приветствовал Пушистиков и Сказал:

— Добрый вечер, правитель! Извините за вторжение, но мисс Глинн взяла сегодня выходной и мне приходится самому забрать Бриллианта.

— Добрый вечер, мистер Грего, — Бен не почувствовал той враждебности, которой ожидал. — Вы можете немного подождать? У них важный проект, и они хотят закончить его до темноты.

— Да, я видел, — сказал Виктор Грего Пушистикам на их языке, выслушав объяснения того, что они делают. — Конечно, мы не можем помешать этому.

Пушистики вернулись к своему сооружению. Бен и Грего сели на складные стулья. Грего закурил. Бен смотрел на главу не привилегированной Компании Заратуштры, а тот наблюдал за Пушистиками. Это не мог быть Виктор Грего. «Виктор Грего» был олицетворением черного злодейства и безжалостного эгоизма, это же вежливый, учтивый джентльмен, который любит Пушистиков и очень деликатен в обращении со служащими.

— У мисс Глинн свидание с капитаном Ахмедом Кхадрой, — сказал Грего, прервав молчание. — Пятое за последние две недели. Боюсь, что скоро у них будет свадьба, и я лишусь сестры Пушистиков.

— Мне тоже так кажется. Они вполне серьезны в отношениях друг с другом. Если это так, она получит хорошего мужа. Я знаю Ахмеда, его полицейский пост был возле моего лагеря на континенте Бета. Плохо только, — добавил Бен, — что он, вероятно, так и не кончит следствие по делу Керкеда и Новайса. Это, конечно, не оттого, что он плохо работает.

— Гарри Стифер, мой шеф полиции, тоже не кончит его, — сказал Грего. — Он уже махнул на все рукой, это безнадежно.

— Вы думаете, в предложении, что кто-то обу-

чает Пушистиков для отлова других Пушистиков, ничего нет?

— Правитель, — покачал головой Грего, — вы знаете Пушистиков так же хорошо, как и я. Почти два месяца. Чтобы научить Пушистика что-то делать, требуется всего несколько часов. Я не понимаю, зачем кому-то ловить диких Пушистиков после того, как вы утвердили эти кровожадные законы. Преступник пойдет на преступление, если ему это выгодно, а в общем-то всякий, кто хочет получить Пушистика, может сделать это законным путем.

— Это верно. Не было никаких данных о черном рынке, и патрули Джека на севере континента Бета не обнаружили ничего, что указывало бы на отлов новых Пушистиков.

— Ахмед считает, что они могут идти на экспорт. Отлов Пушистиков для контрабандной вывозки и продажи вне планеты.

— Он говорил об этом Гарри Стиферу, и Джек Хеллоуэй тоже связался со мной по этому вопросу. Знаете, что надо сделать для предотвращения этого? Загрузить Пушистиков на корабль можно только на Дариусе, а отправить их на Дариус можно только с конечной станции Мэллори-Порта. До тех пор, пока будет сохраняться «скандальная

и отвратительная монополия на космический транспорт», мы можем быть уверены, что Пушистики не вывозятся с планеты.

— Вы думаете, Ингерманн нападает на вас из-за этого? — спросил Рейнсфорд, надеясь подобрать ключ к вопросу.

— Если здесь есть черный рынок, то он находится за спиной Ингерманна, — сказал Грего, словно констатируя общеизвестный факт. — За несколько лет он поразит всю планету. Я много знаю об этом так называемом почтенном Хьюго Ингерманне, и ничего из этого — положительного.

— Ахмед Кхадра тоже считает, что, нападая на космическую монополию Компании, они стараются обойти наш контроль на участке Конечной станции и на Дариусе. Вероятно, он говорил о Правительственном Космопорте, а его контролировать так же…

Грего на мгновение задумался, затем бросил сигарету и придавил ее каблуком. Он наклонился к Рейнсфорду:

— Правитель, вы сами знаете, что отняв у нас монополию, вы не сможете построить здесь второй космопорт. Ингерманн тоже об этом знает. Он атакует Компанию и провоцирует вас. Он надеется, что правительство не способно построить

здесь космопорт; он хочет сделать это сам.

— Дьявол, но где он возьмет деньги?

— Он может получить их, и если я не ошибаюсь, он сможет получить их сразу, как только отсюда отправится корабль на Мердок. Некоторые компании, владеющие кораблями, захотят конкурировать с космической линией Земля-Бальдур-Мердок, а некоторые экспортно-импортные дома захотят торговать на Заратуштре, конкурируя с непривилегированной Компанией Заратуштры. За шесть месяцев кто-нибудь из них сделает попытку выстроить здесь свой космопорт, если сможет получить здесь землю. А благодаря большой ошибке, совершенной мною восемь лет назад, они могут получить землю в свое распоряжение.

— Где?

— Здесь, на континенте Альфа, менее чем в сотне миль от места, где мы сейчас находимся. Прекрасное место для космопорта. Вас еще не было в это время?

— Нет. Мне стыдно об этом говорить, но я прибыл сюда шесть с половиной лет назад на корабле, который доставил сюда и Ингерманна.

— Ну, вы захотели прибыть сюда, он тоже. В это время был большой эмиграционный бум. Тогда

Компания была заинтересована в местном бизнесе так же, как межпланетная торговля в мясе степняков. Начали открываться независимые концерны по производству пищи и другой продукции, о которой мы не хотели беспокоиться. Мы продали им землю севернее города, прямоугольник со сторонами в одну на две мили, в нем около двух квадратных миль. Затем поток эмигрантов иссяк, а многие из прибывших улетели обратно. Для них здесь просто не было работы. Большинство из вновь организованных компаний разорились. Некоторые фактории временно прекратили свою деятельность, сооружение большинства из них было даже не закончено. Некоторые земли отошли в уплату банку. Большинство же земель попало в руки ростовщикам. После суда Пушистиков большинство документов на право собственности приобрел Ингерманн. Кроме него никто еще не вкладывал денег в недвижимое имущество: все надеялись получить землю от правительства.

— Но, вероятно, получив небольшую прибыль, он сам попадет под контроль людей, вложивших основной капитал. Или нет?

— Конечно, так оно и будет, но это честный бизнес, а Ингерманн им не интересуется. Он

надеется, что население планеты в следующие пять лет увеличится на двести-триста процентов. Имея в общественных владениях восемьдесят процентов земли, можно рассчитывать на это. Большинство из этих людей будут избирателями. Ингерманн пытается взять контроль над голосованием в свои руки.

Если он это сделает… Собственное положение Бена было безнадежно: он был назначен колониальным правителем, а это выглядело так, словно военные в результате интервенции поставили своего диктатора. Но колониальный правитель должен действовать от начала и до конца. Скоро он выберет законодательную власть. Конечно, он не питал радужных надежд, что законодательная власть сможет контролировать Хьюго Ингерманна. Виктор Грего тоже знал это.

Все-таки надо быть очень осторожным и внимательным. Грего хочет вернуть Компании положение, которое она занимала до открытия Пушистиков. Бену это было совершенно ясно.

Почти стемнело. Пушистики закончили свое строительство и отошли в сторону, ожидая, когда паппи Бен и паппи Вик подойдут к ним и посмотрят на их работу. Посмотрев, они похвалили Пушистиков. Грего поднял Бриллианта. Флора и

Фауна присели отдохнуть.

— Я думал об этом, — сказал Бен, вернувшись назад и посадив Пушистиков на колени. — Большинство старых планет перенаселено. Не пройдет и года, как люди оттуда бросятся сюда. Если я смогу стабилизировать положение прежде, чем…

— Если вас волнуют все службы общественного благосостояния, на время забудьте о них. Я думаю, Компания справится с этим за три месяца. Но будет ли это правильным после решения Пэндервиса? Сейчас никто не знает, какая ситуация сложится в ближайшее время. По крайней мере, мы можем на год отложить въезд эмигрантов.

— Через год у правительства больше не будет денег, — сказал Бен. — А вы будете ждать компенсации.

— Конечно, будем. Но мы не станем требовать золота или банковских билетов Федерации. Налоги, облигации, займы…

Конечно, документы на землю; закон требует, чтобы колониальное правительство предоставило имеющуюся в его распоряжении землю гражданам Федерации, но не требует делать это бесплатно. Это может стать одним из способов финансирования правительства.

К тому же этим путем Компания Заратуштры сможет загнать правительство в большие долги, чтобы вновь вернуть господство над планетой, ликвидированное судом Пушистиков.

— Полагаю, вы отправите Гуса Бранхарда обсудить это с Лесли Кумбесом, — намекнул Грего. — Вы доверяете Гусу и знаете, что он не загонит вас в ловчую яму. Так или нет?

— Ну, конечно, мистер Грего. Я хочу поблагодарить вас. Влияние на общественные службы беспокоит нас больше всего.

Он все еще не почувствовал облегчения, но не мог не чувствовать благодарности. Он ощущал замешательство и был раздражен больше на себя, чем на Грего.

19

Герд ван Рибик согнулся на краю невысокого утеса и медленно поворачивал ручку селектора на маленьком экранчике перед ним. Вид на экранчике сменился. Передающая камера была установлена на пятьдесят футов ниже и на пятьсот ярдов левее. На экранчике ничто не двигалось, за исключением колышимых ветром веток да танцующих древний брейк опавших листьев на переднем плане. Из динамика доносилось мягкое жужжание насекомых и «твит-твонк» голодного самца птицы-банджо. Затем его внимание привлек какой-то звук, возникший в шелесте опавших листьев. Он слегка повернул регулятор громкости.

— Что вы об этом думаете?

Джек Хеллоуэй встал на одно колено и поднял бинокль.

— Я ничего не вижу. Попробуйте еще раз.

Герд снова повернул ручку. Передающая камера показывала вереницу деревьев, зажженных лучами солнца, пробивающегося сквозь листву. Теперь он смог расслышать шелест и

приближающийся топот ног, а затем, включив ультразвуковой слуховой аппарат, услышал голос Пушистика.

— Сюда. Здесь недалеко. Найдем хагга-зоса.

Джек смотрел на открывающийся между утесами косогор.

— Если это то, что они называют глупцами, то я вижу шестерых из них, — сказал он. — И, вероятно, еще стольких же я не вижу. — Он наблюдал, прислушиваясь. — Теперь они идут сюда.

Пушистики остановились, разговаривая, но не производя почти никакого шума. Затем они вошли в зону видимости. Их было восемь. Они шли по одному. Оружие, которое они несли, было длиннее и тяжелее рубило-копателей Пушистиков-южан, круглое, а не весло-образное и с одним острым концом. Они подняли камни, которые несли в свободных руках, и остановились. Трое из них снова вернулись в кусты. Пять других развернулись в цепь и стояли, ожидая. Герд отключил экранчик, подполз к Джеку и заглянул через край утеса.

Теперь там было семь глупышей: похожие на грызунов зверьки с темно-серым мехом, полутора футов длиной и шести дюймов высотой усердно обдирали кору и подкапывали корни молодых

деревьев. Неудивительно, что леса здесь были такие редкие. Если глупышей много, чудо, что здесь вообще сохранились деревья. Герд поднял камеру и, наведя ее, сделал несколько снимков.

— Кто-то хочет добыть себе здесь ленч, — сказал Джек, окинув небо взглядом. — Гарпия в паре миль отсюда. Ух ты, еще одна. Мы задержимся здесь. Кажется, мы сможем помочь нашим друзьям-Пушистикам.

Пять Пушистиков, выжидая, стояли на опушке. Глупыши не слышали их и продолжали обдирать и жевать кору. Затем три Пушистика, обошедшие их кругом, внезапно выскочили из кустов, швырнули камни и, размахивая дубинками, побежали вперед. Один камень попал в глупыша и сбил его с ног. Один из Пушистиков вырвался вперед и размозжил ему голову дубинкой. Два других Пушистика напали на второго глупыша и тоже убили его. Остальные глупыши бросились бежать в сторону линии оцепления. Два глупыша были тут же сбиты камнями и распластались по земле. Другие удрали. Собравшись в группу, Пушистики, казалось, обсуждали свои военные действия. Затем они подсчитали свою добычу. У них было четыре глупыша: по пол-глупыша на каждого. Этого было вполне достаточно.

Они стащили дичь в одно место и, пользуясь пальцами и зубами, начали расчленять тушки. Помогая друг другу, они разрывали шкуру и освобождали мясо. Для разбивания костей они пользовались камнями. Герд снимал на пленку их пиршество.

— У наших Пушистиков манеры поведения за столом лучше, — прокомментировал он.

— У них есть ножи, которые мы сделали для них. Кроме того, они в основном едят затки, выбирая из них лучшие куски. Но все-таки в одном эти Пушистики обогнали наших. Наши Пушистики не охотятся объединенно, — сказал Джек.

Две точки в небе стали больше и ближе. Появилась третья.

— Кажется, пора заняться этим вплотную, — сказал Герд и потянулся за ружьем.

— Пожалуй, — Джек опустил бинокль и тоже проверил ружье. — Пусть они продолжают есть. Через минуту их ожидает большой сюрприз.

Пушистики, казалось, знали о присутствии гарпий. Вероятно, они улавливали ультразвуковые колебания их крыльев; сам Джек не мог определить это даже со слуховым аппаратом. В лесу было слишком много ультразвуковых шумов, а он еще не научился различать их. Пушистики на-

чали есть быстрее. Наконец один из них вскочил, показал на небо и крикнул: «Готза биззо!» Готза было уже известным местным зоологическим названием, хотя Пушистики в лагере Хеллоуэя теперь сказали бы: «Гами». Обедающие подняли свое оружие и мясо, которое могли унести с собой, и бросились в лес. Одно из животных, похожее на птеродактиля, было почти над головой, другое — в нескольких сотнях ярдов от него, а третье, уже хорошо различимое, быстро приближалось. Джек сел, перекинул ремень через левую руку, прижал приклад к щеке и оперся локтем о колено. Ближайшая гарпия, должно быть, заметила движение в кустах, она накренилась и скользнула вниз. Ружье Джека калибра 9,7 взревело. Гарпия кувыркнулась в воздухе и упала. Вторая гарпия резко взмахнула крыльями и попыталась набрать высоту. Герд выстрелил в нее. Ружье Джека снова громыхнуло, и третья гарпия, распластав жесткие крылья, тоже упала.

Сначала внизу воцарилась тишина, потом послышались голоса Пушистиков:

— Гарпии мертвые! как это получилось?

— Гром, наверное. Он убил гарпий. Может убить и нас?

— Плохое место! Биззо фаззи!

«Фаззи» означало приблизительно «убирайся».

Джек рассмеялся.

— Маленький Пушистик, в первый раз увидев, как я застрелил гарпию, отнесся к этому более спокойно, — сказал он. — Правда, до этого он увидел столько, что вообще перестал удивляться. — Джек вложил два патрона в магазин своего ружья. — Ну, биззо, фаззи. Мы здесь уже ничего не увидим.

Они сделали на аэрокаре круг и собрали ранее установленные ими передающие камеры, а затем набрали высоту и повернули на юг, в сторону горной цепи Водораздела, которая, словно поперечина буквы «Н», протянулась между грядой Западного побережья и Восточными Кордильерами. Очевидно, Пушистики нечасто пересекали эту цепь. Язык северных Пушистиков хоть и был понятен, но заметно отличался от того, на каком говорили в лагере. По-видимому, новость о небывалом количестве затки сюда еще не дошла.

Они говорили обо всем этом, направляясь на юг на высоте пяти тысяч футов. Внизу проплывали подножия скал. Они наметили место для постоянного лагеря, чтобы поближе познакомиться с этими Пушистиками, подружиться с ними, дать им игрушки и оружие, побольше думать о них.

Конечно, это будет только в том случае, если позволит бюджет комиссии по местным делам.

Затем они поспорили, решая, остаться ли им здесь на несколько дней или вернуться в лагерь.

— Я думаю, нам лучше вернуться, — с некоторым сожалением сказал Джек. — Мы прилетим сюда через неделю. Я хочу сам посмотреть, что там творится.

— Если там что-нибудь случится, они вызовут нас.

— Я знаю. Однако думаю, что все же лучше вернуться. Давай пересечем перевал и где-нибудь на той стороне разобьем лагерь, а завтра утром двинемся дальше.

— О'кей. Биззо, — Герд повернул аэрокар немного влево. — Мы дойдем до истока этой реки и там пересечем перевал.

Река несла свои воды через широкую долину. По мере того, как они приближались к истоку, ее берега сужались, а течение становилось быстрее. Наконец они приблизились к месту, где пенистый горный поток вырывался из каньона, врезавшеюся в основание горного перевала. Герд опустил кар на несколько сот футов и, снизив скорость, вошел в каньон. Он был нешироким. По обеим сторонам потока тянулись песчаные

пляжи. Деревья почти на фут поднимались на крутой откос, а выше, на голых скалах, можно было видеть только гранит и выветренный песчаник. На высоте пары сотен футов тянулся слой серого, почти не обветренного кремня.

— Герд, — сказал Джек, — возьми немного вверх и поближе к стене каньона. — Он передвинулся на сиденье и достал бинокль. — Я хочу поближе взглянуть на это.

— Зачем тебе? — спросил Герд, но внезапная мысль пришла ему в голову. — Ты думаешь, что здесь…

— Кремень — спутник солнечного камня, — Джек, казалось, не был доволен этим обстоятельством. — Вон сзади небольшой уступ. Сядем там. Я хочу посмотреть, что это такое.

Уступ, на котором еле-еле умещался кар, был покрыт тонким слоем земли. На нем, зацепившись корнями, росло несколько небольших деревьев и редкий кустарник. Отвесная поверхность серого кремня поднималась над ним примерно на сотню футов. У них не было подрывных зарядов, но в ящике для инструмента лежали микролучевой сканер и вибромолот. Приступив к работе, они разбивали и сканировали кремень, и через пару часов у них уже было два солнечных камня. Не-

правильной формы шар примерно семи-восьми миллиметров и эллипсоид вдвое больше первого камня. Когда Джек подержал их над горячей чашечкой своей трубки, они запылали.

— Джек, сколько они могут стоить?

— Не знаю. За один большой камень скупщики драгоценностей, вероятно, могут дать от шестисот до восьмисот солей. На земле он будет стоить две с половиной тысячи. Но посмотри вокруг. Толщина этого слоя триста футов. Он проходит вдоль всего каньона, примерно десять-пятнадцать миль, да еще на другой стороне такой же слой, — он выколотил трубку, продул ее и положил в карман. — И это все принадлежит Пушистикам.

Герд улыбнулся, но затем нахмурился. Резервация Пушистиков была утверждена декретом. Пушистики владели землей и всем, что в ней находится, а правительство и комиссия по местным делам являлись только опекунами. Вдруг он засмеялся.

— Джек, но Пушистики не могут добывать солнечные камни, а если и могут, то что они с ними будут делать?

— Не могут. Но это их страна. Они здесь родились и имеют полное право здесь жить. Разве мы можем их отсюда выгнать? Им принадлежит

земля, солнечные камни и все остальное.

— Но, Джек… — Герд посмотрел на стены каньона, на серый камень. Как уже сказал Джек, этот слой тянулся на мили. Даже если допустить, что на десять кубических футов кремня приходится один солнечный камень, и учесть огромный труд, затраченный на его добывание… — Ты хочешь, чтобы несколько Пушистиков бегали здесь, гоняли глупышей, а камни так и оставались в земле? — Эта мысль ужаснула его. — Но они даже не знают, что здесь их резервация.

— Они знают, что здесь их дом. Герд, подобное уже случалось на других планетах класса четыре, на которых появлялись люди. Мы давали аборигенам резервацию, мы говорили, что эта земля всегда будет принадлежать им, слово чести землян. Затем мы находили там что-нибудь ценное. На Локи — золото, на Торе — платину на Хоторе — ванадий и вольфрам, на Уггдрасиле — нитраты, на Джими — уран. Аборигенов отправляли в другую резервацию, потом в следующую и так далее. Мы не станем так поступать с Пушистиками.

— Что ты предлагаешь? Сохранить это в тайне? Если ты этого хочешь, забросим камни в речку и забудем о них. Но как гарантировать, что этот слой не увидит кто-нибудь другой?

— Мы не допустим сюда других людей. Я думаю, десантники Пейна и Защитные силы Джорджа Ланта справятся с этим. Джорджу я могу доверять, а вот Пейна хотелось бы узнать поближе. Их подчиненным я вообще не могу этого доверить.

— Рано или поздно кто-нибудь пролетит этим каньоном и все пойдет насмарку. Что будет потом, ты знаешь и сам, — он задумался. — Ты расскажешь об этом Бену Рейнсфорду?

— Лучше бы ты не спрашивал, Герд, — Джек вертел в руках трубку и кисет с табаком. — Наверное, расскажу. Отдам ему эти камни, они собственность правительства. Ну, биззо, летим прямо к лагерю. — Он посмотрел на солнце. — Через три часа будем там. Завтра я отправляюсь в Мэллори-Порт.

— Доктор Джименз, я боюсь поверить этому, — сказал Эрнст Мейлин. — Если бы это было правдой, было бы просто удивительно. Вы уверены в этом?

— Теперь мы все уверены, что вырабатываемые Пушистиками гормоны пагубно влияют на нормальное эмбриональное развитие, — сказал Юан Джименз с экрана. — Теперь мы уверены, что хокфусин нейтрализует эти гормоны. Крис Хоенвельд, увидев, что творится в пробирке,

задумался, нужен он здесь или нет. К тому же хокфусин, кажется, оказывает тормозящий эффект на секрецию желез, вырабатывающих эти гормоны. До того, как родятся младенцы от матерей, зачавших их после того, как они начали есть Рацион-три, осталось четыре-пять месяцев. Конечно, мы могли бы подождать, пока родятся дети в семьях, которым мы начали давать ежедневные дозы чистого хокфусина. Но мне кажется, что уже первые роды принесут нам уверенность.

— Доктор Джименз, как ваши люди обнаружили это?

— Предчувствие, — молодой человек улыбнулся. — Предчувствие девушки из лаборатории доктора Хоенвельда, Шарлотты Тресса. — Улыбка переросла в явный смех. — Хоенвельд просто взбешен. Нет теоретической базы, слишком много предположений. Вы знаете, как он говорит. Он допускает верность результатов, тем более, что они были продублированы, но он отвергает все ее рассуждения.

Он это может. Ян Кристиан Хоенвельд привык все делать по порядку, шаг за шагом: от А к Б, потом к В и Г, но если кто-то внезапно прыгал сразу на С или Т, а потом на Я — это было неправильно. К своей чести, Эрнст Мейлин уважал

предчувствия. Он знал, как много умственной активности уходит на то, чтобы вытащить из подсознания нужную мысль. Единственное, о чем он сожалел, это то, что у него самого было не так уж много хороших предчувствий.

— Ну, и как же она рассуждала? — спросил он. — Или это было чистой интуицией?

— Ну, она решила, что хокфусин может нейтрализовать гормоны, и это была отправная точка ее работы, — сказал Джименз. — Она пришла к этому выводу, узнав, что все без исключения Пушистики едят много сухопутных креветок. Это их расовая особенность. Правильно?

— Да, мы более или менее уверенно можем это утверждать. А еще лучше сказать — инстинкт.

— И все Пушистики, которых мы знаем, любят Рацион-три. Попробовав его однажды, они едят это блюдо при каждом удобном случае. Любой человек может отличить по вкусу один сорт табака или кофе от другого. Но реакция Пушистиков на Рацион-три немедленная и автоматическая. Поговорим еще об этом, доктор?

— О да. Я видел совсем немного Пушистиков, впервые пробующих Рацион-три. Вы определили точно: это физический отклик организма, — он на мгновение задумался, потом добавил: — Выра-

ботка этого инстинкта — результат естественного отбора.

— Да. Она считает, что определение на вкус отдельных молекул титана, присутствующих в организме сухопутных креветок и в Рационе-три, способствовало выживанию расы. Пушистики, не обладавшие этой способностью, вымерли, а остальные передали эту способность своему потомству. Выслушивая неистовые возражения Хоенвельда и разговоры о том, что она бесполезно тратит время, Шарлотта Тресса продолжала работать и выяснила действие хокфусина на гормоны. Теперь физиологи, которые выдвинули теорию, что циклично вырабатываемые гормоны, совпав по фазе с менструальным циклом, пропускают случайные жизнеспособные зародыши, обнаружили, что колебания выходов гормонов вообще не цикличны, а связаны с потреблением хокфусина.

— Ну, вам подвернулся счастливый случай. Теперь, кажется, все встает на свои места. Как вы сказали, вам потребуется около года, чтобы удостовериться в таком взаимодействии хокфусина и жизнеспособных зародышей, но я склонен к авантюре, поэтому рискну поставить на то, что все так и есть.

Джименз усмехнулся.

— Я уже заключил пари с доктором Хоенвельдом. Можно считать, что эти деньги лежат на моем счете в банке.

Беннет Рейнсфорд погрел два солнечных камня между ладонями, а затем, словно пару игральных костей, бросил их на стол. Он не был так счастлив даже тогда, когда Виктор Грею сообщил ему об открытии в научном центре взаимосвязи между хокфусином и гормонами. Они на правильном пути, он уверен в этом, и скоро все дети Пушистиков будут рождаться живыми и здоровыми.

А затем, сразу после ленча, Джек Хеллоуэй принес с континента Бета эту новость.

— Вы не сможете сохранить это в тайне, Джек. Ни одно открытие нельзя сохранить в тайне, потому что кто-нибудь другой немного позже все равно снова сделает его. Вспомним, как в Первом веке пытались пресечь открытие прямого преобразования ядерной энергии в электрический ток. Из этого ничего не вышло.

— Но это разные вещи, — набычившись, возразил Хеллоуэй. — Это же не закон науки, который можно открыть одновременно в нескольких местах. Речь идет об определенном месте, и если мы не будем допускать туда людей…

— Но кто будет наблюдать за наблюдателями?

— То же самое сказал Герд, — кивнул Джек. — Для любого слабохарактерного человека это открытие станет великим соблазном. А как только это откроется, вы знаете, что может случиться.

— На меня начнут давить, чтобы я открыл резервацию Пушистиков. Хьюго Ингерманн, Джон Доу, Ричард Роу и все остальные. Пока не будет избрана законодательная власть, я еще смогу сдерживать их, но потом…

— Я не имел в виду политическое давление, я хотел сказать о большом наплыве солнечных камней. Представьте, туда бросятся тысяч двадцать человек, и все они будут пользоваться антигравитацией и взрывать породу. А дальше — хуже. В ближайшие шесть месяцев сюда начнут прибывать эмигранты.

Бен об этом не подумал. Он был на других пограничных планетах, где находили богатые залежи полезных ископаемых, и он должен был сообразить. Ничто в Галактике не имело столь большой цены при столь малом объеме.

— Бен, я думал над этим, — продолжал Джек. — Мне самому не нравится эта идея, но это все, что я могу предложить. Солнечные камни сосредоточены в небольшом районе, примерно в пятьдесят

квадратных миль на северной стороне Перевала. Правительство объявит эту зону своего рода резервацией в резервации и само будет вести добычу солнечных камней. Прежде чем тайное станет явным, вы объявите, что в резервации Пушистиков правительство обнаружило солнечные камни и собирается разрабатывать их от имени Пушистиков. Правительство собирается разрабатывать там все рудники, и это должно прекратить все нападки на вас. Пушистиков выведут из зоны работ, и они не пострадают от подземных взрывов. А деньги, вырученные правительством на этой операции, могут пойти на защиту Пушистиков, игрушки, медицинскую помощь, оружие и Рацион-три.

— Вы не прикидывали, сколько понадобится денег для начала разработок, прежде чем мы начнем получать выручку за солнечные камни?

— Да. Я довольно долго добывал солнечные камни и думаю, что это обойдется в кругленькую сумму. Но у меня есть хорошая идея, а с хорошей идеей вы всегда можете финансировать любую операцию.

— Все это поможет в защите прав Пушистиков, и поможет очень сильно. Но предварительные расходы…

— Ладно. Сдавайте в аренду право разработок тому, кто сможет их финансировать. Правительство получит арендную плату, Пушистики — защиту, а резервация останется нетронутой.

— Но кто? Кто способен арендовать разработки? — он знал это, когда задавал вопрос. Непривилегированная Компания Заратуштры, только она сможет разработать рудник. Правда, по сравнению с проектом Большой черной воды эти разработки могут показаться случайным заработком. Но если сдать им права на все минеральные богатства в резервации, это остановит остальных.

Однако это может поставить Компанию в положение, в котором она была еще до решения Пэндервиса. Это может вернуть ей монополию на солнечные камни. Это может… Нет, это невозможно!

Невообразимо, черт побери! Так думать ему теперь над этим или нет?

Виктор Грего раздавил сигарету и, расслабленно откинувшись в кресле, закрыл глаза. Из комнаты Пушистика доносился приглушенный шум и частые хлопки выстрелов. Бриллиант наслаждался телеигрой. Это было хорошо, так как он не беспокоил паппи Вика, но по этим фильмам

он получал жуткое представление о жизни хагга. Правда, хороший хагга в конце концов всегда побеждал плохого, и это было хорошо.

Мысли Виктора перескочили на четырех конкретных плохих хагга: Ивана Боулбай, Слейка Хенсена, Рауля Лакортье и Лео Вакстера.

Трущобы Мэллори-Порта были заполнены плохими хагга, но это был Генеральный штаб. Боулбай держал в руках индустрию развлечений: телепередачи, включая и ту, которую смотрел в данное время Бриллиант, призовые бои, ночные клубы, проституцию и, без сомнения, наркотики. Возможно, он хотел получить Пушистиков для аттракционов в его ночных клубах, а кроме того, он может установить контакт с деловыми людьми, которые хотят усыновить Пушистиков и могут заплатить за них самые фантастические цены. Если здесь действительно существует черный рынок, то он играет в нем не последнюю роль.

Слейк Хенсен — игрок в азартные игры: игра на деньги, вымогательство, букмекерство. Линии его и Боулбая могли пересечься к их взаимной пользе в спортивных пари. Лакортье был вымогателем и шантажистом, просто преступником старомодного типа. Он занимался воровством и, раз уж этим можно было заработать, незаконной

скупкой драгоценностей.

Лео Вакстер был наихудшим из всех четверых. Лео Вакстер — маклер, представляющий заем, и частный финансист Он открыто давал заем на законных семи процентах. Он также давал и по более высоким расценкам тем, кто попал в переплет и не мог занять где-нибудь в другом месте, включая молокососов, которые разорились на азартных играх Слейка Хенсена. А чтобы выбить из них долг, он использовал хулиганов Рауля Лакортье.

А над всеми ними стоял пресловутый, но не изобличенный Хьюго Ингерманн, типичный генералиссимус подонков Мэллори-Порта.

Может, теперь они получат возможность доказать это. Следователи Лесли Кумбеса установили, что все четверо являлись подставными владельцами земель, которые Компания неблагоразумно продавала восемь лет назад. Эта зона к северу от Мэллори-Порта теперь была усеяна заброшенными факториями и коммерческими зданиями. Ингерманн контролировал эти земли и их подставных владельцев. К тому же было установлено, что именно эта четверка являлась Джоном Доу и Ричардом Роу и всеми прочими, кого Ингерманн представлял в суде сразу же

после решения Пэндервиса.

Теперь из комнаты Пушистика доносились звуки музыки. Очевидно, шла мелодрама. Грего открыл глаза, достал сигарету и, прикурив, начал подробно вспоминать все, что знал о четырех главных ставленниках Ингерманна. Вакстер — он появился на Заратуштре несколькими годами раньше Ингерманна. Сначала он был второсортным шантажистом, но затем он попытался организовать Союз рабочих, а так как Компания неодобрительно смотрела на Союзы, организованные посторонними людьми, он проявил мудрость и прекратил это. Потом он организовал рыночный кооператив независимых планет, а затем ударился в беспардонное ростовщичество. С ним была тогда какая-то женщина, то ли жена, то ли любовница. Может, она еще здесь. Пусть Кумбес поищет ее. Возможно, она согласится кое-что рассказать.

Бриллиант вышел из своей комнаты.

— Паппи Вик! Позалуста, поговори с Бриллиантом.

Лейтенант Фити Мортлек, дежуривший в Бюро детективов Компании с восемнадцати до двадцати четырех, зевнул. Еще больше двадцати минут. Если Берт Эггерс придет сменить его пораньше,

то и еще меньше. Он поправил кипу бумаг и бланков, лежащих на столе, и положил на них пресс-папье. Начали прибывать люди, дежурившие с двадцати четырех до шести часов утра, и в дежурке механические шумы печатных машинок, телетайпа и редкие завывания передаваемой на шестидесятой скорости видео-звуковой записи постепенно сменялись голосами, смехом и скрипом стульев. Когда, протолкнувшись между двумя сержантами, на пороге возник Берт Эггерс, Фити Мортлек стал раздумывать над тем, идти ли ему домой или почитать до тех пор, пока его не смотрит сон, или пройтись по барам и попытаться подцепить девочку.

— Ха, Фити! Как идет дежурство?

— О, спокойно! Мы нашли, где Джейсер прятал ворованное. Теперь мы все знаем об этом. А Милмен и Нагасара поймали тех ребят, которые воровали части от машин с Десятого склада товаров. Мы арестовали их, но пока еще не допрашивали.

— Мы позаботимся об этом. Они работают в Компании?

— Двое из них. Третий молодой, ему всего семнадцать лет. Им займется Юношеский суд. Мне кажется, они передавали ворованное Честному

Гейму.

— Как только я начинаю кого-нибудь подозревать, он тут же зовется Честным Кем-то или Чем-то, — сказал Эггерс, садясь на освободившийся стул.

Он снял пиджак, достал со дна выдвижного ящика наплечную кобуру с пистолетом и, надев ее, снова облачился в пиджак. Он вытащил зажигалку и кисет и, не найдя трубки, обыскал весь стол, прежде чем откопал ее в куче каких-то фототелеграмм.

— Кто это? — спросил он, взглянув на фотографии.

— Керкед и Новайс, очередная ложная тревога. Пара лесных бродяг, которые возвращались на континент Эпсилон.

Эггерс скорчил кислую мину.

— Эти проклятые Пушистики только добавляют нам работы, — сказал он. — Да еще мои малыши требуют, чтобы я достал им одного. И жена тоже. Знаете, Пушистики стали символом престижа. Если у вас нет Пушистика, вы можете смело отправляться в Трущобы.

— У меня нет Пушистика, но я не пошел в Трущобы.

— У вас нет детей-школьников?

— Благодарение Богу, нет.

— Держу пари, он к тому же не имеет никаких неприятностей в финансовых делах, — сказал один из стоящих в дверях сержантов.

Он хотел что-то возразить, но прежде чем он успел это сделать, какой-то голосок произнес:

— Уиик!

— Голос дьявола! — сказал кто-то.

— Фити, у вас здесь Пушистик? — спросил Эггерс. — Где, черт побери?..

— Он там, — показал один из мужчин, стоящих в дверях.

Пушистик вышел из-за стула на открытое пространство. Он дернул полу пиджака Эггерса и снова уикнул. На его спине был какой-то горб.

— Что это он надел на спину? — спросил Эггерс и потянул вниз. — Во всяком случае, где ты это взял?

На спине Пушистика был маленький рюкзак с кожаными ремешками и завязанной веревкой горловиной. Как только Эггерс выказал к нему интерес, Пушистик освободился от ремней и, кажется, был счастлив, что избавился от своей ноши. Мортлек поднял рюкзак и положил его на стол. В нем было больше десяти фунтов веса — пожалуй, многовато для Пушистика. Эггерс

развязал веревку и запустил в рюкзак руку.

— Да здесь какие-то камешки, — сказал он и вытащил руку. Камешки слабо пылали. Словно боясь обжечься, Эггерс высыпал их на стол.

— Святой Боже! — он никогда прежде не слышал, чтобы кто-нибудь мог так пронзительно кричать. — Проклятье, это же солнечные камни!!!

20

— Но зачем? — настаивал Бриллиант. — Зачем Большое существо первым «банг, банг» и сделало его мертвым? Не хорошо. Зачем не сделало другом, не помогло, не дало игрушки?

— Ну, некоторые Большие существа плохие, делают неприятности. Другие Большие существа сражаются, чтобы не было беды.

Но зачем бывают плохие Большие существа? Почему они не хотят стать друзьями, помогать, давать игрушки, быть хорошими?

— Дьявол! Ну как вы сможете ответить на подобные вопросы? Может, именно это Эрнст Мейлин имел в виду, когда сказал, что Пушистики — разумнейшие из людей. Возможно, они слишком разумны, чтобы быть плохими, но как неразумному человеку объяснить им все это?

— Паппи Вик не знает. Может, это знает дядя Эрнст или дядя Панко?

Тихо зазвенел вызов личного коммуникатора. Бриллиант оглянулся: такое случалось не часто. Сняв Бриллианта с колен и посадив его на стул, Виктор поднялся и, подойдя к стене, включил

экран. Это был капитан Морган Лански из конторы шефа Стифера. Он выглядел так, словно перед ним упала граната, которая вот-вот должна была взорваться.

— Мистер Грею, хранилище драгоценностей! В нем Пушистик, он ограбил его!

Грего хотел спросить Лански, не пьян ли он или, может быть, сошел с ума, но подавил этот импульс. Тут было ни то, ни другое — Лански был очень испуган.

— Успокойтесь, Морган. Расскажите все по порядку. Во-первых, что вы знаете о случившемся, а затем, что вы думаете об этом.

— Да, сэр, — Лански овладел собой, мгновение помолчал. — Десять минут назад, когда в конторе детективов началась пересменка, там находились два лейтенанта. Пушистик вышел из темной кладовки, которая находится в конторе. На его спине был маленький рюкзак, в котором находилось около двенадцати фунтов солнечных камней. Вы хотите взглянуть на них?

— Потом. Давайте дальше, — но прежде, чем Лански смог продолжать рассказ, Грего спросил: — Вы уверены, что он вышел из кладовки?

— Да, сэр. В дверях дежурной комнаты стояли пять или шесть человек, он мог попасть только

через вентиляционный канал. Решетка канала была открыта.

— Разумно. Через эту вентиляционную систему он мог попасть и в хранилище драгоценностей.

Выход на лестницу, ведущую в хранилище драгоценностей, был на том же уровне, что и служба детективов. С обеих сторон были установлены передающие камеры, благодаря которым просматривался каждый метр пространства. Больше солнечным камням взяться было неоткуда; все, что накопилось в служебном сейфе Эванса, только вчера было переправлено в хранилище.

— Десять минут; что сделано за это время?

— Здесь Карлос Хартадо. Он остался, как и большинство других, закончивших свою смену. Мы подняли по тревоге всю полицию Компании, блокировали все четырнадцать нижних уровней и второй блок пятнадцатого. Я вызвал шефа, и он скоро придет. Хартадо связался с полицией Мэллори-Порта, они помогут людьми и транспортом, чтобы блокировать здание снаружи. Я послал за доктором Мейлином и мистером Эвансом и попросил доставить несколько слуховых аппаратов.

— Ладно. Сейчас же вышлите за мной джип или кар. Я открою хранилище драгоценностей. Пусть

меня кто-нибудь встретит. Возьмите ошеломители. Там могут оказаться другие Пушистики. Вызовите управляющею зданием и инженера-вентиляционщика, пусть они захватят с собой план системы вентиляции.

— Хорошо. Что еще, мистер Грего?

— Пока все. Смотрите сами.

Он отключил экран. Бриллиант, сидевший на стуле, смотрел на него широко открытыми глазами.

— Паппи Вик, что случилось?

Грего взглянул на Бриллианта.

— Бриллиант, ты помнишь, как плохое Большое существо перенесло тебя сюда вместе с другими Пушистиками? — спросил он. — Если ты снова увидишь их, ты их узнаешь?

— Хороший друг; узнаю снова.

— О'кей. Останься. Паппи Вик скоро вернется.

Он пошел на кухню и взял пару банок Рационатри. Вернувшись, он отыскал слуховой аппарат и упаковал его. Бриллиант пользовался пушистофоном, поэтому Грего не нуждался в аппарате. Затем, посадив Бриллианта на плечо, он вышел. Как только он появился на террасе, с краю опустился серебристый аэроджип Компании с темно-красной надписью «Полиция». У Грего

мелькнула мысль, что полицейский транспорт должен отличаться по цвету, чтобы не путать его с обыкновенными карами Компании. Потом надо поговорить об этом с Гарри Стифером. Пилот открыл дверцу. Грего взобрался в джип и поудобнее устроил Бриллианта на коленях. Выслушав доклад пилота, он взял радиофон.

— Это Грего. С кем я говорю? — спросил он.

— Хартадо. Мы изолировали шестнадцать уровней внутри и снаружи. Капитан Лански и лейтенант Эггерс пошли встречать вас к хранилищу драгоценностей. Пришел доктор Мейлин, пришли также мисс Глинн и капитан Кхадра из Защитных сил. Может, они узнают что-нибудь от этого Пушистика, — он что-то озабоченно пробормотал. — Вы не знаете, какова будет следующая работа, которую Пушистики подкинут полиции?

— Скоро Пушистики научатся взламывать сейфы. Вы получили план вентиляционной системы?

— Он на подходе. Здесь инженер-вентиляционщик. Вы думаете, там есть другие Пушистики?

— Четыре, если не больше. И два человека. Их зовут Фил Новайс и Мозес Керкед.

Хартадо немного помолчал, а затем выругался:

— Черт побери, как же я не подумал об этом? Я

уверен, что это они! Именно они!

Аэроджип опустился на третий уровень. Там около двух каров стояли полицейские с портативными автоматическими винтовками. Пролетая по горизонтали, Виктор видел, что в некоторых конторах продолжалась работа, хотя и не такая интенсивная, как обычно. Спускаясь по вертикальному лучу на подлете к пятнадцатому уровню, они увидели еще один полицейский кар. Пилот джипа включил красно-белую мигалку и, взяв мегафон, произнес:

— Это мистер Грего, не задерживайте нас.

Кар освободил дорогу.

Пятнадцатый уровень был империей полиции. Все вокруг было тихо, только на подходе к вертикальному лучу и в горизонтальных проходах сконцентрировалось больше транспортных средств, чем обычно. Пилот посадил джип перед входом в помещение скупки драгоценностей. Морган Лански и детектив ждали его там. Он вылез сам и помог выбраться Бриллианту, а пилот передал детективу банки с Рационом-три. Лански, к которому вернулся его обычный апломб, усмехнулся.

— Переводчик, мистер Грего? — спросил он.

— Да. И возможно, он сможет провести опозна-

ние. Я думаю, он узнает этих Пушистиков.

Пару секунд Лански переваривал информацию, а затем кивнул:

— Уверен. Это может объяснить все.

Они прошли через дверь и сразу заметили, что были приняты все меры безопасности. Хотя решетка и была поднята, перед ней стояли два автоматчика. Полдюжины человек с ошеломителями, короткими карабинами, дула которых расширялись на конце, как у древних мушкетов, стояли позади них. Дверь в конце короткого коридорчика тоже была открыта, и никто не беспокоил их опознанием или проверкой.

Грего открыл дверь на лестницу, ведущую в хранилище драгоценностей, и опять никто не остановил его, но он даже не заметил этого. Лански, Эггерс, человек, несший банки с Рационом-три, и человек с ошеломителем последовали за ним. Он быстро выбил на клавиатуре бессмысленный текст, являющийся ключом к замку. Через десять секунд дверь отошла и скользнула в сторону.

Как всегда, освещение внутри было включено. Словно два светлых пушистых шара на черном бархате стола, Пушистики сосредоточенно играли с тысячами пылающих солнечных камней.

Веревочная лестница, достаточно большая для Пушистиков, свисала из вентиляционного отверстия.

Оба Пушистика испуганно подняли головы. Один из них сказал, как бы обвиняя:

— Вы не говорили, что камни светятся. Вы говорили, что камни как все.

Его компаньон пригляделся к вошедшим и крикнул:

— Не знаю этих Больших существ! Как они пришли в это место?

Лански наблюдал за Бриллиантом, которого передал ему Грего, когда открывал дверь. Бриллиант увидел сидевших на столе и, узнав их, что-то возбужденно забормотал. Грего взял его и посадил на стол рядом с другими Пушистиками.

— Не бойтесь, — сказал он. — Я не обижу. Вот ваш друг, покажите ему камни.

Узнавание было взаимным. Пушистики обняли Бриллианта и что-то быстро залопотали. Лански подошел к экрану и набрал комбинацию вызова.

— Вы тоже убежали от плохих Больших существ? — спросил Бриллиант. — Как вы нашли это место?

— Большие существа принесли нас. Сказали нам идти по длинной маленькой норе и взять

камни. Сказали нам взять камни, как брали в другом месте.

— В каком другом месте? — хотел узнать Грего. Другой Пушистик заговорил:

— Большие существа посылали нас идти в длинную маленькую нору, взять камни. Мы брали камни, Большие существа давали нам есть хорошую пищу. Не брали камни, Большие существа обижались, сердились, сажали в темное место, не давали есть, заставляли делать снова.

— У кого Рацион-три? — спросил Грего. — Откройте банку.

— Лаци-тли, — повторил Бриллиант, услышав его слова. — Паппи Вик дает лаци-тли, хокси-фуссо.

На экране перед Лански был Хартадо. Он чуть отошел в сторону, чтобы последний мог видеть, что происходит в хранилище драгоценностей. Хартадо выругался.

— Теперь все в здании надо переделывать, чтобы в это помещение не могли пробраться Пушистики, — ворчал он. — Шеф идет, — добавил он, повернувшись. — Шеф, идите, смотрите, что творится.

Рацион-три был у Эггерса, он открыл банку. Достав кекс, он разломил его на три части и дал

по куску каждому Пушистику, предварительно сдвинув в сторону кучу солнечных камней, стоимостью примерно в пару миллионов солей. Два маленьких воришки драгоценностей уже были знакомы с продуктом, который им дали, и сразу же начали есть. Эггерс, не сводя с них глаз, подошел к экрану. Гарри Стифер ругался еще более виртуозно, чем Хартадо. Затем, оборвав себя, поздоровался.

— Хелло, мистер Грего. Остались еще солнечные камни, кроме тех, что на столе?

— Я еще не проверял, — он огляделся вокруг. Все ящики были выдвинуты. Очевидно, чтобы достать камни из ящиков верхнего ряда, Пушистики вставали на верхние ящики. Лански нашел пару маленьких брезентовых рюкзаков, и теперь рассматривал их.

— На что они похожи, капитан?

— Не ходите вокруг стола, — предупредил Лански. — Здесь весь пол покрыт камнями.

— Тогда немного отойдем. Конрад Эванс уже пришел?

— Мы пытаемся связаться с ним, — сказал Стифер. — Доктор Мейлин и капитан Кхадра здесь, мисс Глинн скоро подойдет. Я сейчас ухожу на командный пункт, а здесь оставлю кого-нибудь.

— Полагаю, Пушистиков вы тоже оставите? Я возьму эту пару наверх, а Бриллиант поможет нам расспросить их.

Стифер согласился, а затем, извинившись, повернулся и отдал распоряжение кому-то, находившемуся в комнате. Один из детективов вышел и вернулся с метелкой и совком. Он держал совок, пока Лански сметал в него солнечные камни. Там было больше камней, чем он ожидал. Возможно, даже половина всего их количества. Он ссыпал в выдвижные ящики, не считаясь с размерами и качеством камней, их можно будет рассортировать позже. Когда он стал собирать камни со стола, все Пушистики энергично запротестовали. Бриллиант тоже хотел поиграть с ними. Грего утешил их, разделив еще один Рацион-три, и заверил Бриллианта, который, в свою очередь, заверил своих друзей, что паппи Вик даст им другие хорошие вещи.

— Вы, капитан, лейтенант Эггерс и еще пара человек останетесь здесь, — сказал он. — Я думаю, здесь есть еще Пушистики, и они могут вернуться за оставшимися камнями. Наблюдайте за вентиляционной системой и, если сможете, поймайте их. Только не повредите им что-нибудь. Когда поймаете, доставьте их в кабинет шефа.

Я иду туда.

— Ради Христа, пусть они поторопятся! Что мы с ними будем делать потом?

За последние двадцать минут Фил Новайс произнес это уже раз десять-двенадцать. Он сидел на краю вентиляционного люка с тех пор, как пришел сюда, и с каждой минутой раздражался все больше и больше. Керкед тоже начал беспокоиться. Это могло обернуться для них бедой. Потеряв над собой контроль в подобной ситуации, быстро накличешь на себя беду. Сначала Фил был слегка самонадеян — это тоже было плохо.

Они довольно удачно спрятали кар на десятом, не занятом уровне, рядом с тем местом, где два месяца назад держали Пушистиков. Они знали, что, когда один из этих проклятых Пушистиков убежал от них, полиция Компании начала патрулировать не занятые уровни. Сбежавший Пушистик объявился в личных апартаментах Виктора Грего. С тех пор место, где они спрятали кар, было относительно безопасно.

Длинный спуск к пятнадцатому уровню среди канализационных и водопроводных труб и главного вентиляционного канала, тянувшийся почти тысячу футов, был тяжелым и опасным. Пушистики толкались в ящике, антиграви-

тационный подъемник то и дело цеплялся за переплетения труб. В какое-то мгновение Фил даже пожалел, что встретил этих Пушистиков. Но он сосредоточился на работе, удерживая подъемник от раскачивания, и благополучно доставил их всех вниз. Это было перед тем, как он оказался на краю вентиляционного отверстия, и его нервы стали сдавать.

— Фил, мы легко возьмем камни, — прошептал Мозес Керкед. — По этому каналу им надо пройти пол-мили. Кроме того, в хранилище им надо наполнить рюкзаки, а они при этом всегда тянут время. Этих педерастов никогда не заставишь поторопиться.

— Может, что-то случилось? Может, они повернули не в том месте и погибли? Эта система более запутана, чем та, в которой они тренировались.

— О, они все выберутся оттуда. Разве они уже не сделали три удачных ходки? И, черт побери, не разговаривай так громко!

Это его очень тревожило. Все силы полиции Компании были сосредоточены вокруг места, где они ожидали Пушистиков. Служба полиции была несколько в стороне, но все остальные важнейшие службы — пожарная, радиационной безопасности, первой помощи и гараж их транс-

порта — располагались вокруг них, а звуки по этим вертикальным лучам, воздушным каналам и трубопроводам разносились на огромные расстояния.

— У нас уже достаточно камней, — сказал он. — Давай бросим их и уйдем сейчас. Мы и так можем получить за то, что у нас есть, миллионов пятьдесят.

— Уйти и оставить Пушистиков?

— Черт с ними, с Пушистиками! — заорал Фил.

— Он говорит, черт с ними! Он не знает, что Пушистики умеют разговаривать. Мы потратили на них два месяца, держали взаперти, и все потому, что этот Пушистик Грего узнал нас. Мы должны вернуть всех пятерых и уничтожить их. Если мы этого не сделаем, полиция задержит и уничтожит нас.

Фил наклонился к квадратной отдушине и прислушался.

— Я что-то слышу. Кажется, разговаривают двое.

Керкед включил слуховой аппарат и приблизился к отверстию. Да, там разговаривали два Пушистика: решали, сколько им еще идти.

— Как только они выйдут, их надо будет спихнуть в мусоропровод, — сказал Фил, кивнув на

толстую трубу, которая вела к расположенному на семисот-футовой глубине конвертеру концентрированной энергии.

— Это будет последний путь Пушистиков, всех пятерых, но только тогда, когда они притащат из хранилища все солнечные камни, — он сомневался, чтобы они притащили хотя бы половину.

— Сейчас рано. Они идут сюда. Хватай одного.

Как только Пушистик появился в отверстии, Новайс схватил его. Керкед схватил второго. У обоих были полные рюкзаки. Фил освободил Пушистика от ремней и передал его Новайсу, а затем развязал веревку и высыпал содержимое рюкзака в открытый чемодан с драгоценностями. Потом он снова закрепил рюкзак на спине Пушистика.

— Все нормально. Иди, возьми еще камней.

Пушистик что-то недовольно сказал, он не понял, что, только разобрал слово «фуссо» — это означало пищу или требование еды. Важное слово для Пушистиков.

— Нет. Ты возьмешь камни, потом я дам «фуссо», — он подтолкнул Пушистика к вентиляционному каналу. Затем взял второго. — Давай, высыплю из твоего рюкзака, и следуй за ним. Будете ходить, пока не принесете все солнечные

камни.

Человек в мундире сержанта, занявший стол шефа Стифера, курил то, что, вероятно, было одной из сигар шефа, и разговаривал с девушкой на экране связи. В соседней комнате Эрнст Мейлин, Ахмед Кхадра и Сандра Глинн разговаривали с сидевшим на краю стола и с удовольствием жевавшие Рацион-три Пушистиком. На Кхадре был вечерний костюм, а Сандра была одета во что-то чарующее со множеством черных кружев. На среднем пальце ее руки пылал солнечный камень, которого раньше Грего у нее не замечал.

«Нужна сестра Пушистиков, обращаться к Виктору Грего».

Они посадили Бриллианта и его друзей на пол. Грего поблагодарил и отпустил человека, который помогал ему. Заметив сидевшего на столе, Пушистики подняли крик и подбежали к нему. Первый Пушистик спрыгнул на пол и заторопился навстречу вошедшим.

— Чего вы добились от него? — спросил Виктор Грего.

— Кажется, здесь вытанцовываются Керкед и Новайс, — с отвращением произнес Кхадра. — Я все время следил за черным рынком, они там не появлялись. Они находились где-то здесь, в

городе, и учили Пушистиков воровать солнечные камни. Боже! Младшие братья стали помощниками мошенников!

— Керкед и Новайс. А еще кто?

— Еще два мужчины и одна женщина. И пять Пушистиков, которых Керкед и Новайс привезли вместе с Бриллиантом.

Они все время находились где-то в пятнадцати минутах хода от дома Компании. Эти бандиты научили их ходить по вентиляционным каналам, открывать решетки на отдушинах, пользоваться веревочной лестницей и выносить из хранилища камни. Они, вероятно, сделали копию вентиляционной системы в хранилище драгоценностей. Они практиковались все время. Если они очищали хранилище на макете и приносили камни (речной гравий, предположим), то получали Рацион-три. Если нет, их наказывали ударом электрического тока и голодными запирали в темницу. Знаете, они могли их застрелить.

— Они не могли застрелить их, у них слишком многое было поставлено на карту, — сердито возразила Сандра.

— Действительно, слабый пол! — Ну, я думаю, если мы схватим их, суд приговорит их к расстрелу. Что еще сделано?

— Немного, — ответил Мейлин. Запас его слов иссяк, и он не мог выразить всего, что чувствовал. — Мы пытались выяснить их маршрут по вентиляционной системе. Пушистик знает, как он шел в хранилище, но не может рассказать.

— Бриллиант, ты поможешь паппи Вику. Поговори с Пушистиками для дяди Эрнста, дяди Ахмеда и тети Сандры. Помоги Пушистикам рассказать о плохих Больших существах, о месте, где они были, о том, что делали, как ходили по длинной норе, — он повернулся к Кхадре. — Ему показали видеозапись Керкеда и Новайса?

— Еще нет. Мы только поговорили с ним.

— Дайте им всем троим посмотреть эту видеозапись. Проведите опознание. И продолжайте расспросы о вентиляционном канале. Посмотрим, может, они смогут рассказать, в каких направлениях они двигались к хранилищу, где сворачивали и в каком месте вошли в систему.

21

Пройдя холл, он вошел в помещение оперативной информации, которое было довольно оживленным, хотя большого шума там не было. Каждый знал, что ему надо делать, и делал это с минимальной суетой. Группа людей, полицейских и инженеров, теснилась за большим столом, на котором был расстелен огромный лист какого-то плана и находился информационный экран. Другая группа полицейских и людей поддержки собралась вокруг большой объемной модели четырнадцатого, пятнадцатого и шестнадцатого уровней, которая проектировалась на двух-трех экранах. Модель была прозрачной и выглядела как анатомическая, ну, а весь дом Компании можно было сравнить с организмом. Дыхательная система — вентиляция, в которой был заинтересован каждый. Выделительная система — система сточных вод.

А теперь в этот организм проникла пара вредных микробов, называемых Фил Новайс и Мозес Керкед, которых разыскивали полицейские-лейкоциты, чтобы нейтрализовать.

Некоторое время Грего следил за этой работой, потом подошел к ряду видеоэкранов. Холлы и транспортные пути, контролируемые полицией и спешно мобилизованными вооруженными группами поддержки, были почти пусты. Грузовые станции были оккупированы полицейскими и наблюдателями на аэрокарах. Вид с аэрокара, поднявшегося на тысячу футов над зданием, блокируя здание снаружи, был великолепен. Грего удовлетворенно кивнул. Они не смогут выйти из здания, а как только они появятся на каком-нибудь экране, полиция сможет приблизиться к ним и окружить.

На одном экране, передающая камера которого была установлена над дверью хранилища драгоценностей, он видел Моргана Лански, Берта Эггерса и двух детективов, расположившихся вокруг стола с электрическим подогревом. Вспотевшие, они сняли мундиры и пристально смотрели на маленькую веревочную лестницу, которая, свисая, отбрасывала причудливую тень. На другом экране сержант в кабинете Гарри Стифера сидел за столом и наблюдал, как Эрнст Мейлин и Ахмед Кхадра суетятся вокруг демонстрационного экрана, а Сандра Глинн сидит на полу и разговаривает с Бриллиантом и тремя его

друзьями.

Гарри Стифер сидел за главным пультом и следил за всем происходящим. Грего подошел и сел рядом.

— Мистер Грего, пока не видно никаких сдвигов, — сказал шеф полиции. — До сих пор все спокойно.

— Наружу еще ничего не выплыло?

— Не думаю. Всепланетные Новости, заметив кружащие над домом Компании кары, связались с городской полицией. Им сказали, что ведется погрузка ценностей для отправки на космическую станцию. Кажется, они приняли эту версию.

— Мы не можем долго сидеть в этой неопределенности.

— Надеюсь, до того, как мы схватим этих, мы сможем сохранить все это в тайне.

— Вы уже связались с Конрадом Эвансом?

— Нет. Его нет дома. Сейчас я покажу вам.

Стифер набрал комбинацию вызова на одном из экранов связи. На засветившемся экране появилось широколобое, с узким подбородком лицо главы скупщиков драгоценностей.

— Это запись. Она сделана в двадцать один ноль ноль, — говорил Конрад Эванс. — Я и миссис Эванс ушли, мы вернемся после полуночи, — ска-

зал голос Эванса. Затем экран мигнул, и запись повторилась снова.

— Я могу вызвать его по экстренной связи, но не хочу этого, — сказал Стифер. — Мы не знаем, сколько человек вовлечены в это дело, и не хотим тревожить их.

— Не надо. Четыре мужчины и женщина. Пушистики говорят, что сюда их принесли два человека, предположительно, Керкед и Новайс. Значит, двое мужчин и женщина ждут их где-то снаружи. В данное время Эванс нам не нужен. Полночь уже прошла. Включи постоянный вызов в его доме.

Эванс с женой, вероятно, ушли в гости. Ходили разные слухи о миссис Эванс… Он отстранил эти мысли.

— У нас нет маленьких роботов-ищеек, которые смогли бы двигаться по вентиляционному каналу? — спросил Грего.

— Мистер Гайеррин, инженер-вентиляционщик, имеет дюжину таких роботов. Он предлагал использовать их, но я запретил до согласования с вами. Они двигаются на антигравитации, а даже самый маленький генератор антигравитации создает ультразвуковые шумы. В вентиляционной системе предположительно находятся еще два

Пушистика. Разве мы хотим испугать их?

— Нет. Пусть лазают. Если мы не испугаем их, они, может быть, выйдут в хранилище драгоценностей.

Он посмотрел на видеоэкран, установленный в другом конце помещения. Кхадра и Мейлин приготовили видеозапись. Сандра перенесла Пушистиков и усадила их перед экраном, а Бриллиант объяснил им, что такое экран и что такое видео-звуковое изображение.

На экране с видом хранилища драгоценностей Лански и детективы перегнулись через стол и к чему-то прислушивались. Теперь у них была пара слуховых аппаратов, которыми пользовались Эггерс и один из детективов. Лански повернулся в сторону камеры и стал подавать какие-то знаки. Стифер взял микрофон и попросил обратить внимание на хранилище драгоценностей.

В течение десяти секунд, показавшихся вечностью, на экране не происходило никаких изменений. Вдруг на лестнице появился быстро спускающийся Пушистик. Один из детективов хотел схватить его, но Эггерс знаком приказал этот не делать. Мгновением позже показался другой Пушистик.

Эггерс обеими руками схватил его за ноги и

оттащил от лестницы. Пушистик ударил его кулачком в лицо. Первый Пушистик, уже спустившийся на стол, попытался снова взобраться на лестницу. Лански схватил его. Один из детективов бросился на помощь Эггерсу. Борьба прекратилась, пленники были нейтрализованы. Лански крикнул:

— Мы взяли обоих! Сейчас принесем наверх!

Стифер крикнул, чтобы девушка, следившая за экранами, включила микрофон, и приказал Лански и одному из детективов оставаться сторожить хранилище драгоценностей. Лански подтвердил получение этого приказа. Другой детектив и Эггерс взяли Пушистиков и вышли из помещения.

В конторе Стифера Пушистикам показывали видео-звуковую запись Мозеса Керкеда. Это был старый фильм, где Керкед рассказывал о своем образовании и прежнем месте работы. Стифер что-то спросил у сержанта, сидевшего за его столом, и подозвал Ахмеда Кхадру.

— Ладно, — сказал Кхадра, когда Стифер рассказал ему о случившемся. — Теперь все они в сборе. Когда их доставят сюда, мы снова прокрутим им Керкеда, а потом покажем Новайса. Это они привезли их сюда вечером. Так утверждает

первая тройка.

— Они все еще в здании, — сказал Стифер. — Значит, двое мужчин и женщина остались снаружи. Хотел бы я…

— Шеф, мне кажется, я знаю их, — сказал Грего.

Конечно, это было только предположение, но оно вписывалось в общую картину. Он внезапно вспомнил то, что знал о мистере Конраде Эвансе.

Когда Лео Вакстер — теперь маклер, дающий взаймы всем, и частный финансист — десять лет назад впервые появился на Заратуштре, с ним была женщина, но она не была ему ни женой, ни любовницей, она была его сестрой. Роза Вакстер. Через некоторое время она оставила Вакстера и вышла замуж за минералога Компании, Конрада Эванса, который после открытия солнечных камней стал главой скупщиков драгоценностей Компании.

— Какой номер вызова Эванса? — спросил он Стифера. Стифер сказал, и Грего повторил его Ахмеду Кхадре. — Когда те два Пушистика прибудут, вызови его. Ответом будет видео-звуковая запись. Посмотрим, может, ребята опознают его.

Стифер взглянул на него скорее весело, чем удивленно.

— Я даже не подумал об этом, мистер Грего. Но, кажется, все сходится.

— Интуиция, — если кто и уважает интуицию, так это только полицейские. Просто я вспомнил, на ком женился Эванс — на Розе Вакстер.

— Эй! — Стифер пробормотал что-то. — Я тоже знал все это, просто не придал значения. Значит, висеть им всем вместе.

Пару минут они сидели и обсуждали, как повесят преступников, и одновременно по экрану наблюдали за тем, что происходит в кабинете Стифера. Туда вошли Эггерс и детектив, они были все без пальто. Каждый из них нес Пушистика. Тот Пушистик, которого нес Эггерс, пытался достать оружие из заплечной кобуры лейтенанта.

Конечно, их повесят вместе. У этой банды есть точный план хранилища, который знал Эванс и очень немногие другие. Устройство вентиляционной системы не являлось совершенно секретным. Любой, занимающий должность Эванса, мог получить план. У них было место для содержания Пушистиков, место, достаточно большое для того, чтобы построить точную копию хранилища и вентиляционной системы. Ну, а в районе, который все называют «Заложенными виллами», есть много свободных факторий и

складов. Вышеназванный район был приобретен Хьюго Ингерманном, а подставным лицом при покупке был Вакстер. Как в эту компанию затесались Керкед и Новайс, не столь уж важно. Когда их поймают и допросят, все выплывет наружу. Десять к одному, что связующим звеном и главным двигателем этого дела была Роза Вакстер, жена Конрада Эванса.

Пушистики в конторе Стифера оказались вместе. Кхадра, Мейлин и Сандра пытались заставить их посмотреть на экран. Грего повернулся к Стиферу.

— Пошлите несколько человек на квартиру Эванса, сделайте полный обыск. Может, там отыщутся какие-нибудь доказательства.

— Их там не было.

— Нет, они были в одном из зданий Заложенных вилл, но мы не знаем, в котором именно. Я свяжусь с Яном Фергюсоном.

Он рассказал Фергюсону о своих подозрениях. Начальник полиции кивнул.

— Разумно, — сказал он. — Для помощи я вызову городскую полицию. Мы перекроем все подходы, чтобы никто не мог ни войти, ни выйти, а затем начнем обыск. Там только две тысячи квадратных миль и около трехсот зданий, — добавил

он. — К тому же я думаю связаться с Насагарой. Может, он даст мне десантников.

— Ну, не тяните с обыском. Оставьте кого-нибудь на своем месте для связи. При первой же возможности пошлем вам помощь.

Грего взглянул на экран, на котором был виден кабинет Стифера. Кхадра связался с квартирой Эванса и теперь мог слышать записанный голос хозяина, сообщающий, что он с женой не появится дома раньше полуночи. Пушистики, видимо, узнали голос Эванса. Они явно выказывали неприязнь к нему.

— Поднимите общую тревогу и арестуйте его, миссис Эванс и Лео Вакстера. Я думаю, вам не стоит беспокоиться, что вы наделаете слишком много шума.

— Арестуйте также и Ивана Боулбая, Рауля Лакортье и Слейка Хенсена, — добавил Фергюсон. — И всех их хулиганов. — Он на мгновение задумался. — И Хьюго Ингерманна. Наконец-то мы сможем допросить его как подозреваемого. Я свяжусь с Гусом Бранхардом.

— И с Лесли Кумбесом — он поможет.

— Верно. Все!

Стифер взял микрофон.

— Пушистиков в системе больше нет. Можно

начинать спектакль! — он встал и обошел вокруг стола.

На экране из кабинета Стифера появился Кхадра.

— Все нормально. Они знали Эванса. Он из банды. Кем он работал?

— Его использовали в качестве главы скупщиков драгоценностей Компании. Это было пятнадцать минут назад, но теперь он уволен без выходного пособия и без рекомендаций, — Грего на секунду задумался. — Капитан, какие грязные ноги у этих Пушистиков.

— Что? — Кхадра с недоумением посмотрел на него, а затем воскликнул: — Да, так и есть! Серо-коричневая пыль. У них весь мех в пыли.

— Ладно, это даже хорошо, — Грего поднялся и подошел к большому столу с моделью здания, где Стифер разговаривал с группой людей. Он заметил Нильса Гайеррина, инженера-вентиляционщика, и отвел его в сторону.

— Нильс, внутри вентиляционных каналов очень пыльно? — спросил он.

— Конечно. Пыль переносится воздушным потоком и кондиционером, — ответил инженер. — В помещениях полно пыли…

— Каналы пыльные, и это нам на руку. Теперь

эти роботы-ищейки смогут пройти по следам, оставленным Пушистиками в системе?

— Да, уверен в этом. У них оптические рецепторы, система наблюдения в видимом и инфракрасном свете, всевозможные усилители…

— Их надо запустить в систему из хранилища драгоценностей и из конторы детективов. Когда вы сможете это сделать?

— Прямо сейчас. Мы подключим экраны и проследим за ними. Прикажете начинать?

— Давайте, — он повысил голос: — Шеф! Капитан Хартадо, лейтенант Мортлек! Ду-биззо. Сейчас мы запускаем в вентиляционную систему роботов-ищеек.

Фил Новайс посмотрел на Керкеда. Было только час тридцать. Конечно, проклятые часы могли остановиться, но он был уверен, что заводил их. Придерживая запястье в луче тусклого света, он скосил глаза на часы. Секундная стрелка медленно двигалась по циферблату. Прошло всего несколько секунд с тех пор, как он в последний раз смотрел на часы.

— Тридцать пять минут, — сказал Керкед.

— Трое других ушли час назад. Что-то здесь не так. Мы дождемся, пока чертовы…

— Мы подождем еще немного, Фил. Мы про-

сто обязаны дождаться пятидесяти миллионов, дождаться этих Пушистиков и заставить их замолчать.

— У нас уже больше пятидесяти миллионов. Если мы и дольше останемся здесь, то ничего больше не получим, кроме дыры в голове. Я знаю, что случилось: Пушистики вышли где-то в другом месте. Они бегают на свободе с рюкзаками, набитыми солнечными камнями…

— Потише, Фил, — Керкед потянулся к карману на рубашке, включил слуховой аппарат и сунул голову в отверстие вентиляционного туннеля. — Фил, теперь там спокойно. Вообще никто не знает, что там случилось. Это ультразвук, вот и все. Грего — единственный человек в доме Компании, который может открыть хранилище, а он по крайней мере недели две не будет открывать его. Камни из конторы Эванса убрали только вчера. Так что пройдет много времени, прежде чем кто-нибудь узнает, что они исчезли.

— Я думаю, что Пушистики вылезли где-то в другом месте. Боже мой, они могли выйти в зоне полиции! — это, конечно, могло случиться, но он не хотел думать об этом. А теперь, когда предположение было высказано, у него появилась уверенность, что все так и произошло. — Если

так, то нас уже ищут.

Керкед не слушал его. Он выключил слуховой аппарат, и, сидя на корточках возле вентиляционного канала, развернул плитку жевательной резинки, предусмотрительно сунув обертку в карман. Еще одна глупость — нет никаких причин для запрещения здесь курить. Он снова включил слуховой аппарат. Звук, от чего бы он ни исходил, стал громче.

— В канале что-то есть, — он достал защитные очки и включил инфракрасный фонарь.

— Не делай этого! — резко сказал Новайс.

Керкед проигнорировал предупреждение и направил в канал невидимый луч. По направлению к отверстию что-то двигалось, но это были не Пушистики. Это был каплевидный металлический предмет, обнюхивающий стены и тихо скользящий по направлению к ним.

— Это ищейка! Взгляни, Фил, кто-то разоблачил нас. Они запустили в канал робота-ищейку… Возьми чемодан с камнями! Уходим! — приказал Керкед.

— Я же творил, что здесь что-то не так! — застонал Новайс.

Он закрыл небольшой чемоданчик, втолкнул его в ящик на антигравитационном подъемнике

и закрепил крышку. Затем он прицепил карабин страховочного ремня к подъемнику Когда он обернулся, Керкед вытащил свой пистолет. Прозвучал выстрел. Подбежав к подъемнику, Керкед тоже зацепил свой страховочный трос и достал два шеста с крючками на концах. Один из шестов он передал Филу.

— Включай подъем, — приказал он. — Пора сматываться.

Фил нащупал выключатель и включил его. Все: подъемник, ящик, Фил и Керкед — стали подниматься, слегка покачиваясь в луче.

— Что это тебе взбрело в голову стрелять? — спросил он, отталкиваясь шестом от стены. Выстрел могли услышать.

— А ты хотел, чтобы робот преследовал нас? — спросил Керкед.

— Осторожно! Прямо под ногами магистральный водопровод.

Возможно, робот двигался, производя профилактический осмотр, может, Керкед просто ударился в панику. Нет. С самого начала здесь было что-то не так. Проклятые Пушистики вышли где-то в другом месте, кто-то увидел их… В луче было слишком много всяких трубопроводов и магистралей. Они с Керкедом снова и

снова отталкивались шестами от всех этих нагромождений. В какое-то мгновение подъемник заклинило, и у них мелькнула мысль, что они безнадежно застряли и никогда больше не выберутся на свободу. Затем подъемник снова стал двигаться, и они увидели уходящую вниз сеть трубопроводов. Белые цифры 15 на сторонах луча сменились цифрой 14, значит, они уже прошли пятнадцатый уровень. Осталось пройти только пять уровней и два этажа.

Но вокруг из мегафонов раздались голоса:

— Кары П-18, П-19 и П-10! Четырнадцатый уровень, четвертый этаж, размещение ДА-231.

— Пилот кары 12, поднимитесь к тринадцатому, шестой этаж…

Фил выругал Керкеда:

— Кое-кто был уверен, что они обнаружат случившееся не раньше чем через месяц!

— Заткнись. Мы выйдем из луча двумя этажами выше, сдай влево. Они перекрыли луч наверху.

— Да, и попадем прямо к ним в руки, — возразил Фил.

— Мы попадем к ним в руки, если останемся здесь. У нас остался единственный шанс выбраться.

Они проплывали мимо центрального водово-

да, мимо разъединителей и вентиляционных систем. Затем, вцепившись крюками за поручни, они втянули подъемник в боковой проход. Прежде, чем Керкед смог взять на себя управление подъемником и посадить его, они проплыли по проходу около сотни футов. Они отцепили свои страховочные ремни.

Это был служебный проход, достаточно широкий для того, чтобы по нему прошел маленький кар или джип. Обслуживающий персонал использовал его для подступа к вентиляторам и водяным насосам. Чтобы найти выход, Керкед и Новайс прошли по проходу, таща за собой на буксире подъемник и внимательно осматриваясь по сторонам. Здесь могли быть и другие вертикальные лучи, но не было никакой гарантии, что их тоже не перекрыли.

— Как мы отсюда выберемся?

— Какого черта ты спрашиваешь меня? — парировал Керкед. — Я вообще не имею никакою понятия, как нам отсюда выйти, — он остановился и указал на открытый дверной проем. — Лестница. Мы поднимемся вот здесь.

Они пересекли коридор. Откуда-то из заброшенного, почти не освещенного прохода донесся голос. Слова были неразборчивы. Вероятно, этот

проход там соединялся с другим, но дальше по нему идти нельзя, это точно.

— Мы здесь не сможем протащить подъемник, — он знал это, но все же попытался. Подъемник не проходил в узкую дверь. — Придется нам самим нести чемодан.

— Сними ящик с подъемника, — сказал Керкед. — Чемодан слишком тяжел, его надо нести вдвоем.

В верхней крышке ящика размерами четыре на четыре и на три фута были просверлены отверстия, чтобы Пушистики при перевозке не задохнулись. Теперь этот ящик был пуст. Фил открыл крышку и вытащил чемодан. Нет, они не смогут нести его, и бросить тоже нельзя. Ящик был прикреплен к подъемнику. Керкед достал карманный нож, в наборе лезвий которого была отвертка, и начал удалить скобки.

— Куда мы пойдем?..

— Не философствуй, ты, богом проклятый! Давай, работай! В ящике не осталось какой-нибудь веревки? Если осталось, обвяжем чемодан…

Через плечо Керкеда, в сотне футов от себя, Фил увидел вползающий в проход джип. На мгновение он застыл от страха, затем крикнул:

— Позади тебя… — и бросился в открытую

дверь. Запинаясь об узкие ступеньки, он побежал наверх. Сзади дважды хлопнули пистолетные выстрелы, потом послышалась автоматная очередь и два небольших взрыва: взрыв, секунда тишины, затем второй. Снизу донесся крик.

Они взяли Керкеда и солнечные камни тоже! Потом он забыл об этом. Только бы удрать, удрать побыстрее!

Лестница упиралась в стальную дверь. О боже! Только бы она не была заперта! Он всем телом бросился на нее.

Дверь не была заперта. Она открылась, и Фил, перелетев через порог, захлопнул ее за собой. На лестнице слышались голоса бегущих за ним полицейских. Он повернул к освещенному холлу.

В пятнадцати футах от него стоял полицейский, держа наготове короткий карабин с расширяющимся на конце дулом ошеломителя. Фил пригнулся и схватился за пистолет. Дуло карабина-ошеломителя на бедре полицейского качнулось в его сторону. Он уже наполовину вытащил пистолет, когда заряд ошеломителя попал в него, и он потерял сознание.

Комната оперативной информации погрузилась в тишину. Когда голоса, доносившиеся из динамиков, смолкли, на мгновение воцарилась

полная тишина. Затем послышался легкий шорох: все находившиеся в помещении, вздохнули одновременно. Грего заметил, что он сдерживает дыхание, и глубоко вдохнул воздух. Рядом с ним шумно дышал Гарри Стифер.

— Ну что ж, — сказал шеф. — Как-никак, а я рад, что им удалось взять Новайса живым. Через пару часов он сможет говорить.

Он достал сигарету и закурил.

— Мозес Керкед больше не заговорит. Дюжина автоматных пуль заставила его замолчать навсегда.

— Что делать с солнечными камнями?

— Отнесите их в хранилище. Мы рассортируем их завтра или когда будет время, — Грего повернулся к включенным экранам связи с городской и колониальной полицией. На них были сержанты, которые замещали соответственно Ральфа и Яна Фергюсона. — Вы слышали, что произошло?

— Мы поняли главное, — ответили они. — Вы взяли их и вернули солнечные камни, но как это было в деталях?

— У них был антигравитационный подъемник. Они поднялись по одному из вертикальных лучей до четырнадцатого этажа и вышли в эксплуатационный коридор. Их заметили с одного

из наших джипов. Керкед пытался завязать бой, и его превратили в рубленный бифштекс. Новайс пробежал марш лестницы и, выйдя в холл, оказался прямо перед полицейским с ошеломителем. Через некоторое время мы допросим его и узнаем подробности этой истории с Пушистиками, — сказал Грего. — Что у вас в районе Заложенных вилл?

— Мы окружили этот район, — сказал сержант Фергюсона. — Выбраться они могут только пешком, на транспорте — исключено. У нас над головой висят три военных судна с экранами кругового обзора. В распоряжении Насагары сотня десантников и наших людей.

— Я не могу помочь вам в этом деле, — сказал шеф полиции Мэллори-Порта. — Все мои люди на облаве. Если вам больше не нужна блокада дома Компании, я заберу их. Мы взяли Боулбая, Слейка Хенсена и Рауля Лакортье, а теперь возьмем всех, кто имел дело с ними или с Лео Вакстером. Вакстера у нас пока нет. Я думаю, он в Заложенных виллах вместе с Эвансом ждет, когда Керкед и Новайс привезут добычу. И мы взяли Хьюго Ингерманна. Правда, пока он не хочет говорить. Мы вытащили из постели судью Пэндервиса, и он подписал ордер. Теперь у нас есть основание

для их допроса под детектором лжи. Мы начнем с мелюзги, а Ингерманна прибережем напоследок.

У него не возникло вопроса, как в дело о покушении на хранилище был вовлечен Лео Вакстер. Если Боулбай, Хенсен или Лакортье имели какую-то связь с этим делом, то она была несущественна. Но их можно допросить не только по этому делу, а и по некоторым другим. Под детектором лжи они не смогут увернуться от ответов и могут дать улики против себя — так называемый, акт самообвинения.

— Ну, теперь я знаю, чего они хотели от Пушистиков, — сказал Грего. — В настоящее время нам неясна самая малость. — Он взглянул на экран, связывающий его с кабинетом Стифера. Теперь там находились полдюжины человек и среди них он с изумлением увидел Джека Хеллоуэя. За время, пока продолжалась эта заварушка, он не мог прилететь сюда с континента Бета. — Я свяжусь с вами немного позже.

Он пересек холл и присоединился к группе, которая расспрашивала пятерку Пушистиков Керкеда-Новайса-Эванса-Вакстера. Там были также Юан Джименз и пара докторов, которые работали с Пушистиками и Приемном Центре Бюро Усыновления. Там же была Клодетта Пэндервис.

Как только он вошел, Джек Хеллоуэй подошел к нему, и они пожали друг другу руки.

— Я подумал, что, может быть, смогу вам чем-нибудь помочь, — сказал Джек. — Послушайте, мистер Грего, вы не собираетесь выдвигать каких-нибудь обвинений против этих Пушистиков?

— Боже милостивый, нет!

— Ну, они же разумные существа и нарушили закон, — сказал Хеллоуэй.

— Юридически они приравниваются к десятилетним детям, — сказала миссис Пэндервис. — И они морально отвечать за содеянное не могут, потому что научились этому от людей.

— Да, здесь вырисовывается порабощение, — сказал Ахмед Кхадра. — За это предусмотрена смертная казнь. Расстрел.

— Я надеюсь, что они расстреляют и эту женщину, Розу Эванс. Первой, потому что она гораздо хуже их двоих, — сказала Сандра Глинн. — Она единственная, кто использовал электрический ток, наказывая Пушистиков за допущенные ошибки.

— Мистер Грего, — прервал Эрнст Мейлин. — Я ничего не понимаю. Этим пушистофоном может пользоваться любой Пушистик. Они берут его за маленькую ручку, и одновременно срабатывает

выключатель. Бриллиант говорит, и его слышно, но он совсем не может научить пользоваться им других Пушистиков. Включите свои слуховые аппараты и послушайте.

Бриллиант взял свой пушистофон и заговорил. Все было слышно. Когда он передал его другим Пушистикам, люди услышали только уиканье.

— Дайте-ка мне посмотреть его, — Грего взял пушистофон и отнес его к столу. Осмотрев его снаружи, он взял отвертку и открыл крышку. Механизм, казалось, был в порядке. Он вытащил маленькую батарейку и заменил ее другой, которую нашел в столе шефа, и отдал пушистофон Мейлину.

— Дайте его какому-нибудь Пушистику, только не Бриллианту. Пусть он скажет что-нибудь.

Мейлин передал пушистофон одному из Пушистиков, которых Лански и Эггерс захватили в хранилище драгоценностей, и что-то спросил у него. Тот, держа пушистофон у рта, ответил вполне разборчиво. Три или четыре человека воскликнули: «Что за черт!» или что-то вроде этого.

— Бриллиант, тебе не нужна эта вещь, в которую говорят. Говори сам, как Большое существо, — сказал Грего. — Ты уже несколько раз говорил как Большое существо. Теперь ты мо-

жешь говорить, как они.

— Как ты? — спросил Бриллиант.

— Как он это делает? — спросила миссис Пэндервис. — Их голоса вообще не слышны.

— Вы думаете, когда села батарейка, он начал копировать те звуки, которые привык издавать с пушистофоном? — спросил Мейлин.

— Вероятно, так. Он слышал себя и учился управлять голосом, чтобы самому имитировать эти звуки. Держу пари, он уже неделю говорит так, а мы ничего об этом не знаем.

— Держу пари, он и сам этого не знал, — сказал Джек Хеллоуэй. — Мистер Грего, как вы думаете, он может научить этому других Пушистиков?

— Интересно, трудно это или нет? — спросил Мейлин. — И знает ли он сам, как у нет это получилось?

— Мистер Грего, — вмешался в разговор сержант полиции со все еще включенною экрана связи. — Шеф спрашивает, вы пойдете в хранилище проверять содержимое чемодана?

— Есть ли там кто-нибудь, кто сможет сделать это без меня?

— Ну, капитан Лански, но…

— Тогда закройте хранилище; я не стану этого делать. Черт с ними. Я проверю завтра. Сейчас

я занят.

22

— Как вы думаете, пятьдесят солей за карат будет достаточно? — спросил Виктор Грего.

Беннет Рейнсфорд взял со стола зажигалку и стал ее озабоченно рассматривать, а потом раскуривать трубку, которая, кстати, в этом совсем не нуждалась. Теперь он ближе узнал Виктора Грего и понял, что тот ему нравится. Но он все еще присматривался к нему. Грего был олицетворением не привилегированной Компании Заратуштры, а Компания отнюдь не была филантропическим институтом.

— По-моему все нормально, — согласился Джек Хеллоуэй. — Когда я был изыскателем и сам добывал солнечные камни, вы мне платили примерно так же.

— Но пятьдесят, Джек. По ценам черного рынка Земли дают тысячу солей за карат.

— Бен, здесь не Земля. Земля в пятистах световых годах отсюда, до нее лететь шесть месяцев. Думаю, мистер Грего сделал нам хорошее предложение. Нам остается только положить деньги в банк. Остальное сделает Компания.

— Каковы будут примерные месячные расходы на добычу камня?

Грего пожал плечами.

— Ну, я не могу этого сказать. Пусть скажет Джек. Как вы думаете?

— Это зависит от того, какое оборудование и сколько вы будете использовать. Если это что-то подобное моим инструментам, то у вас получится соотношение — один солнечный камень на тонну кремния.

— Мы можем обрабатывать в месяц много тонн кремния, а, по описаниям Джека, этот рудник будут разрабатывать также и наши внуки. Знаете, правитель, сделайте специальное заявление о том, что все векселя вскорости оплатят Пушистики.

— К этому надо присмотреться; это не должно стать источником политического взяточничества. Теперь в течение месяца надо провести выборы кандидатов на конституционный съезд. Выбрать человека и наделить его полномочиями, чтобы он мог постоянно охранять права Пушистиков, — он подумал, что можно рассчитывать на Виктора Грего и тот во всем ему поможет.

Гус Бранхард наливал из бутылки в стакан, который держал Лесли Кумбес. Добавив пятьдесят

граммов льда на пятьдесят граммов виски, тот сказал быстро:

— Этого достаточно, благодарю, — и сам долил содовой. — И Хьюго Ингерманн совершенно невиновен, — с отвращением произнес он.

— Ну, не виновен в бизнесе с Пушистиками и в покушении на хранилище драгоценностей Компании, — согласился Гус, добавляя виски в свой стакан. Когда Бранхард смешивал коктейль, он всегда добавлял туда виски, лед и содовую… — Что же касается его жизни, это, вероятно, единственные пункты, по которым он не виновен. Но он не ускользнет безнаказанно, — Бранхард прихлебнул из своего стакана, и Кумбес внутренне содрогнулся: у этого человека, должно быть, бронированный желудок.

— Допросив этого типа под детектором лжи насчет бизнеса на Пушистиках и похищения солнечных камней, мы получили множество доказательств касательно его связей с людьми Вакстера, агентством Боулбая, поставляющем девочек по заказу, призовыми бойцами Хенсена и мускулистом сбродом Лакортье. Я вышел против него с дробовиком: я насел на нею с обвинениями, и некоторые из них больно ударили по нему. И даже если я не смогу изобличить его

в чем-нибудь, он будет лишен права заниматься адвокатской деятельностью. В этом я совершенно уверен. И эта его партия Планетарного процветания лопнет, произойдет утечка радиации, будет мощный взрыв, и она уничтожит себя и всех вокруг. Каждый назовет ее Партией убийц Пушистиков, и каждый, кто хоть как-то связан с ней, немедленно отойдет от нее. Если мы будем работать вместе, мы создадим хорошую Конституцию усыновления и примем великолепные законы. Мы можем надеяться на правителя Рейнсфорда и на Виктора Грего в том, что они признают эту Конституцию и эти законы и будут считать их «хорошими»?

— Можем, — ответил Бранхард. — У нас в запасе есть несколько месяцев, прежде чем начнется вторжение эмигрантов и захват территории планеты. И Бена Рейнсфорда беспокоит это так же, как и Виктора Грего. Лесли, если вы пойдете в суд и подадите иск с требованием нанести на карту все незанятые земли Компании и произвести их исследование, я позабочусь о том, чтобы правитель не был против вас. На что это похоже?

— Это похоже на то, что нам вернут все, чего мы лишились, а также право разработки солнечных камней в придачу. Я предлагаю выбрать

Маленького Пушистика почетным членом совета директоров. С титулом Благодетель Компании номер один.

Маленький Пушистик взобрался на колени к папочке Джеку и немного поворочался, усаживаясь поудобнее. Он был так счастлив вернуться назад. У него было там много забав в доме Большого места, и у него, и у Мамочки, и у Ко-Ко, и у Золушки, и у Синдрома, и у Живодера, и у Идеи, и у Пожирателя Капусты, и у Бедовой Бабенки. Они встретили там много других Пушистиков, которые, жили с Большими существами, стали их собственностью, и у них было место, где они встречались и играли вместе. Они встретили там двух влюбленных, которые получили имена Пьеро и Коломбина. Маленький Пушистик также встретил там Бриллианта, о котором ему говорил дядя Панко, а также папочку Бриллианта — Вика.

Он встретил Бриллианта, когда дядя Панко и тетя Лина взяли их всех в вещь, летающую по небу, к месту Большого дома, потому что Бриллиант обнаружил, как можно говорить подобно Большим существам без использования одной из этих говорящих вещей, и Бриллиант учил их всех, как это делать. Это очень трудно, очень.

Бриллиант был умным, он обнаружил это у себя, а потом они все обнаружили, что могут это делать. И теперь Майк и Майзи, Комплекс и Суперэгоист, Заморыш и Колымага Бордена пришли к месту Большого дома с паппи Гердом и мамми Вууф, и они научились говорить так, как Большие существа, и те теперь могут слышать их. Малыш научился этому от Мамочки, а завтра они смогут научить всех остальных здесь, в «хоксу-митто».

— Скоро все Пушистики научатся говорить подобно Большим существам, — сказал он. — Не нужна будет говорящая вещь, чтобы Большие существа могли нас слышать. Все будут говорить так, как это делаю сейчас я.

— Это правильно, — сказал паппи Джек. — Большие существа и Пушистики будут говорить вместе. Все будут хорошими друзьями. Никто никого не будет обижать.

— Пушистики узнают, как можно помочь Большим существам. Пушистики смогут сделать много вещей, если Большие существа покажут им, что и как надо делать и как надо поступать.

— Лучшее из всего, что сделали Пушистики и чем они смогли помочь Большим существам, это то, что они появились, и тем, что они есть, — ответил однажды папочка Джек, улыбнувшись.

Но чем еще они могут быть? Пушистики были тем, чем они были так же, как Большие существа были Большими существами и никем другим.

— И кроме того, — продолжал паппи Джек, — теперь все Пушистики очень богатые.

— Богатые? Что это такое? Подобно «лацитли»?

Он удивился, почему это папочка Джек улыбается. Возможно, потому, что счастлив, или потому, что папочка Джек думает, как это забавно, что он, Маленький Пушистик, не знает, что такое деньги.

Было так много вещей, которые Пушистикам еще предстояло узнать…